Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ ИМ. ПАТРИСА ЛУМУМБЫ» (РУДН)

На правах рукописи

СМИРНОВ Дмитрий Дмитриевич

ОБЯЗАТЕЛЬСТВА ИЗ АРБИТРАЖНОГО СОГЛАШЕНИЯ И ИХ ИСПОЛНЕНИЕ В МЕЖДУНАРОДНОМ КОММЕРЧЕСКОМ АРБИТРАЖЕ: ОПЫТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:
кандидат юридических наук,
доцент, Ситкарева Елена Витальевна

Москва – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3

Глава 1. Обязательства сторон, возникающие из арбитражного соглашения 19

§ 1. Природа арбитражного соглашения и содержание возникающих из него обязательств 19

§ 2. Правовые основы обязательств, возникающих из арбитражного соглашения 36

Глава 2. Особенности исполнения обязательств из арбитражного соглашения 48

§ 1. Понятие и способы исполнения обязательств из арбитражного соглашения 48

§ 2. Адаптация условий для исполнения обязательств из арбитражного соглашения 65

§ 3. Исполнение обязательств из арбитражного соглашения при прекращении деятельности согласованного сторонами арбитражного учреждения 77

Глава 3. Правовые последствия неисполнения обязательств из арбитражного соглашения 106

§ 1. Направление сторон арбитражного соглашения в арбитраж государственными судами 106

§ 2. Антиисковый запрет как способ обеспечения исполнения обязательств из арбитражного соглашения 120

§ 3. Материальные меры ответственности за неисполнение обязательств из арбитражного соглашения 136

Заключение 153

Список литературы 157

Введение

Актуальность темы исследования. Международный коммерческий арбитраж на протяжении последних десятилетий выступает основным инструментом разрешения внешнеэкономических споров. Такое положение обеспечивается Конвенцией о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (Нью-Йорк, 10 июня 1958 г.) (далее — «Нью-Йоркская конвенция»)[1], которая заложила единую основу для трансграничного исполнения арбитражных решений.

Меньшее внимание в Нью-Йоркской конвенции уделено другому инструменту, открывающему доступ к арбитражу, — арбитражному соглашению. Важной характеристикой такого соглашения является его исполнимость, которая реализуется уже после возникновения между сторонами спора. Разрыв во времени между заключением арбитражного соглашения и его исполнением неизбежно создает неопределенность для сторон. Именно в момент исполнения арбитражного соглашения обнаруживается, что вопрос о том, порождает ли оно обязательства, каково их содержание и каковы последствия их нарушения, не имеет однозначного ответа.

Актуальность избранной темы диссертационного исследования проявляется в нескольких аспектах.

Правоприменительный аспект. На исполнение обязательств из арбитражного соглашения влияют общие тенденции изменения арбитражного законодательства, связанные как с государственными реформами[2], так и с изменением арбитражных регламентов[3]. Такие реформы затрагивают в том

---

[1] Конвенция о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (Нью-Йорк, 10.06.1958) // Вестник ВАС РФ. 1993. № 8.

[2] В 2025 году были приняты новые арбитражные законы в Китайской Народной Республике (новая редакция Закона КНР об арбитраже принята Постоянным комитетом Всекитайского собрания народных представителей 12.09.2025 и вступила в силу 01.03.2026) и в Англии и Уэльсе (Arbitration Act 2025). В этом же году Министерство юстиции Российской Федерации подготовило предложения о внесении изменений в Федеральный закон от 29.12.2015 № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации».

[3] 1 января 2024 года вступила в силу обновленная редакция правил CIETAC, 1 июня 2024 года — регламент Гонконгского международного арбитражного центра, 1 января 2025 года — правила Сингапурского

числе статус арбитражных учреждений. В Российской Федерации в ходе реформы 2015–2017 годов арбитражные учреждения, не получившие права осуществлять функции постоянно действующего арбитражного учреждения, утратили возможность администрировать арбитраж[4], что поставило под вопрос исполнимость ряда арбитражных соглашений. Аналогичные вопросы возникали и в иностранных правопорядках: в Германии — в связи с объединением ГДР и ФРГ, в Чехии — после распада Чехословакии, в Китайской Народной Республике — в связи с расколом Китайской международной торгово-экономической арбитражной комиссии (CIETAC). В 2021 году в Объединенных Арабских Эмиратах был упразднен Арбитражный институт Международного финансового центра Дубая, а администрирование ранее заключенных арбитражных соглашений передано Дубайскому международному арбитражному центру[5]. В январе 2026 года Министерство юстиции Российской Федерации предоставило этому учреждению право осуществлять функции постоянно действующего арбитражного учреждения на территории Российской Федерации[6]. Порядок исполнения ранее заключенных арбитражных соглашений при этом остается неопределенным, а практика судов различных государств по одним и тем же «дореформенным» оговоркам разошлась.

Политико-экономический аспект. На исполнение обязательств из арбитражного соглашения влияют принимаемые односторонние экономические меры, затрагивающие права и интересы частных лиц[7]. В связи

международного арбитражного центра. 1 июня 2026 года вступил в силу обновленный Арбитражный регламент Международной торговой палаты.

[4] Федеральный закон от 29.12.2015 № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 1 (часть I). Ст. 2. Ч. 13 ст. 52; Федеральный закон от 29.12.2015 № 409-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившим силу пункта 3 части 1 статьи 6 Федерального закона “О саморегулируемых организациях” в связи с принятием Федерального закона “Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации”» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 1 (часть I). Ст. 29. Ч. 21, 22 ст. 13.

[5] Decree No. (34) of 2021 Concerning the Dubai International Arbitration Centre (издан 14 сентября 2021 г., вступил в силу 20 сентября 2021 г.), Art. 6.

[6] Минюст аккредитовал Дубайский арбитражный центр // Право.ру. 2026. 12 января. URL: https://pravo.ru/news/261953/ (дата обращения: 28.08.2026).

[7] Число санкций против России превысило 31,5 тысячи // РИА Новости. 2026. 25 февраля. URL: https://ria.ru/20260225/sanktsii-2076526925.html (дата обращения: 19.03.2026); Лисунова Д., Занина А. Судебный Альбион // Коммерсантъ. 2025. 11 июня. № 103. С. 7.

с этим российские стороны стали пересматривать условия заключенных арбитражных соглашений, в том числе обращаться с исковыми заявлениями в российские государственные суды на основании статей 248.1 и 248.2 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации[8]. В ответ на такие обращения на уровне Европейского союза установлен запрет на признание и приведение в исполнение актов российских судов[9], а суды Англии и Уэльса существенно расширили практику антиисковых запретов, выдаваемых в поддержку арбитража с участием российских лиц[10]. Сложившаяся ситуация повышает риски параллельных разбирательств и издержки участников внешнеэкономического оборота и требует определения границ допустимого поведения сторон арбитражного соглашения.

Доктринальный аспект. Арбитражное соглашение традиционно исследуется в отечественной науке через категории правовой природы, действительности, арбитрабельности и формы. В зарубежной доктрине и практике, прежде всего в английском праве, арбитражное соглашение последовательно рассматривается как источник договорных обязательств, нарушение которых может повлечь выдачу антиискового запрета и взыскание убытков, тогда как в правопорядках континентальной Европы отношение к таким средствам защиты остается более сдержанным. Вместе с тем изменения правоприменительной практики в России и за рубежом, описанные выше, смещают акцент с действительности арбитражного соглашения на его исполнение и тем самым актуализируют вопрос об обязательствах, возникающих из этого соглашения.

---

[8] Адвокатское бюро «КИАП». Алерт по Закону Лугового (ст. 248.1–248.2 АПК РФ) с приложением. 16 сентября 2024 г. URL: https://kiaplaw.ru/press-centr/news/7723.html (дата обращения: 19.03.2026).

[9] Council Regulation (EU) 2024/3192 of 16 December 2024 amending Regulation (EU) No 833/2014 concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine // OJ. L, 2024/3192, 16.12.2024. Указанным Регламентом Регламент (ЕС) № 833/2014 дополнен статьей 11c, которая запрещает признание и приведение в исполнение в государствах — членах Европейского союза судебных актов, вынесенных на основании статьи 248 АПК РФ или равнозначных ей норм.

[10] Scherer M., Ajitsaria R., Martseniuk V. Anti-Suit Injunction Cases in the U.K.: Fueled By Russian Sanctions? // Kluwer Arbitration Blog. 2025. 13 May. URL: https://legalblogs.wolterskluwer.com/arbitration-blog/anti-suit-injunction-cases-in-the-uk-fueled-by-russian-sanctions/ (дата обращения: 28.08.2026).

Правотворческий аспект. Статья II Нью-Йоркской конвенции ограничивается указанием на соглашение, по которому стороны «обязуются передавать в арбитраж» споры, не раскрывая содержания этой обязанности. Пункт 1 статьи 7 Закона Российской Федерации «О международном коммерческом арбитраже» (далее — «Закон о МКА»), основанный на статье 7 Типового закона ЮНСИТРАЛ о международном торговом арбитраже 1985 г. (далее — «Типовой закон ЮНСИТРАЛ»)[11], определяет арбитражное соглашение лишь через его предмет — передачу в арбитраж споров, которые возникли или могут возникнуть между сторонами, — и устанавливает требования к его форме. Закон не раскрывает и содержания обязанностей сторон: регулирование сводится к процессуальным последствиям предъявления иска в государственный суд при наличии арбитражного соглашения (статья 8 Закона о МКА) и не отвечает на вопросы о том, в чем состоит надлежащее исполнение арбитражного соглашения и какие последствия влечет его нарушение. Сходным образом построено регулирование и в зарубежных правопорядках, которые различаются процессуальной формой реакции государственного суда: в странах общего права предусматривается приостановление судебного разбирательства, а в странах континентальной правовой традиции — отказ в принятии искового заявления. В результате правовой режим арбитражного соглашения формируется преимущественно правоприменительной практикой, что снижает предсказуемость его исполнения.

Указанные обстоятельства вызывают практические сложности исполнения арбитражных соглашений, особенно в условиях уже возникшего между сторонами спора, и требуют осмысления основ этого института с учетом опыта как Российской Федерации, так и зарубежных стран.

---

[11] Типовой закон ЮНСИТРАЛ о международном торговом арбитраже 1985 года с изменениями, принятыми в 2006 году [Электронный ресурс]. Вена : Организация Объединенных Наций, 2008. URL: https://uncitral.un.org/ru/texts/arbitration/modellaw/commercial_arbitration (дата обращения: 01.04.2026).

Степень научной разработанности темы. Проблематика арбитражного соглашения традиционно занимает центральное место в исследованиях, посвященных международному коммерческому арбитражу.

В этой связи теоретической основой исследования являются работы отечественных исследователей в области гражданского процесса и международного коммерческого арбитража: А.В. Асоскова, Д.А. Астаховой, В.А. Белова, С.А. Владимировой, А.Ф. Волкова, М.Л. Гальперина, А.В. Гребельского, О.Ф. Засемковой, Р.О. Зыкова, В.Н. Косцова, Е.В. Кудрявцевой, С.А. Курочкина, А.И. Муранова, С.В. Николюкина, А.И. Приходько, М.А. Рожковой, Е.П. Русаковой, М.Ю. Савранского, А.А. Селькова, Е.В. Ситкаревой, О.Ю. Скворцова, В.В. Старженецкого, В.В. Хвалея, Р.М. Ходыкина, И.С. Чупрунова, А.И. Ядыкина, В.В. Яркова и других авторов.

Значительный вклад в разработку теоретических и практических аспектов международного коммерческого арбитража также внесли зарубежные исследователи. В их числе следует назвать Пьера Фушара (Pierre Fouchard), Эмманюэля Гайара (Emmanuel Gaillard), Бертольда Голдмана (Berthold Goldman), Яна Полссона (Jan Paulsson), Гэри Борна (Gary Born), Карла-Хайнца Бокштигеля (Karl-Heinz Böckstiegel), Стефана Крелля (Stefan Kröll), Бернара Анотио (Bernard Hanotiau), Джеффри Вайнсимера (Jeff Waincymer), Дэвида Джозефа (David Joseph), Лорана Леви (Laurent Lévy), Макси Шерер (Maxi Scherer), Найджела Блэкэби (Nigel Blackaby), Алана Редферна (Alan Redfern), Мартина Хантера (Martin Hunter), Эрика Шварца (Eric Schwartz), Ива Деренса (Yves Derains), Пьера Лалива (Pierre Lalive), Альберта Яна ван ден Берга (Albert Jan van den Berg) и других авторов.

В контексте темы исследования необходимо особо отметить несколько работ, которые относятся непосредственно к исследуемой проблематике.

Общие теоретические аспекты международного коммерческого арбитража, правовой природы арбитражного соглашения, особенностей арбитражного соглашения как самостоятельного института анализируются в

работах О.В. Мата[12], Г.В. Севастьянова[13], В.В. Еремина[14], А.Г. Котельникова[15] и Н.Г. Елисеева[16]. Вопросы международно-правового регулирования арбитражных соглашений в свете Нью-Йоркской конвенции рассматриваются в работе Б.Р. Карабельникова[17]. Отдельные аспекты действительности арбитражного соглашения рассматривались в исследовании А.И. Коломиец[18], а эффект арбитражного соглашения в системе внешнеэкономических сделок — в работе С.Ю. Казаченок[19].

В последние годы внимание исследователей обращено также на отдельные проблемы в сфере международного арбитража. В частности, классификация случаев неисполнимости арбитражного соглашения рассматривается в работе К.В. Петровой[20], вопросы применения антиисковых запретов — в исследовании А.А. Козырина[21], а взаимодействие государственных судов и международного коммерческого арбитража — в работе М.В. Кудиновой[22]. Проблематика конфликта юрисдикций при применении мер ограничительного характера исследована А.В. Мамедалиевой[23].

---

[12] Мата О.В. Арбитражное соглашение и разрешение споров в международных коммерческих арбитражных судах : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002.

[13] Севастьянов Г.В. Правовая природа третейского разбирательства и компетенция третейского суда в сфере недвижимости : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013.

[14] Еремин В.В. Арбитрабельность споров с участием публичных субъектов : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2021.

[15] Котельников А.Г. Правовая природа арбитражного соглашения и последствия его заключения : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2008. С. 45.

[16] Елисеев Н.Г. Договорное регулирование гражданских и арбитражных процессуальных отношений : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2017.

[17] Карабельников Б.Р. Нью-Йоркская конвенция 1958 года о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений: проблемы теории и практики применения : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001.

[18] Коломиец А.И. Действительность арбитражного соглашения по праву России и зарубежных стран : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018.

[19] Казаченок С.Ю. Соглашение об арбитраже в системе частноправового обеспечения внешнеэкономических сделок: методология формирования и практика применения : дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2015.

[20] Петрова К.В. Основания неисполнимости арбитражного соглашения в России и Германии: сравнительный анализ : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2024.

[21] Козырин А.А. Антиисковые юридические запреты: сравнительно-правовое исследование средств правовой защиты : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2025.

[22] Кудинова М.В. Компетенция государственных судов и международных коммерческих арбитражей по разрешению международных коммерческих споров : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2025.

[23] Мамедалиева А.В. Конкуренция юрисдикций при рассмотрении и разрешении гражданско-правовых споров, осложненных применением мер ограничительного характера : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2026.

В то же время в отечественной доктрине отсутствует комплексное исследование обязательств, возникающих из арбитражного соглашения, в котором их исполнение рассматривалось бы как самостоятельный предмет. Указанные обстоятельства обусловливают необходимость формирования целостной концепции исполнения обязательств из арбитражного соглашения и определяют научную новизну настоящего исследования.

Нормативную основу диссертационного исследования составляют международные договоры, нормативные правовые акты Российской Федерации и зарубежных государств. Из российских актов исследуются прежде всего Закон РФ «О международном коммерческом арбитраже»[24], федеральный закон «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации»[25] (далее — «Закон об арбитраже») и нормы Арбитражного процессуального кодекса РФ[26] (далее — «АПК РФ»). На международном уровне анализируются Нью-Йоркская конвенция, Европейская конвенция о внешнеторговом арбитраже (Женева, 21 апреля 1961 г.)[27] (далее — «Европейская конвенция») и Типовой закон ЮНСИТРАЛ. Законодательство зарубежных государств представлено прежде всего законами Англии об арбитраже 1996 и 2025 гг. (Arbitration Act 1996, Arbitration Act 2025), Федеральным законом США об арбитраже (Federal Arbitration Act), Гражданским процессуальным кодексом Франции (Code de procédure civile), Федеральным законом Швейцарии о международном частном праве 1987 г. (Bundesgesetz über das Internationale Privatrecht, IPRG), Законом Сингапура о международном арбитраже 1994 г. (International Arbitration Act 1994) и иными национальными законами об арбитраже.

Эмпирическую основу диссертационного исследования составляют постановления и определения Конституционного Суда РФ и Верховного Суда

---

[24] Закон РФ от 07.07.1993 № 5338-1 (ред. от 30.12.2021) «О международном коммерческом арбитраже» // Российская газета. 1993. № 156.

[25] Федеральный закон от 29.12.2015 № 382-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 1 (часть I). Ст. 2.

[26] Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 15.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.

[27] Европейская конвенция о внешнеторговом арбитраже (Женева, 21.04.1961) // Вестник ВАС РФ, 1993. № 10.

РФ, практика российских государственных судов и третейских судов (арбитражей); практика государственных судов зарубежных стран: Англии и Уэльса, США, Франции, Германии, Швейцарии, Австрии, Италии, Сингапура, ОАЭ, КНР и Гонконга, Индии, Австралии и Каймановых островов, а также Суда Европейского союза; практика международных коммерческих арбитражей, Международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате РФ (далее — «МКАС при ТПП РФ»), а также в том числе по правилам Международной торговой палаты (далее — «МТП», «ICC»), Лондонского международного третейского суда (далее — «ЛМТС», «LCIA») и Арбитражного института Торговой палаты Стокгольма (далее — «SCC»).

Объектом исследования являются общественные отношения, возникающие в связи с исполнением арбитражного соглашения и реализацией сторонами вытекающих из него обязательств в рамках международного коммерческого арбитража, а также при обращении сторон арбитражного соглашения в государственные суды Российской Федерации и зарубежных стран.

Предметом диссертационного исследования являются нормы международного права, законодательства Российской Федерации и зарубежных стран, определяющие содержание и порядок исполнения обязательств, возникающих из арбитражного соглашения, практика их применения государственными судами Российской Федерации и зарубежных стран и международными коммерческими арбитражами, а также подходы отечественной и зарубежной доктрины к соответствующей проблематике.

Исполнение обязательств из арбитражного соглашения рассматривается в исследовании на материале российского правопорядка и правопорядков зарубежных стран. Выбор правопорядков обусловлен, во-первых, развитостью в них регулирования и практики международного коммерческого арбитража и их значением как ведущих мест арбитража; во-вторых, наличием в них практики по ключевым проблемам исследования — реформам арбитражных

учреждений, направлению сторон в арбитраж, антиисковым запретам и взысканию убытков за нарушение арбитражного соглашения; в-третьих, значением этих правопорядков для российских участников внешнеэкономического оборота. Зарубежный опыт используется для выявления общих и специфических подходов к исполнению обязательств из арбитражного соглашения, оценки их эффективности и возможности восприятия в российском правопорядке и формулирования выводов, ориентированных на правоприменительную практику.

За рамками исследования остаются вопросы недействительности арбитражного соглашения по материально-правовым основаниям (в части, не связанной с его исполнимостью), а также проблематика инвестиционного и межгосударственного арбитража, материалы которой используются лишь как иллюстрации, когда разрешение спора основано на общих принципах международного арбитража. Пророгационный и дерогационный эффекты арбитражного соглашения рассматриваются только в той мере, в какой это необходимо для анализа исполнения вытекающих из него обязательств. Обязанности арбитров и арбитражных учреждений рассматриваются далее лишь постольку, поскольку объясняют механизм исполнения обязательств самих сторон.

Целью исследования является разработка целостной концепции обязательств, возникающих из арбитражного соглашения, и их исполнения в международном коммерческом арбитраже с учетом опыта Российской Федерации и зарубежных стран.

Для достижения поставленной цели в диссертации решаются следующие основные задачи, каждой из которых соответствует отдельный параграф работы:

1. Исследовать правовую природу арбитражного соглашения и определить содержание возникающих из него обязательств.

2. Проанализировать нормативное закрепление обязательств из арбитражного соглашения в международных актах, законодательстве Российской Федерации и зарубежных стран.

3. Раскрыть особенности исполнения обязательств из арбитражного соглашения в российском и зарубежном праве.

4. Определить допустимость и пределы изменения условий арбитражного соглашения по заявлению одной из сторон с учетом подходов, сложившихся в практике государственных судов и арбитражей различных государств.

5. Проанализировать исполнение обязательств из арбитражного соглашения в условиях реформы арбитражных учреждений на основе опыта изменения регулирования в сфере арбитража.

6. Исследовать обязанность государственного суда направить стороны в арбитраж как механизм исполнения обязательств из арбитражного соглашения в сопоставлении подходов российского и зарубежного процессуального права.

7. Определить особенности применения антиисковых мер, выносимых государственными судами Российской Федерации и зарубежных стран и составами арбитража в поддержку исполнения стороной обязательств из арбитражного соглашения.

8. Определить допустимость материально-правовых способов защиты при нарушении обязательств из арбитражного соглашения в российском и зарубежном праве.

Методологическую основу настоящего диссертационного исследования составляет совокупность общенаучных, специальных и частнонаучных методов познания правовых явлений, применение которых обусловлено сложным межотраслевым характером института арбитражного соглашения и многоаспектностью обязательств, возникающих из арбитражного соглашения.

В процессе исследования широко используется формально-юридический метод, направленный на анализ норм международных

договоров, национального законодательства и судебных актов. С его помощью осуществляется толкование положений Нью-Йоркской конвенции, Типового закона ЮНСИТРАЛ, законодательства Российской Федерации и зарубежных стран.

Одним из ключевых методов исследования является сравнительно-правовой метод, применяемый при анализе подходов различных правопорядков к оценке исполнения арбитражных соглашений. При этом используется функциональный подход: сопоставляются не наименования правовых институтов, а способы решения одних и тех же практических задач — обеспечения участия стороны в арбитраже, реакции государственного суда на иск, предъявленный в нарушение арбитражного соглашения, пресечения параллельных разбирательств и возмещения причиненных ими убытков. Обращение к сравнительно-правовому методу обусловлено тем, что обязательства из арбитражного соглашения и их исполнение не получили самостоятельной разработки в отечественной доктрине, тогда как значительная часть практики по соответствующим вопросам сформирована судами зарубежных стран и решениями международных арбитражей.

Кроме того, в работе применяются логический метод, включая анализ и синтез, индукцию и дедукцию, а также метод правового моделирования.

Научная новизна исследования состоит в том, что в нем впервые в отечественной доктрине на материале российского и зарубежного права исследованы обязательства, возникающие из арбитражного соглашения, и их исполнение в качестве самостоятельного предмета. В отличие от имеющихся работ, в которых смешанная (материально-процессуальная) природа арбитражного соглашения и деление обязательств на позитивные и негативные рассматриваются преимущественно в плоскости правовой квалификации, в настоящем исследовании эти положения используются как основа для построения целостной концепции исполнения обязательств из арбитражного соглашения и применяются к оценке конкретных механизмов

их обеспечения в международном арбитраже. Научная новизна также проявляется в следующих основных **положениях, выносимых на защиту**:

1. Исполнением обязательств, возникающих из арбитражного соглашения, является совершение действий, создающих процессуальную возможность рассмотрения спора в порядке арбитража, а результатом исполнения — формирование состава арбитража, компетентного разрешить спор и вынести арбитражное решение. При уклонении другой стороны арбитражное соглашение исполняется посредством системы косвенных механизмов: единоличного участия в формировании состава арбитража, внесения авансов на покрытие расходов и продолжения разбирательства с вынесением решения в отсутствие неучаствующей стороны. Прямое судебное понуждение стороны к участию в арбитраже, допускаемое отдельными правопорядками, не является эффективным механизмом исполнения позитивного обязательства.

2. При возникновении препятствий к исполнению арбитражного соглашения допустимо изменение отдельных его условий, прежде всего условия о месте арбитража, по заявлению одной из сторон в целях сохранения общего намерения сторон разрешить спор в порядке арбитража. Основанием такой адаптации выступает принцип *rebus sic stantibus*. Сторона, ставящая вопрос об изменении согласованных условий, несет повышенное бремя доказывания непредвиденности наступивших обстоятельств и их исключительного характера, препятствующего проведению разбирательства. Адаптация условий арбитражного соглашения относится к компетенции состава арбитража.

3. Проведенный анализ опыта институциональных реформ в ряде стран показывает, что по общему правилу реорганизация или ликвидация арбитражного учреждения не должны влиять на исполнение обязательств из арбитражного соглашения. Законодателям или управляющим органам арбитражных учреждений при проведении реформ необходимо явно указывать последствия изменения арбитражных регламентов, процедуру

правопреемства и статус «дореформенных» арбитражных соглашений. При отсутствии учреждения-правопреемника оптимальным решением является закрепление в законе правила о трансформации арбитражного соглашения в соглашение об арбитраже для разрешения конкретного спора (*ad hoc)*. Право, регулирующее статус арбитражного учреждения, подлежит учету составами арбитража и национальными судами при оценке исполнимости арбитражного соглашения, вне зависимости от применимого к арбитражному соглашению права и *lex arbitri*.

4. Направление государственным судом сторон в арбитраж в случае наличия арбитражного соглашения представляет собой основной процессуальный механизм реализации обязательств из арбитражного соглашения. Нью-Йоркская конвенция и Типовой закон ЮНСИТРАЛ не унифицируют форму такой реакции, оставляя ее конкретизацию национальному процессуальному праву (*lex fori*). В целях устранения терминологических противоречий между Законом о МКА и процессуальным законодательством Российской Федерации целесообразно использовать единый подход к квалификации последствий наличия арбитражного соглашения, предусматривающий оставление искового заявления без рассмотрения.

5. Судебные антиисковые меры служат инструментом стимулирования исполнения обязательств из арбитражного соглашения. Эффективность таких мер во многом зависит от наличия юрисдикционной связи между судом, выносящим запрет, и стороной, которой он адресован, поскольку именно такая связь позволяет обеспечить принуждение к соблюдению запрета. Ответственность за неисполнение такого запрета связана с ответственностью за неуважение к суду или за неисполнение судебного акта, которая конкретизируется в национальном законодательстве.

6. В зависимости от условий арбитражного соглашения состав арбитража может обладать компетенцией для принятия антиисковых мер, которые направлены непосредственно на исполнение обязательств из

арбитражного соглашения. Неисполнение таких мер учитывается составом арбитража при оценке поведения сторон, распределении расходов на арбитраж и разрешении требований о возмещении убытков, возникших вследствие обращения в несогласованный сторонами форум.

7. Возмещение убытков, причиненных неисполнением обязательств из арбитражного соглашения, является допустимым средством защиты. Присуждение составом арбитража убытков, причиненных нарушением арбитражного соглашения, по общему правилу находится в пределах компетенции арбитража, поскольку требование о такой компенсации вытекает из самого арбитражного соглашения и связано с оценкой нарушения обязательств, возникающих из него. В предпринимательских отношениях оправдано рассматривать ответственность за нарушение арбитражного соглашения как строгую (независимую от вины).

Теоретическая значимость настоящего диссертационного исследования заключается в формировании целостного научного представления об обязательствах, возникающих из арбитражного соглашения, и об их исполнении как о самостоятельной правовой категории в системе международного коммерческого арбитража. В работе обосновано, что исполнимость арбитражного соглашения является производной характеристикой указанных обязательств и отражает способность арбитражного соглашения выполнять свою основную функцию — выступать основанием для арбитражного разбирательства и исключения юрисдикции государственных судов.

Результаты диссертационного исследования вносят вклад в развитие научных подходов к толкованию Нью-Йоркской конвенции и Типового закона ЮНСИТРАЛ, а также способствуют формированию подходов к пониманию специфики арбитражного соглашения, применимых в различных правопорядках. Тем самым работа расширяет теоретическую базу исследований в области международного коммерческого арбитража и может служить основой для дальнейших научных разработок в данной сфере.

Практическая значимость диссертационного исследования определяется возможностью использования содержащихся в нем выводов и рекомендаций в правоприменительной деятельности, а также в договорной и судебной практике.

Положения и выводы работы могут быть использованы судами при разрешении вопросов о передаче спора на рассмотрение арбитража либо о направлении сторон в арбитраж в связи с наличием арбитражного соглашения. Разработанные в диссертации критерии оценки исполнимости арбитражного соглашения способны содействовать формированию единообразной судебной практики и снижению уровня правовой неопределенности при применении норм арбитражного законодательства.

Результаты исследования имеют практическую ценность для арбитражных учреждений и арбитров при решении вопросов в контексте исполнения арбитражного соглашения, а также при оценке возражений сторон, основанных на утверждениях о неисполнимости арбитражного соглашения.

Материалы диссертации могут быть использованы практикующими юристами и адвокатами при разработке и формулировании арбитражных оговорок в международных коммерческих договорах, а также при подготовке правовых позиций в рамках судебных и арбитражных разбирательств.

Кроме того, результаты диссертационного исследования могут быть использованы в учебном процессе при преподавании курсов международного коммерческого арбитража, международного частного права и гражданского процессуального права, а также при подготовке учебных и методических материалов.

Степень достоверности и апробация результатов исследования. Диссертационное исследование выполнено и обсуждено на кафедре гражданского права и процесса и международного частного права Федерального государственного автономного образовательного учреждения

высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы».

Проверка достоверности и апробации исследования осуществлена при опубликовании положений, выносимых на защиту, в научных статьях, в том числе в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования РФ. Также выводы, полученные в результате исследования, применялись при подготовке и проведении семинарских и практических занятий в бакалавриате и магистратуре в рамках прохождения педагогической практики.

Основные выводы диссертации доложены диссертантом на следующих научно-практических конференциях: Международном конгрессе молодых ученых «Традиции и новации в системе современного российского права» (Москва, 3–4 апреля 2024 г.), Международном междисциплинарном научно-практическом конгрессе «Актуальные проблемы международного частного права / Private International Law Issues» (Москва, 15–16 апреля 2025 г.), Международном научном юридическом форуме памяти заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора В.К. Пучинского «Сравнительно-правовые аспекты правоотношений гражданского оборота в современном мире» (Москва, 17 октября 2025 г.), 69-м Ежегодном собрании Российской ассоциации международного права «Соблюдение и развитие общего международного права на основе Устава ООН — императив XXI века» (Москва, 29–30 июня 2026 г.).

Структура работы включает введение, три главы, объединяющие восемь параграфов, заключение и список использованных источников.

Глава 1. Обязательства сторон, возникающие из арбитражного соглашения

§ 1. Природа арбитражного соглашения и содержание возникающих из него обязательств

В современной научной литературе общепринято выделять четыре основные теории, объясняющие правовую природу арбитража: договорную, процессуальную, смешанную и автономную[28]. С середины XX века в рамках этих теорий формируются ключевые подходы к определению правовой природы арбитражного соглашения[29]. Развиваются также и иные теории арбитража, в том числе теория частного процессуального права[30], теория делокализации арбитража[31] и концессуальная теория[32]. Множественность подобных концепций, как отмечает С.А. Курочкин, отражает не столько их противоречивость, сколько многоаспектность арбитража[33].

С учетом предмета исследования представляется целесообразным оценить, допускают ли принятые теории арбитража возможность определения обязательств из арбитражных соглашений и существуют ли убедительные препятствия этому.

Доктринальные истоки концепций природы арбитражного соглашения обнаруживаются в римском праве, которому были известны два договора, определявшие начала деятельности третейских судей. Первый из них — соглашение, в котором стороны спора принимали обязательство подчиниться решению арбитра, а второй — договор, согласно которому арбитр обязывался

---

[28] Кудрявцева Е.В., Курочкин С.А. Актуальные проблемы российского арбитража // Вестник гражданского процесса. 2025. Т. 15. № 2. С. 11–38; Чупрунов И.С. Допустимость взыскания убытков из нарушения арбитражного или пророгационного соглашений // Вестник гражданского права. 2011. Т. 11. № 6. С. 65.

[29] Коломиец А.И. Действительность арбитражного соглашения по праву России и зарубежных стран.

[30] Севастьянов Г.В. Правовая природа третейского разбирательства и компетенция третейского суда в сфере недвижимости.

[31] Астахова Д.А. Тенденции делокализации международного коммерческого арбитража : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019.

[32] Еремин В.В. Арбитрабельность споров с участием публичных субъектов : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2021.

[33] Курочкин С.А. Третейское разбирательство и международный коммерческий арбитраж. М. : Статут, 2017. С. 77.

разрешить переданный на его рассмотрение спор[34]. Оба указанных договора рассматривались как частноправовые соглашения[35].

В римском частном праве арбитражное соглашение на первоначальном этапе порождало исключительно материально-правовые последствия, выражавшиеся в принятии сторонами обязательства подчиниться решению, вынесенному арбитром. Нарушение такого соглашения не влекло каких-либо самостоятельных процессуальных последствий. Единственной формой защиты интересов добросовестной стороны выступало применение к нарушителю материально-правовых санкций, прежде всего в виде взыскания специального штрафа, направленного на обеспечение исполнения арбитражного соглашения и вынесенного по нему решения[36].

Согласно современной договорной теории происхождения арбитража, арбитражное соглашение представляет собой гражданско-правовой договор, порождающий для сторон соответствующие гражданско-правовые обязательства. Как отмечает в связи с этим Я. Полссон, «то, что верно для договоров в целом, применимо и к арбитражному соглашению»[37].

Обоснование гражданско-правовой природы арбитражного соглашения также сводится к тому, что оно предоставляет обеим сторонам средства защиты их прав и интересов, поскольку опосредованно влияет на возникновение, изменение и прекращение правоотношений[38].

Как отмечает А.Г. Котельников, сторонники договорной теории рассматривают арбитражное соглашение исключительно как гражданско-правовую сделку, влекущую последствия частноправового характера,

---

[34] Белов В.А. Юридическая природа третейского (арбитражного) соглашения // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2024. № 6. С. 63; Скворцов О.Ю. Compromissum и receptum в системе частного права // Сб. науч. ст. к 65-летию А.П. Сергеева. М. : Статут, 2018. С. 101–104.

[35] См.: Волков А.Ф. Торговые третейские суды. СПб. : Тип. ред. период. изд. М-ва фин., 1913. С. 1–27.

[36] Fouchard P., Gaillard E., Goldman B. Fouchard, Gaillard, Goldman on International Commercial Arbitration / ed. by E. Gaillard, J. Savage. The Hague : Kluwer Law International, 1999. P. 384; Friedland P.D., Brown K.A. A Claim for Monetary Relief for Breach of Agreement to Arbitrate as a Supplement or Substitute to an Anti-Suit Injunction // International Arbitration 2006: Back to Basics? : ICCA Congress Series No. 13 / ed. by A.J. van den Berg. Kluwer Law International, 2007. P. 273–274.

[37] Paulsson J. The Idea of Arbitration. Oxford : Oxford University Press, 2013. P. 4.

[38] Рожкова М.А. Мировая сделка: использование в коммерческом обороте. М., 2005. С. 36–37.

вследствие чего природа арбитража выводится из автономии воли сторон[39]. С.В. Николюкин связывает с договорным характером соглашения возможность применения к нему общих положений обязательственного права[40]. Практическое значение договорной теории выражается в том, что при разрешении вопросов о действительности арбитражного соглашения к нему подлежат применению нормы гражданского законодательства[41].

О.В. Мата квалифицирует арбитражное соглашение как самостоятельный институт договорного права[42]. Вопросы материально-правовой действительности определяются в соответствии с национальным правом, применимым к арбитражному соглашению, и могут включать в себя как формальные, так и иные требования[43]. Как отмечает С.А. Курочкин, само обязательство сторон по передаче возникшего спора в арбитраж является материально-правовым[44].

Следует согласиться с В.А. Беловым, который, раскрывая материально-правовой механизм арбитражного соглашения[45], характеризует предоставляемое каждой стороне правомочие обратиться в третейский суд и связать этим обращением другую сторону как секундарное материальное частное право, а лишение стороны доступа к государственному суду рассматривает не как ограничение ее правосубъектности, а как встречное предоставление за приобретение этого нового правомочия[46].

Таким образом, следует констатировать, что арбитражное соглашение порождает материально-правовые последствия, которые состоят в

---

[39] Котельников А.Г. Правовая природа арбитражного соглашения и последствия его заключения : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.15. Екатеринбург, 2008. С. 55–56.
[40] Николюкин С.В. Арбитражные соглашения и компетенция международного коммерческого арбитража: проблемы теории и практики. М. : Юриспруденция, 2009. С. 60.
[41] Международный коммерческий арбитраж : учебник / науч. ред. О.Ю. Скворцов, М.Ю. Савранский, Г.В. Севастьянов. 3-е изд., перераб. и доп. СПб. ; М. : АНО «Редакция журнала “Третейский суд”», 2025. С. 93.
[42] Мата О.В. Арбитражное соглашение и разрешение споров в международных коммерческих арбитражных судах : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. М., 2002. С. 12.
[43] См.: Коломиец А.И. Действительность арбитражного соглашения по праву России и зарубежных стран. С. 4–5.
[44] Курочкин С.А. Указ. соч. С. 77.
[45] При этом В.А. Белов предлагает квалифицировать арбитражное соглашение как договор простого товарищества.
[46] Белов В.А. Указ. соч. С. 54–55.

возникновении обязательственного правоотношения между сторонами[47]. Суть данного правоотношения заключается в том, что участники арбитражного соглашения принимают на себя определенные обязательства по отношению друг к другу.

Приверженцы процессуальной теории рассматривают арбитражное соглашение в качестве соглашения процессуального характера, направленного на исключение юрисдикции государственного суда[48]. Когда стороны арбитражного соглашения указывают, что все возникшие или будущие споры подлежат рассмотрению в рамках институционального арбитража или третейского суда, образованного сторонами для разрешения конкретного спора (*ad hoc),* то стороны исключают юрисдикцию национальных судов по рассмотрению споров.

Процессуальная теория проявляется в том, что к арбитражной оговорке неприменимы нормы, регулирующие материально-правовые аспекты соглашения сторон. Сторонники этого подхода утверждают, что арбитражное соглашение не может считаться сделкой, поскольку регулирует не гражданско-правовые отношения между сторонами, а исключительно процессуальные отношения[49].

Соответственно, защита интересов в основном осуществляется процессуальными способами. Это обусловлено тем, что обеспечение реализации обязательств из арбитражного соглашения так или иначе возникает уже после возникновения спора между сторонами — в «согласованном» (во исполнение арбитражного соглашения) или «несогласованном» органе по разрешению спора (в качестве последнего в отсутствие арбитражного соглашения, как правило, выступает государственный суд).

---

[47] Чупрунов И.С. Указ. соч. С. 69.
[48] Котельников А.Г. Указ. соч. С. 45–46.
[49] Ванеев А.С., Дякин Д.Б. Действительность арбитражной оговорки в российской и зарубежной практике // Вестник международного коммерческого арбитража. 2010. № 1. С. 39.

Оценивая данный подход, И.С. Чупрунов справедливо указывает, что арбитражное соглашение не может рассматриваться исключительно как процессуальный институт и неизбежно порождает самостоятельные материально-правовые обязательства сторон[50]. Отказ от признания таких обязательств приводит к правовому вакууму, в котором пострадавшая сторона лишается эффективных средств защиты, что, в свою очередь, стимулирует недобросовестные практики нарушения арбитражных соглашений. В продолжение этой мысли Е.Д. Галтер отмечает, что процессуальная природа юрисдикционных оговорок сама по себе также не освобождает стороны от обязательства по их соблюдению[51]. При этом основной целью заключения арбитражного соглашения все еще считается произведение им процессуального эффекта.

В связи с этим нельзя отрицать материально-правовые способы защиты прав, вытекающих из арбитражных соглашений, такие как принуждение к исполнению обязательств[52] или взыскание убытков за нарушение обязательств. Действительно, даже в рамках процессуальной теории Н.Г. Елисеев оценивает, насколько средства принудительного осуществления договора относятся к процессуальным соглашениям[53]. Он полагает, что обязанности существуют и могут реализовываться сторонами. Основное условие — исполнение обязанностей судом (или арбитражем) через «возражения» заинтересованной стороны, а не самостоятельно[54].

Дискуссии о природе арбитража закономерно смещают фокус к компромиссному подходу, согласно которому арбитражное соглашение обладает смешанной правовой природой[55]. С одной стороны, оно представляет собой договор в классическом частноправовом смысле, то есть результат согласованных волеизъявлений сторон, что в принципе допускает применение

---

[50] Чупрунов И.С. Указ. соч. С. 68–71.
[51] Галтер Е.Д. Гражданско-правовые последствия нарушения арбитражного соглашения // Вестник гражданского права. 2023. Т. 23. № 6. С. 58.
[52] Елисеев Н.Г. Указ. соч. С. 355.
[53] Там же. С. 339.
[54] Там же. С. 340, 346. См., в частности, анализ теории возражения (Einredetheorie) в немецкой доктрине.
[55] Петрова К.В. Указ. соч. С. 46–49.

к нему общих положений о договорах и сделках. Вместе с тем такое применение возможно в той мере, в какой оно не вступает в противоречие с особой природой арбитражного соглашения как процессуального договора.

Как отмечает А.Г. Котельников, именно теория смешанной правовой природы, или *sui generis*, приобрела заметное преимущество в российской науке последнего времени; согласно ей арбитражное соглашение одновременно сочетает в себе материально-правовые и процессуально-правовые характеристики[56].

По мнению С.Ю. Казаченок, арбитражное соглашение следует квалифицировать как гражданско-правовую сделку, влекущую определенные процессуальные последствия[57]. В частности, эта квалификация обусловливает возможность применения к арбитражному соглашению гражданско-правовых норм, в том числе признание такого соглашения недействительным. А.И. Коломиец также признает, что арбитражное соглашение имеет как гражданско-правовые последствия, так и процессуальные[58].

Так, вопросы действительности арбитражного соглашения, правосубъектности его участников, попадающие в сферу договорного права, могут быть разрешены с применением норм гражданского права; что же касается вопросов третейского разбирательства, то таковые переходят в сферу процессуального права[59]. С.А. Владимирова, рассматривая арбитражное соглашение как гражданско-правовой договор, являющийся юридическим фактом в сфере материально-правовых и процессуальных отношений, подчеркивает, что это предопределяет применение к вопросам его заключения и действительности норм гражданского законодательства[60].

Вместе с тем материально-правовые и процессуально-правовые аспекты арбитража неразрывно связаны, поскольку взаимодополняют друг друга, а

---

[56] Котельников А.Г. Указ. соч. С. 67, 89.
[57] Казаченок С.Ю. Указ. соч. С. 183.
[58] Коломиец А.И. Действительность арбитражного соглашения по праву России и зарубежных стран. С. 26.
[59] Международный коммерческий арбитраж : учебник. С. 97–98.
[60] Владимирова С.А. Правовая природа и значение третейского соглашения : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. Тверь, 2007. С. 10, 175.

автономное существование каждого из этих элементов в рамках данного института бессмысленно. Прослеживается определенная последовательность элементов арбитража: сначала гражданско-правовые, то есть материально-правовые (договорные), а затем, на дальнейших стадиях, — процессуально-правовые элементы[61].

Договорная теория убедительно раскрывает частноправовое происхождение арбитражного соглашения и объясняет возникновение между сторонами взаимных обязательств, тогда как процессуальная теория корректно акцентирует внимание на его дерогационном эффекте и особом механизме реализации через процессуальные формы защиты. Однако каждая из этих концепций, взятая изолированно, оказывается неспособной дать целостное объяснение всем эффектам, возникающим из арбитражного соглашения, в том числе вопросам его исполнения и ответственности за его нарушение.

В этих условиях наиболее обоснованным представляется подход, в соответствии с которым признается смешанная правовая природа арбитражного соглашения. Такой подход имеет принципиальное значение для последующего исследования обязательств из арбитражного соглашения, позволяет обосновать их существование в связи с их особой функцией и признает не только процессуальные последствия их нарушения, но и материально-правовые.

Считается, что классификацию обязательств из арбитражного соглашения на позитивные и негативные впервые предложил Рене Давид[62]. Этот подход нашел поддержку арбитражного сообщества. Идея заключается в том, что арбитражное соглашение само по себе порождает позитивное обязательство передать спор в арбитраж и негативное обязательство воздержаться от обращения в государственный суд[63]. В процессуальном

---

[61] Ануфриева Л.П. Международное частное право : в 3 т. М., 2001. Т. 3. Трансграничные банкротства. Международный коммерческий арбитраж. Международный гражданский процесс. С. 146.

[62] David R. Arbitration in International Trade. Deventer : Kluwer Law and Taxation Publishers, 1985. P. 232.

[63] См. также: Kotelnikov A., Kurochkin S., Skvorcov O. Arbitration in Russia. Alphen aan den Rijn : Kluwer Law International B.V., 2019. P. 42–43.

смысле арбитражное соглашение выступает как юридический факт, влекущий дерогационный эффект, то есть исключение спора из юрисдикции государственных судов и наделение третейского суда компетенцией по его разрешению.

При этом кроме обязательств из арбитражного соглашения рассматриваются вопросы эффектов[64], аспектов[65] и последствий заключения арбитражного соглашения[66].

Значительный вклад в структурирование представлений о правовых последствиях арбитражного соглашения внес А.Г. Котельников. Автор признает, что, будучи договором, арбитражное соглашение порождает для сторон определенные взаимные субъективные права и обязанности[67]. Однако он указывает, что заключение арбитражного соглашения влечет для сторон и иные последствия, которые договорной подход не объясняет. К ним относится, в частности, подразумеваемое согласие сторон на возможность принудительного исполнения будущего арбитражного решения, а также на обязательность для них процессуальных указаний арбитров в ходе разбирательства.

Вместе с тем указанные последствия требуют разграничения. Подразумеваемое согласие сторон на принудительное исполнение будущего арбитражного решения возникает не непосредственно из арбитражного соглашения, а из вынесенного на его основании решения и из режима его признания и приведения в исполнение. К моменту, когда такое согласие приобретает практическое значение, позитивное обязательство из арбитражного соглашения уже исполнено: спор передан в согласованный арбитраж и разрешен по существу. По этой причине вопросы исполнения самого арбитражного решения в настоящей работе не рассматриваются. При

---

[64] Fouchard P., Gaillard E., Goldman B. Op. cit. P. 381; Зверева Н.С. Взаимодействие альтернативных методов урегулирования споров и гражданского судопроизводства в праве России и Франции / под ред. В.В. Яркова. М. : Статут, 2017.
[65] Николюкин С.В. Указ. соч. С. 60.
[66] Котельников А.Г. Указ. соч. С. 198.
[67] Там же.

этом, как указано ниже, некоторые авторы выделяют обязательство исполнять арбитражное решение как часть обязательств из арбитражного соглашения.

Именно поэтому, как полагает А.Г. Котельников, для комплексного теоретического анализа наиболее адекватным и точным является термин «последствия» заключения арбитражного соглашения, позволяющий объединить под одним концептуальным «зонтом» как договорные, так и процессуальные элементы, тем самым полно отразить сущность складывающихся правоотношений[68].

Центральное место в анализе А.Г. Котельникова занимает рассмотрение арбитражного соглашения как многоаспектного юридического факта. С точки зрения науки гражданского процесса, он определяется как факт, с которым норма связывает возникновение, изменение или прекращение процессуальных прав и обязанностей. Уникальной особенностью многоаспектного юридического факта при этом выступает его обоснование через нормы международного права. В данном контексте автор предлагает классифицировать последствия арбитражного соглашения в зависимости от его функций, выделяя его правопрекращающий характер, в силу которого государственный суд направляет стороны в арбитраж, и правоизменяющий характер, в силу которого соглашение, участниками которого выступают лишь некоторые субъекты единого сложного процессуального правоотношения, его модифицирует.

Важным уточнением его теории является разграничение последствий, вытекающих непосредственно из самого соглашения, и последствий, порождаемых сложными юридическими составами, в которые оно входит в качестве центрального и необходимого элемента. Для анализа А.Г. Котельников также предлагает субъектный подход, группирующий последствия в зависимости от круга затронутых субъектов: последствия для

[68] Там же.

самих сторон арбитражного соглашения, для органов государственной судебной власти и для арбитров.

Для целей настоящего исследования оправданно использовать категорию «обязательств», возникающих из арбитражного соглашения, а не более широкого понятия «последствия», предложенного А.Г. Котельниковым. Данный выбор обусловлен предметом настоящего исследования, сосредоточенного на механизмах исполнения обязательств сторон, возникающих из арбитражного соглашения. Как справедливо отмечает и сам А.Г. Котельников, к числу таких механизмов относятся, в частности, обращение в государственный суд с ходатайством о выдаче судебного приказа о проведении арбитража (*motion to compel arbitration*), а также с ходатайством о вынесении судебного запрета, препятствующего обращению в государственные суды (*anti-suit injunction*)[69]. Непосредственным объектом воздействия этих инструментов выступают именно права и обязанности сторон, а не последствия в их широком понимании.

Кроме этого, с точки зрения семантической логики вызывает затруднение сама возможность «исполнения» или «обеспечения» последствий. Категория «последствие» по своей сути является производной, результативной; она описывает состояние правовой системы или изменение в правовом статусе субъекта, наступившее вследствие юридического факта или состава. Обеспечивать или исполнять можно конкретное субъективное право или корреспондирующую ему юридическую обязанность (например, обязанность по передаче спора в арбитраж), но не наступившее последствие как таковое.

Предложенная А.Г. Котельниковым конструкция, в силу которой реализация обязательств арбитражного соглашения требует наступления сложных юридических составов, косвенно подтверждает данный тезис[70]. Такое ключевое «последствие», как направление спора в арбитраж

[69] Там же. С. 201. Непосредственно о таких способах речь пойдет в Главе 2 настоящей работы.
[70] Там же. С. 202.

государственным судом, наступает не автоматически из факта заключения соглашения, а лишь при наличии совокупности факторов: предъявления иска в суд по спору, охватываемому соглашением, и своевременного заявления другой стороной возражения со ссылкой на арбитражное соглашение.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о допустимости отказа стороны от исполнения обязательств из арбитражного соглашения. Односторонний отказ от исполнения обязательства по общему правилу не допускается (статья 310 ГК РФ), и арбитражное соглашение не составляет здесь исключения. Заявление стороны о нежелании участвовать в арбитраже само по себе не прекращает ни позитивного, ни негативного обязательства. Вместе с тем сторонам принадлежит право совместно отказаться от согласованного порядка разрешения спора: такой отказ может быть выражен как прямо (путем заключения соглашения о расторжении арбитражного соглашения), так и конклюдентно (путем предъявления иска в государственный суд одной стороной и незаявления другой стороной своевременного возражения со ссылкой на арбитражное соглашение[71]).

Заслуживает внимания подход П. Ярославски, предлагающего рассматривать арбитражное соглашение как включающее два «обещания»: позитивное — разрешать споры исключительно в согласованном сторонами форуме, и негативное — воздерживаться от инициирования разбирательства в ином, некомпетентном органе[72]. При этом первое «обещание» квалифицируется им преимущественно как процессуальное, тогда как второе — как взаимное материально-правовое обязательство сторон, нарушение которого способно повлечь возникновение права на взыскание убытков. Сходной логики придерживается и К. Такахаси, указывая, что, хотя ключевые элементы соглашения о выборе форума имеют процессуальный характер,

[71] Пункт 5 части 1 статьи 148 АПК РФ.
[72] Jaroslavsky P. Damages for the Breach of an Arbitration Agreement: Is It a Viable Remedy? // SSRN Electronic Journal. 2015. P. 26–27.

отдельные аспекты такого соглашения обладают очевидной материально-правовой природой[73].

В немецкой доктрине многие исследователи также приходят к выводу, что арбитражное соглашение порождает обязательственное отношение особого характера, которое, в частности, возникает в силу взаимных обещаний сторон прибегнуть к процедуре арбитража и воздерживаться от всего, что противоречит ее цели[74]. В свою очередь, вывод о наличии таких обещаний основан на признании материально-правовых свойств юрисдикционных соглашений.

Современная доктрина и практика арбитража позволяют выделить ряд так называемых «исполнительных обязательств» сторон в рамках позитивных и негативных обязательств, охватывающих как досудебное поведение, так и действия после разрешения спора[75].

С.А. Владимирова указывает на возникновение обязанностей у сторон при заключении арбитражного соглашения[76]. К их числу относится обязанность обращаться для разрешения возникшего спора в согласованный арбитраж, инициировать разбирательство в соответствии с соглашением сторон, участвовать в формировании состава арбитража, а также добросовестно участвовать в самом разбирательстве. Наряду с этим подчеркивается обязанность воздерживаться от действий, препятствующих рассмотрению и разрешению спора третейским судом, исполнять вынесенное арбитражное решение и нести расходы, связанные с организацией и осуществлением третейского разбирательства, включая оплату деятельности арбитража.

---

[73] Takahashi K. Damages for Breach of a Choice-of-Court Agreement // Yearbook of Private International Law. Munich : Sellier de Gruyter, 2009. Vol. 10. P. 67–68.

[74] Коломиец А.И. Правовая природа арбитражного соглашения: вопросы доктрины и практики // СПС «КонсультантПлюс».

[75] Draguiev D. Liability for Non-compliance with a Dispute Resolution Agreement // Arbitration: The International Journal of Arbitration, Mediation and Dispute Management. 2022. Vol. 88. No. 1. P. 139–141.

[76] Владимирова С.А. Правовая природа и значение третейского соглашения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 10.

В части добросовестного ведения арбитража отмечается, что такая обязанность распространяется на все этапы разбирательства[77]. Так, в литературе отмечается, что к арбитражному соглашению применяется и принцип *pacta sunt servanda*[78]. В этом контексте принцип *pacta sunt servanda* признается одним из наиболее универсальных и общепризнанных принципов договорного права[79].

Г. Борн отмечает разнообразие эффектов арбитражного соглашения[80]. Например, в объем подобных особых *sui generis* обязательств входит необходимость проявлять существенную степень сотрудничества в ходе арбитражного разбирательства. Сотрудничество выражается, в частности, в участии сторон в формировании состава арбитража, своевременной оплате вознаграждения арбитров и арбитражных расходов, согласовании или соблюдении установленной арбитражной процедуры.

Как итог, соглашение о передаче спора в арбитраж по своей правовой природе неизбежно предполагает принятие сторонами взаимного обязательства добросовестно сотрудничать в рамках арбитражного разбирательства как с составом арбитража, так и друг с другом. Данный вывод находит широкую поддержку в доктрине международного коммерческого арбитража, в рамках которой обязанность добросовестного процессуального сотрудничества сторон рассматривается как один из базовых принципов арбитражного разбирательства, вытекающий из самого факта заключения арбитражного соглашения[81].

Негативное обязательство, вытекающее из арбитражного соглашения, выражается в обязанности сторон воздерживаться от обращения в

---

[77] Steinbrück B. Orders Compelling Performance of Arbitration Agreements – Lessons to be learnt from US Law // German Arbitration Journal. 2010. Vol. 4. P. 180.
[78] Dimolitsa A. Arbitration Agreements and Foreign Investments: The Greek State // Journal of International Arbitration. 1988. Vol. 5. No. 4. P. 17, 39.
[79] Fouchard P., Gaillard E., Goldman B. Op. cit. P. 382.
[80] Born G. International Commercial Arbitration. 3rd ed. Alphen aan den Rijn : Wolters Kluwer Law International, 2021. P. 1350.
[81] Hanotiau B. Complex Arbitrations: Multiparty, Multicontract, Multi-Issue and Class Actions. The Hague : Kluwer Law International, 2006. P. 107; Peters A. International Dispute Settlement: A Network of Cooperational Duties // European Journal of International Law. 2003. Vol. 14. No. 1. P. 1, 9.

государственные суды с требованиями по существу спора, подпадающего под действие арбитражной оговорки. Данное обязательство находит свое нормативное отражение в национальном и унифицированном арбитражном регулировании, в частности в статье 8(1) Типового закона ЮНСИТРАЛ. Указанная норма исключает возможность рассмотрения государственным судом спора по существу в ситуации, когда стороны договорились о его разрешении в арбитраже, и предписывает суду отказаться от рассмотрения спора в пользу арбитражного разбирательства. Такое регулирование соотносится с положением статьи II Нью-Йоркской конвенции.

Негативное обязательство из арбитражного соглашения носит императивный характер[82]. В силу статьи 8(1) Типового закона ЮНСИТРАЛ и статьи II(3) Нью-Йоркской конвенции государственный суд при наличии действительного арбитражного соглашения должен направить стороны в арбитраж и не вправе рассматривать спор по существу. Императивность данного правила распространяется и на стороны соглашения, которые обязаны воздерживаться от обращения в государственные суды по арбитрабельным спорам. Обращение в государственный суд при наличии возражения противоположной стороны приводит к нарушению негативного обязательства.

По сути, позитивные и негативные обязательства являются зеркальными. В отдельных случаях объем негативных обязательств, вытекающих из арбитражного соглашения, может превосходить объем позитивных обязательств. Негативный эффект арбитражного соглашения проявляется не только в обязанности воздерживаться от обращения в государственные суды по арбитрабельным спорам, но и в более общем обязательстве не препятствовать, не подрывать и не обходить арбитражный процесс и согласованный сторонами механизм разрешения спора[83].

---

[82] Born G. Op. cit. P. 1375.
[83] Ibid.

В случае обращения в «несогласованный» орган однократное неисполнение обязательств имеет двойной эффект, то есть нарушает как позитивные, так и негативные обязательства. Обращение в «несогласованный» суд может быть только активным действием, противоречащим соглашению об урегулировании споров, и представляет собой прямое несоблюдение соответствующего негативного обязательства не обращаться в «несогласованный» суд[84].

Поэтому несоблюдение соглашения об урегулировании споров предполагает (позитивные) действия стороны данного соглашения, которые осуществляются в нарушение (существенного) обязательства по исполнению, возложенного на эту сторону в соответствии с арбитражным соглашением[85].

Существование обязательств из арбитражных соглашений подтверждается и в практике государственных судов как стран общего права[86], так и континентальных юрисдикций[87]. Аналогичные выводы представлены и в практике международных арбитражей[88].

В редких случаях арбитражные соглашения предусматривают обязательства, касающиеся поведения сторон до возникновения спора. Обычно такие положения прямо не закрепляются, однако из текста соглашения и принципа добросовестности может вытекать подразумеваемое обязательство сторон не препятствовать реализации целей арбитражной оговорки. Речь идет, в частности, о воздержании от действий, направленных на подрыв эффективности механизма разрешения споров.

Чаще обязательства возникают с момента появления спора. Арбитражные соглашения нередко обязывают стороны предпринимать действия, направленные на досудебное урегулирование конфликта, включая

---

[84] Takahashi K. Op. cit. P. 59.
[85] Draguiev D. Op. cit. P. 139.
[86] Bremer Vulkan Schiffbau und Maschinenfabrik v. S. India Shipping Corp. [1981] AC 909, 983, 986 (House of Lords); China Machine New Energy Corp. v. Jaguar Energy Guatemala LLC [2018] SGHC 101, para. 195–196 (Singapore High Ct.); Duerlein v. N.J. Auto. Full Ins. Underwriting Ass'n, 619 A.2d 664, 667 (N.J. Super. Ct. App. Div. 1993).
[87] Judgment of 10 May 1982, DFT 108 Ia 197, 201 (Swiss Fed. Trib.), p. 201.
[88] Born G. Op. cit. P. 1356–1357.

участие в переговорах, прохождение процедуры медиации или иного примирительного механизма. Такие положения характерны для многоступенчатых (каскадных) оговорок и выполняют функцию временного барьера перед обращением в арбитраж[89]. Кроме того, в некоторых случаях возможно формулирование обязательств сторон по сохранению доказательств, направленных на обеспечение будущего арбитражного разбирательства. Иным специфическим видом с точки зрения обязательств могут служить асимметричные арбитражные соглашения[90], являющиеся разновидностью альтернативных соглашений[91], которые совместно с обращением в арбитраж закрепляют право одной стороны на обращение в государственный суд.

На стадии уже инициированного разбирательства исполнение арбитражного соглашения означает как позитивную обязанность стороны передать спор в предусмотренный соглашением арбитраж, так и негативную — воздержаться от обращения в государственный суд, за исключением случаев, когда предполагается задействовать лишь вспомогательные функции последнего (например, назначение арбитров или принятие обеспечительных мер). Арбитражное соглашение в такой конструкции может также предусматривать обязанность следовать определенной процедуре арбитража, в том числе в части обращения за обеспечительными мерами в суд определенной юрисдикции или только к составу арбитража или чрезвычайному арбитру.

Здесь также необходимо отметить, что позитивные и негативные обязательства могут существовать не только в рамках конкретного спора, но и в течение всего действия арбитражного соглашения. В отличие от

---

[89] Коломиец А.И. О действительности и исполнимости альтернативных оговорок и перспективах каскадных арбитражных оговорок // Вестник арбитражной практики. 2024. № 5. С. 95–106.

[90] См.: Бакуменко В.В. Односторонние гибридные соглашения о юрисдикции: конец дискуссии для России? // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2021. № 1 (44). С. 58–69; Смирнов Д.Д. Асимметричные соглашения: проблемы практического применения и вывод Верховного Суда РФ // Юридическая наука. 2021. № 4. С. 144–150.

[91] Носырева Е.И. Последствия заключения альтернативных арбитражных (третейских) оговорок // Юрист. 2013. № 20. С. 10–14.

стандартного регулирования материально-правовых отношений, устанавливающего, что обязательства прекращаются надлежащим исполнением (например, в соответствии со статьей 408 ГК РФ), арбитражному соглашению не присуще аналогичное свойство. Это связано с тем, что арбитражное соглашение может продолжать действовать и после вынесения арбитражного решения по конкретному спору. В этой связи обязательства из арбитражного соглашения не исчерпываются, но подлежат исполнению и защите именно при инициировании спора.

Вместе с тем необходимо оговориться, что крайне сложно прочертить строгие границы соответствующих обязательств, ведь право на судебную защиту (пусть и в рамках арбитража) не может быть существенным образом ограничено. Например, при рассмотрении негативного обязательства не передавать споры на рассмотрение в государственный суд можно обнаружить ряд исключений и уточнений. Так, не будет нарушением соответствующего обязательства обращение в суд для выполнения обязательных судебных действий для исполнения арбитражного соглашения, в частности для цели назначения арбитров или получения мер содействия[92] в получении доказательств. Такие права стороны прямо устанавливаются национальными законами, регулирующими вопросы разрешения спора в арбитраже, что указывает на поддерживающую функцию судов в рассмотрении спора и необходимость его рассмотрения по существу именно составом арбитража.

Проведенный анализ теорий правовой природы арбитражного соглашения позволяет заключить следующее. Ни одна из рассмотренных теорий не исключает возможности квалификации возникающих из арбитражного соглашения последствий в качестве обязательств, однако наиболее адекватной для целей настоящего исследования является теория смешанной (материально-процессуальной) правовой природы. Именно она позволяет раскрыть содержание возникающих из арбитражного соглашения

[92] UniCredit Bank GmbH v RusChemAlliance LLC [2024] UKSC 30 [85].

обязательств: позитивного — совершить действия, необходимые для рассмотрения спора в арбитраже, и негативного — воздерживаться от обращения по тому же спору в государственный суд, каждое из которых обладает как материально-правовой, так и процессуальной составляющей.

§ 2. Правовые основы обязательств, возникающих из арбитражного соглашения

Международное регулирование арбитражных соглашений строится прежде всего вокруг Нью-Йоркской конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений 1958 года. Принятая под эгидой ООН и ратифицированная 172 государствами[93], Нью-Йоркская конвенция сыграла фундаментальную роль в становлении современного международного арбитража, обеспечив его широкое распространение и эффективность.

Несмотря на название Нью-Йоркской конвенции, отсылающее прежде всего к арбитражным решениям, она содержит важные положения и относительно арбитражных соглашений. В соответствии со статьей II арбитражное соглашение является основой любого арбитражного разбирательства, так как именно от него зависит возможность передачи спора в третейский суд, а от его содержания — процедура арбитражного разбирательства.

Пункт 1 статьи II Нью-Йоркской конвенции закрепляет обязанность сторон передавать споры в арбитраж[94]. Такая формулировка указывает не на простое самоограничение доступа к государственному правосудию, а на принятие сторонами активного обязательства по разрешению споров

---

[93] Статус текстов: Конвенция о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (Нью-Йорк, 1958 год) [Электронный ресурс] // Комиссия Организации Объединенных Наций по праву международной торговли : [сайт]. URL: https://uncitral.un.org/ru/texts/arbitration/conventions/foreign_arbitral_awards/status2 (дата обращения: 27.02.2026).

[94] «Каждое Договаривающееся Государство признает письменное соглашение, по которому **стороны обязуются передавать в арбитраж** все или какие-либо споры, возникшие или могущие возникнуть между ними в связи с каким-либо конкретным договорным или иным правоотношением, объект которого может быть предметом арбитражного разбирательства».

посредством арбитража[95]. При этом необходимо отметить, что на уровне международно-правового регулирования в статье II Нью-Йоркской конвенции нормативно закрепляется лишь один элемент механизма, то есть обязанность государственного суда (пункт 3 статьи II) направить стороны в арбитраж[96].

Нью-Йоркская конвенция, несмотря на ее фундаментальное значение для формирования современного режима международного арбитража, не содержит единой и исчерпывающей дефиниции арбитражного соглашения, равно как и не регулирует напрямую правовые последствия его заключения. Соответствующие положения носят фрагментарный характер и распределены по различным статьям Нью-Йоркской конвенции.

Данный пробел объясняется как историческими обстоятельствами подготовки Конвенции, в ходе которой арбитражное соглашение не рассматривалось в качестве самостоятельного объекта регулирования, так и компромиссным характером ее текста. В результате именно национальное правовое регулирование, судебная практика и правила арбитражных учреждений фактически определяют, какие именно правовые последствия порождает заключение арбитражного соглашения и каким образом обеспечивается его исполнимость.

Отдельным этапом гармонизации стало принятие в 1985 году Типового закона ЮНСИТРАЛ о международном торговом арбитраже, который был дополнен и обновлен в 2006 году. Сегодня более 90 государств, включая ключевые торговые юрисдикции, имплементировали его положения в национальное законодательство[97]. Цель Типового закона ЮНСИТРАЛ заключается в том, чтобы обеспечить единообразие регулирования арбитражных соглашений, арбитражного разбирательства и режима признания арбитражных решений (в продолжение норм Нью-Йоркской

---

[95] Born G. Op. cit. P. 1351.

[96] При этом существует позиция, что положения о признании арбитражных соглашений в пункте 1 статьи II Нью-Йоркской конвенции являются примером закрепления позитивного последствия арбитражного соглашения. См.: Международный коммерческий арбитраж : учебник. С. 334–339.

[97] Статус текстов: Типовой закон ЮНСИТРАЛ о международном торговом арбитраже (1985 год) с изменениями, принятыми в 2006 году [Электронный ресурс]. URL: https://uncitral.un.org/ru/texts/arbitration/modellaw/commercial_arbitration/status (дата обращения: 20.03.2026).

конвенции), а также минимизировать вмешательство национальных судов в международный арбитраж.

Развитие международного режима регулирования арбитражных соглашений связано и с иными многосторонними актами. Речь идет о Европейской конвенции, Межамериканской конвенции о международном коммерческом арбитраже 1975 года (далее — «Панамская конвенция») и Едином акте ОХАДА об арбитраже. Эти документы сыграли свою роль в формировании международного правового режима, ориентированного на обеспечение стабильности и предсказуемости арбитражного разбирательства.

Европейская конвенция была направлена на унификацию арбитражных процедур в торговых отношениях между государствами Европы и прежде всего между государствами с различными экономическими системами. В отличие от более ранних международных инструментов, сосредоточенных главным образом на признании и исполнении арбитражных решений, Европейская конвенция содержит ряд положений, непосредственно направленных на обеспечение исполнения арбитражных соглашений и устранение процессуальных препятствий для обращения сторон в арбитраж[98].

Одним из ключевых элементов Европейской конвенции является закрепление механизмов, направленных на предотвращение блокирования арбитражного разбирательства. Так, Конвенция предусматривает специальные правила назначения арбитров в случае, если стороны не могут согласовать состав арбитража либо если одна из сторон уклоняется от участия в процедуре его формирования. В подобных ситуациях компетентные органы государств-участников наделяются полномочиямисодействовать формированию состава арбитража[99]. Данные положения направлены на устранение риска фактической неисполнимости арбитражного соглашения,

---

[98] Европейская конвенция, преамбула; статьи I–II; Fouchard P., Gaillard E., Goldman B. Op. cit. P. 383.

[99] Европейская конвенция, статья IV «Осуществление арбитражного процесса», предусматривающая механизм назначения арбитров председателем компетентной торговой палаты или специальным комитетом в случае уклонения стороны от назначения арбитра или отсутствия согласия сторон относительно состава арбитража.

возникающего вследствие недобросовестного поведения одной из сторон или несовершенства формулировки арбитражной оговорки.

Кроме того, Европейская конвенция содержит нормы, регулирующие взаимодействие между государственными судами и арбитражем. Отвод государственного суда по неподсудности, основанный на наличии арбитражного соглашения, должен быть заявлен стороной до или в момент представления возражений по существу иска под угрозой утраты права на такой отвод. Если же одна из сторон уже подала заявление об арбитраже, государственный суд, в который впоследствии обратился ее контрагент, обязан отложить вынесение решения по вопросу о компетенции состава арбитража до вынесения арбитражного решения по существу, если у суда нет достаточно существенных оснований для отступления от этого правила[100].

Панамская конвенция, принятая в рамках Организации американских государств, была направлена на унификацию арбитражных процедур в государствах американского континента. По своей структуре и содержанию она во многом воспроизводит подход, закрепленный в Нью-Йоркской конвенции, однако содержит ряд особенностей, обусловленных региональной спецификой. Панамская конвенция признает действительным соглашение сторон о передаче в арбитраж как уже возникших, так и будущих споров по коммерческой сделке, если такое соглашение совершено в подписанном сторонами документе либо в обмене письмами, телеграммами или телексными сообщениями. Важной особенностью Панамской конвенции является механизм восполнения пробелов арбитражного соглашения: арбитры назначаются в порядке, согласованном сторонами, а при отсутствии прямого соглашения сторон арбитраж проводится по регламенту Межамериканской комиссии по коммерческому арбитражу. Данное решение направлено на предотвращение ситуаций, при которых недостатки формулировки

[100] Европейская конвенция, статья VI «Подсудность государственным судам», пункты 1 и 3.

арбитражной оговорки могли бы привести к ее практической неисполнимости[101].

Тем самым Панамская конвенция закрепляет подход, ориентированный на обеспечение эффективности арбитражного соглашения. Вместе с тем ее положения ограничиваются констатацией действительности такого соглашения и правилами о формировании состава арбитража: аналога пункта 3 статьи II Нью-Йоркской конвенции Панамская конвенция не содержит, обязанность государственного суда направить стороны в арбитраж в ней не закреплена, а последующие статьи посвящены признанию и приведению в исполнение арбитражных решений. Негативный эффект арбитражного соглашения обеспечивается в данном случае не самой Конвенцией, а имплементационным законодательством государств-участников[102].

Иную модель регулирования демонстрирует система Организации по гармонизации коммерческого права в Африке (ОХАДА), в рамках которой действует Единый акт об арбитраже, принятый 11 марта 1999 г. и пересмотренный 23 ноября 2017 г.[103] В отличие от классических международных конвенций, ориентированных преимущественно на признание и исполнение арбитражных решений, система ОХАДА формирует единый наднациональный процессуальный режим арбитража, непосредственно регулирующий статус и действие арбитражного соглашения. Единый акт закрепляет исключительное полномочие состава арбитража самостоятельно решать вопрос о своей компетенции, а также обязывает государственный суд, в который передан спор, подпадающий под действие арбитражного соглашения, по заявлению стороны признать себя

---

[101] Межамериканская конвенция о международном коммерческом арбитраже (Панама, 30.01.1975) // United Nations Treaty Series. Vol. 1438. No. I-24384. Arts. 1–3 (далее — «Панамская конвенция»).

[102] Панамская конвенция. Arts. 4–5. Так, в США полномочие суда вынести приказ о принуждении к арбитражу в рамках Панамской конвенции установлено не Конвенцией, а параграфом 303 главы 3 Федерального закона США об арбитраже (9 U.S.C. § 303), воспроизводящим конструкцию параграфа 206, принятого в связи с присоединением США к Нью-Йоркской конвенции.

[103] Acte uniforme relatif au droit de l’arbitrage (OHADA), принят 11.03.1999, в редакции 23.11.2017 [Электронный ресурс]. URL: https://justice.sec.gouv.sn/wp-content/uploads/textes-reglements/OHADA/Acte-uniforme-relatif-droit-arbitrage-jo-special-15-dec-2017.pdf (дата обращения: 01.04.2026) (далее — «Единый акт ОХАДА об арбитраже»).

некомпетентным. Если состав арбитража еще не сформирован либо заявление об арбитраже не подано, суд поступает так же, кроме случаев, когда арбитражное соглашение является явно недействительным или явно неприменимым. При этом государственный суд ни при каких обстоятельствах не вправе констатировать отсутствие у себя компетенции по собственной инициативе[104].

Сравнительный анализ национального законодательства показывает, что в национальных правопорядках, как правило, отсутствует развернутое регулирование возникновения, содержания и объема обязанностей сторон, вытекающих из арбитражного соглашения. В большинстве случаев законодатель ограничивается закреплением базовых характеристик арбитражного соглашения, прежде всего его формальных признаков и арбитрабельности споров, оставляя вопросы правовой природы и последствий такого соглашения на усмотрение судов.

Типовой закон ЮНСИТРАЛ устанавливает, что арбитражное соглашение представляет собой соглашение сторон о передаче в арбитраж всех или определенных споров, которые возникли или могут возникнуть между ними в связи с каким-либо конкретным правоотношением, независимо от того, имеет ли такое правоотношение договорный характер или нет. Подавляющее большинство стран дальше аналогичного регулирования не продвинулись, и их законы не содержат ни пояснений по содержанию возникающего из такого соглашения правоотношения, ни состава обязанностей сторон.

В ряде юрисдикций, тем не менее, обязанности сотрудничества, добросовестности и процессуальной осмотрительности прямо закреплены в национальном арбитражном законодательстве. Так, статья 40 Закона Англии об арбитраже 1996 г. возлагает на стороны общую обязанность совершать все

[104] Единый акт ОХАДА об арбитраже. Art. 11 (исключительная компетенция состава арбитража решать вопрос о собственной компетенции), art. 13 (обязанность государственного суда по заявлению стороны признать себя некомпетентным, если арбитражное соглашение не является явно недействительным или явно неприменимым).

необходимые действия для надлежащего и оперативного проведения арбитражного разбирательства, включая своевременное соблюдение процессуальных распоряжений и указаний третейского суда[105]. Стороны не вправе исключить или изменить ее своим соглашением, вследствие чего соответствующая обязанность существует независимо от содержания конкретного арбитражного соглашения[106]. Положения статьи 40 Закона Англии об арбитраже 1996 г., закрепляющие общую обязанность сторон содействовать надлежащему и оперативному проведению арбитражного разбирательства, были сохранены и в результате реформы 2025 г., которая внесла в Закон 1996 г. лишь точечные изменения, что свидетельствует о фундаментальном характере данной обязанности в английском арбитражном праве[107].

Схожий подход отражен в Законе о коммерческом арбитраже штата Виктория (Австралия), который запрещает стороне умышленно совершать действия, направленные на затягивание разбирательства или воспрепятствование вынесению арбитражного решения[108]. Закон Шотландии об арбитраже 2010 г. (Arbitration (Scotland) Act 2010) устанавливает, что стороны должны обеспечить проведение арбитража без неоправданных задержек и без несения излишних расходов[109].

Закон Перу об арбитраже в статье 38 закрепляет обязанность сторон соблюдать принцип добросовестности во всех своих действиях и процессуальных шагах в рамках арбитража, а такжесотрудничать с составом

---

[105] Arbitration Act 1996 (England and Wales) [Электронный ресурс]. URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1996/23/contents (дата обращения: 12.04.2026). S. 40 (далее — «Закон Англии об арбитраже 1996 г.»).

[106] Закон Англии об арбитраже 1996 г. S. 4(1), Sch. 1. Статья 40 включена в перечень императивных положений Закона (mandatory provisions) и в силу этого действует независимо от содержания соглашения сторон.

[107] Arbitration Act 2025 (England and Wales) [Электронный ресурс]. URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2025/4 (дата обращения: 12.04.2026). Закон состоит из 18 статей и изменений в статью 40 Закона 1996 г. не вносит.

[108] Commercial Arbitration Act 2011 (Victoria, Australia), No. 50/2011 [Электронный ресурс]. URL: https://www.legislation.vic.gov.au/in-force/acts/commercial-arbitration-act-2011 (дата обращения: 28.08.2026). Ss. 24B(1)–(3), в частности s. 24B(3).

[109] Arbitration (Scotland) Act 2010 (asp 1), Schedule 1 (Scottish Arbitration Rules), Rule 25 [Электронный ресурс]. URL: https://www.legislation.gov.uk/asp/2010/1/schedule/1 (дата обращения: 28.08.2026). Как и в случае английского закона, данное правило отнесено к числу императивных (mandatory rules) и не может быть исключено соглашением сторон.

арбитража в ходе разбирательства[110]. Аналогичную конструкцию можно обнаружить и в Законе Кении об арбитраже, который обязывает стороны «совершать все действия, необходимые для надлежащего и оперативного проведения арбитражного разбирательства»[111]. Иная по адресату конструкция закреплена в пункте 3 статьи 1036 Гражданского процессуального кодекса Нидерландов. Наряду с обязанностью состава арбитража не допускать неоправданного затягивания разбирательства данная норма возлагает на стороны взаимную обязанность такое затягивание предотвращать. Голландский законодатель адресует обязанность сторонам друг перед другом, а не составу арбитража, что позволяет обсуждать ее нарушение в категориях неисполнения обязательства, а не только процессуального нарушения[112].

Особую группу образуют правопорядки, в которых законодатель не ограничивается регулированием поведения сторон в ходе разбирательства, а прямо формулирует обязанность, возникающую из самого арбитражного соглашения. Так, пункт 1 статьи 11 Закона Испании об арбитраже устанавливает, что арбитражное соглашение обязывает стороны его исполнить и препятствует рассмотрению государственными судами споров, переданных в арбитраж, при условии заявления заинтересованной стороной соответствующего возражения[113].

Наиболее последовательно указанный подход проведен в праве Аргентины, где арбитражное соглашение урегулировано в качестве поименованного договора. Соответствующие нормы помещены в отдельную главу Гражданского и торгового кодекса. Согласно статье 1656 Кодекса арбитражное соглашение обязывает стороны исполнить оговоренное и

---

[110] Decreto Legislativo N.º 1071 que norma el arbitraje (Peru), de 27 de junio de 2008 (вступил в силу 01.09.2008). Art. 38 («Buena fe»).

[111] Arbitration Act 1995 (Kenya), No. 4 of 1995 (Cap. 49, Laws of Kenya, revised edition 2022), s. 19A (введена Arbitration (Amendment) Act 2009, No. 11 of 2009) [Электронный ресурс]. URL: https://new.kenyalaw.org/akn/ke/act/1995/4 (дата обращения: 28.08.2026).

[112] Wetboek van Burgerlijke Rechtsvordering (Netherlands), Vierde Boek, art. 1036 lid 3 [Электронный ресурс]. URL: https://wetten.overheid.nl/BWBR0001827 (дата обращения: 28.08.2026).

[113] Ley 60/2003, de 23 de diciembre, de Arbitraje (Spain) // Boletín Oficial del Estado. 2003. N.º 309. 26 de diciembre. Art. 11.1 [Электронный ресурс]. URL: https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-2003-23646 (дата обращения: 28.08.2026) (далее — «Закон Испании об арбитраже»).

исключает компетенцию государственных судов по переданным в арбитраж спорам, кроме случая, когда состав арбитража еще не приступил к рассмотрению спора, а соглашение представляется явно недействительным или неисполнимым[114]. Приведенная норма примечательна в двух отношениях. Во-первых, законодатель прямо формулирует позитивное обязательство сторон — исполнить оговоренное, то есть передать спор на разрешение арбитража. Во-вторых, в той же норме закреплен и негативный эффект соглашения — исключение компетенции государственных судов, пределы которого очерчены оговоркой о явной недействительности или неисполнимости соглашения. Вместе с тем приведенные нормы образуют общий режим договора арбитража, тогда как международный коммерческий арбитраж в Аргентине с 2018 года регулируется отдельным законом, который воспроизводит Типовой закон ЮНСИТРАЛ и аналогичной формулировки не содержит, ограничиваясь правилом о направлении сторон в арбитраж по заявлению стороны[115]. Прямое законодательное закрепление обязательства, возникающего из самого арбитражного соглашения, сохраняется тем самым на уровне общего гражданского законодательства.

С момента вступления в силу в 2002 году пункта 5 части 1 статьи 148 АПК РФ, наличие соглашения сторон о рассмотрении спора третейским судом является одним из оснований для оставления искового заявления без рассмотрения, если любая из сторон не позднее дня представления своего первого заявления по существу спора в арбитражном суде первой инстанции заявит по этому основанию возражение в отношении рассмотрения дела в арбитражном суде, за исключением случаев, если арбитражный суд установит, что это соглашение недействительно, утратило силу или не может быть исполнено.

---

[114] Código Civil y Comercial de la Nación (Argentina), aprobado por Ley 26.994 // Boletín Oficial. 2014. 8 de octubre. Arts. 1649, 1656 [Электронный ресурс]. URL: https://servicios.infoleg.gob.ar/infolegInternet/anexos/235000-239999/235975/texact.htm (дата обращения: 28.08.2026).

[115] Ley 27.449 de Arbitraje Comercial Internacional (Argentina), sancionada el 4 de julio de 2018 // Boletín Oficial. 2018. 26 de julio. Art. 1 (закон регулирует международный коммерческий арбитраж «en forma exclusiva»), art. 19 (воспроизводит статью 8(1) Типового закона ЮНСИТРАЛ).

Рассматриваемые нормы появились в российском законодательстве в результате имплементации положений пункта 1 статьи 8 Типового закона ЮНСИТРАЛ[116]. Эти нормы не являлись принципиально новыми для российского правопорядка, поскольку соответствующий подход ранее уже находил отражение, в частности, в статье 8 Закона о МКА, основанной на Типовом законе ЮНСИТРАЛ. Вместе с тем именно АПК РФ 2002 г. впервые системно имплементировал данный механизм в арбитражное процессуальное законодательство, унифицировав его с международными стандартами и конкретизировав процессуальные условия его применения, включая требование о своевременном заявлении соответствующего возражения. Кроме этого, в АПК РФ 1995 г. уже предусматривалось оставление иска без рассмотрения в случае наличия между сторонами соглашения о передаче спора на разрешение третейского суда (статья 87). Однако данная норма носила более общий характер.

Подводя итог рассмотрению международного и национального уровней регулирования, следует констатировать, что регулирование обязательств из арбитражного соглашения носит фрагментарный характер. Нью-Йоркская конвенция, являясь краеугольным камнем современного арбитражного правопорядка, не формулирует ни исчерпывающего определения арбитражного соглашения, ни полного перечня правовых последствий его заключения.

Рассмотренные источники как международного, так и национального регулирования определяют лишь минимальный объем обязательств сторон, тогда как их конкретное содержание в значительной мере формируется самими сторонами. Обязательства сами по себе возникают из заключения сторонами арбитражного соглашения. По существу, единственным необходимым элементом является воля сторон на передачу споров в арбитраж.

---

[116] Коломиец А.И. Арбитражная оговорка: актуальные вопросы действительности и исполнимости в практике арбитражных судов при заявлении стороной спора возражений // Вестник арбитражной практики. 2020. № 5. С. 63–74.

Поэтому базовые позитивные и негативные обязательства могут возникнуть при заключении лишь «минимального» или «бланкового» арбитражного соглашения[117]. При этом общей рекомендацией при заключении арбитражного соглашения является уточнение дополнительных условий[118] или использование типовых арбитражных соглашений[119]. Признается, что дополнительные положения не являются обязательными для действительности и исполнимости, однако повышают устойчивость («живучесть») соглашения и снижают риск возникновения неопределенности на стадии реализации арбитражного механизма[120].

Среди возможных дополнительных условий может быть выбор регламента арбитражного института и правил ЮНСИТРАЛ, порядок формирования состава арбитража, распределение расходов между сторонами. Стороны могут быть обязаны признать арбитражное решение как окончательное, а также воздерживаться от инициирования процедур отмены решения в суде. Такие обязательства часто прямо или подразумеваемо содержатся в институциональных регламентах, которые в силу включения в арбитражное соглашение приобретают характер условий договора.

Как итог, обязательства из арбитражного соглашения имеют особую природу, обусловленную смешанной (материально-процессуальной) природой самого соглашения. В связи с этим их исполнение и последствия неисполнения соответственно имеют материальные и процессуально-правовые начала. Обязательствами из арбитражного соглашения являются позитивное обязательство (передавать спор в арбитраж) и негативное обязательство (отказаться от подачи спора в государственный суд). Особенностью данных обязательств является их неразрывная связь:

---

[117] Хвалей В.В. Как убить арбитражное соглашение // Третейский суд. 2003. № 5. С. 53.
[118] Seraglini C., Fouret J. The Arbitration Agreement: Legal Nature, the Contractual and the Jurisdictional Aspect (Chapter 23) // Cambridge Compendium of International Commercial and Investment Arbitration / ed. by S. Kröll, A.K. Bjorklund, F. Ferrari. Cambridge : Cambridge University Press, 2023.
[119] Пункт 30 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.12.2019 № 53 «О выполнении судами Российской Федерации функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства, международного коммерческого арбитража» // Российская газета. 2019. № 291.
[120] Петрова К.В. Указ. соч. С. 88.

нарушение негативного обязательства одновременно означает и нарушение позитивного, но уклонение от исполнения позитивного обязательства возможно без обращения в государственный суд. Национальные законодательства дополняют содержание обязательств из арбитражного соглашения обязанностью добросовестного содействия проведению разбирательства.

Глава 2. Особенности исполнения обязательств из арбитражного соглашения

§ 1. Понятие и способы исполнения обязательств из арбитражного соглашения

С точки зрения смешанной теории интерес представляет вопрос о соотношении категории исполнения договоров в материально-правовом смысле и исполнения обязательств из арбитражного соглашения. Так, статья 309 ГК РФ закрепляет принцип надлежащего исполнения обязательств: они должны исполняться в соответствии с условиями договора и требованиями закона, а при отсутствии таковых — в соответствии с обычаями или иными обычно предъявляемыми требованиями. В статье 310 ГК РФ установлен запрет на односторонний отказ от исполнения договора, если иное прямо не предусмотрено законом или самим договором. Кроме того, положения главы 22 ГК РФ определяют срок, место и способ исполнения обязательств, формируя общие критерии их исполнимости.

В связи с этим необходимо признать, что арбитражное соглашение не всегда может быть исполнено способами, типичными для материально-правовых отношений[121]. Концепция исполнения в натуре, как и концепция исполнения обязательства в целом, неприменима в силу специфики порождаемых арбитражным соглашением обязательств. Основной способ исполнения арбитражного соглашения — инициирование арбитражного разбирательства (направленное на реализацию основного позитивного обязательства передать спор в третейский суд)[122]. В состав соответствующего исполнения обязательства входит уведомление об инициировании арбитража, формирование состава арбитража и иные сопутствующие действия[123]. Подробные условия исполнения могут содержаться как в тексте самого соглашения, так и в применимых арбитражных правилах, устанавливающих

---

[121] Lew J.D.M., Mistelis L.A., Kröll S.M. Comparative International Commercial Arbitration. The Hague : Kluwer Law International, 2003. P. 159.
[122] Fouchard P., Gaillard E., Goldman B. Op. cit. P. 384.
[123] Ibid. P. 384–387.

порядок для инициирования арбитража, например, по уплате арбитражного сбора и внесению депозита на оплату услуг арбитров.

А.Г. Котельников указывает на так называемые «компоненты» обязанности сторон передать спор на рассмотрение третейского суда и обращает внимание на два их аспекта[124]. Первый связан с совершением всех действий для формирования состава арбитража, который в итоге сможет вынести исполнимое решение. Важность данного аспекта подтверждается тем, что сторонам нужно «создать» третейский суд, так как простой подачи искового заявления, в отличие от рассмотрения спора в государственных судах, в случае арбитражного разбирательства недостаточно.

Второй аспект, по мнению автора, связан с обязанностью сторон участвовать в рассмотрении дела арбитражем, то есть совершать требуемые процессуальные действия для представления своей позиции[125]. Эта обязанность в целом коррелирует с обязанностью добросовестного ведения спора, которая возникает после заключения арбитражного соглашения, о чем мы говорили выше. В этой связи резонно согласиться с мнением, что само совершение процессуальных действий является правом стороны, но не обязанностью[126]. Последствия же самого игнорирования процесса арбитража ответчиком мы подробнее рассмотрим ниже в этом параграфе.

Сходное понимание содержания позитивного обязательства отражено в зарубежной судебной практике. Апелляционный суд Сингапура указал, что арбитражное соглашение представляет собой не только негативное обязательство не обращаться в суд, но и позитивное обязательство участвовать в особого рода (*sui generis*) процедуре, требующей значительной степени сотрудничества сторон[127]. В свою очередь, Высокий суд Дели подтвердил, что сторона, инициирующая арбитраж, обязана также предпринять дальнейшие шаги по формированию состава арбитража и передаче спора на его

---

[124] Котельников А.Г. Указ. соч. С. 204–205.
[125] Там же. С. 205.
[126] Приходько А.И. Воспрепятствование разрешению дел в арбитражных судах: актуальные вопросы судебного правоприменения. М. : Волтерс Клувер, 2006. С. 248.
[127] China Machine New Energy Corp v Jaguar Energy Guatemala LLC [2020] SGCA 12.

рассмотрение[128]. Приведенные позиции согласуются с выделяемыми в доктрине компонентами обязанности сторон и подтверждают, что формирование состава арбитража и участие в разбирательстве образуют необходимое содержание исполнения позитивного обязательства.

Дж. Вайнсимер указывает, что естественное содержание исполнения арбитражного соглашения — это ведение арбитражного разбирательства. Однако арбитражная практика не знает и не предполагает принуждения ответчика к буквальному исполнению соглашения *в виде* участия в слушаниях или представления позиции[129]. В связи с этим международный арбитраж предусматривает систему механизмов, обеспечивающих исполнение арбитражного соглашения с помощью косвенного или опосредованного принуждения. Их суть заключается в возможности проведения арбитража в отсутствие одной из сторон: сторона вправе единолично инициировать и продолжить арбитраж при уклонении от участия своего контрагента[130].

Во избежание последствий неучастия стороны в арбитраже арбитражное законодательство и регламенты арбитражных институтов наделяют арбитров полномочиями принимать определенные процессуальные меры. В зависимости от того, какая сторона уклоняется от участия, трибунал может как прекратить разбирательство, так и продолжить его в отсутствие неявившейся стороны.

Важно в этом контексте то, что истец может единолично нести бремя расходов на арбитраж[131]. Большинство регламентов арбитражных учреждений исходят из того, что неучастие ответчика не препятствует продолжению

---

[128] Kidde India Ltd v NTPC, 2023/DHC/000875 (High Court of Delhi), para 24.

[129] Waincymer J. Procedure and Evidence in International Arbitration. Alphen aan den Rijn : Kluwer Law International, 2012. P. 659.

[130] Born G. Op. cit. P. 1365; Lew J.D.M., Mistelis L.A., Kröll S.M. Op. cit. P. 160.

[131] Правила арбитража международных коммерческих споров (приложение 2 к приказу ТПП РФ от 11.01.2017 № 6), § 8 п. 1–2 (регистрационный сбор и аванс арбитражного сбора по иску уплачивает истец, до уплаты аванса в полном размере дело остаётся без движения); Положение об арбитражных расходах (приложение 6 к приказу ТПП РФ от 11.01.2017 № 6, в ред. от 09.10.2024), § 9 п. 3 абз. 2 (если ответчик не внёс в срок свою долю аванса на расходы, связанные с участием в разбирательстве председателя состава арбитража, постоянно пребывающего вне места проведения слушаний, уплата такого аванса возлагается на истца); Положение Арбитражного центра при РСПП о сборах и расходах (ред. 2021), ст. 4 ч. 1, ст. 9 ч. 5; LCIA Arbitration Rules (2020), Arts. 24.6–24.7; SIAC Arbitration Rules (2025), Rules 56.4, 56.7; ICC Arbitration Rules (2026), Arts. 40(3), 40(8)(b).

арбитражного разбирательства[132]. Здесь необходимо различать подходы к оплате сборов в институциональном и *ad hoc* арбитраже, поскольку порядок и момент внесения авансовых платежей на покрытие расходов могут существенно различаться.

Арбитражные трибуналы, вне зависимости от применимых правил и подходов, требуют предварительной оплаты сборов для рассмотрения спора. Такая практика направлена на предотвращение ситуаций, при которых арбитры, начав рассмотрение спора, впоследствии лишаются вознаграждения из-за отказа одной из сторон от финансирования арбитража. Существуют примеры, согласно которым дело не передается составу арбитража до внесения запрошенного депозита. В других[133]случаях невнесение требуемого депозита влечет признание соответствующих требований отозванными, что не препятствует их повторному заявлению в новом разбирательстве; ряд регламентов предусматривает также приостановление или прекращение арбитража[134]. В рамках арбитража *ad hoc* состав арбитража может принять аналогичные правила в процессуальном приказе.

Подобная практика заслуживает одобрения, поскольку она способствует снижению числа разбирательств с участием сторон, уклоняющихся от оплаты. Осознание того, что неуплата может привести к невозможности представить свои собственные требования или встречные иски, служит эффективным стимулирующим фактором. Кроме того, уклоняющаяся сторона рискует тем, что состав арбитража впоследствии обяжет ее возместить аванс, уплаченный за нее другой стороной.

---

[132] Zoroska-Kamilovska T., Rakocevic M. Default in Arbitration Proceedings: Meeting the Objectives of Due Process, Efficiency and Truth // Revista Română de Arbitraj. 2017. Vol. 11. P. 12.

[133] SCC Arbitration Rules (2023), Art. 22 («Referral to the Arbitral Tribunal»), согласно которой Секретариат передает дело составу арбитража после формирования состава арбитража и внесения аванса на покрытие расходов.

[134] ICC Arbitration Rules (2026), Art. 40(9); SIAC Arbitration Rules (2025), Rule 56.5(b); ICDR International Dispute Resolution Procedures (2026), Art. 39(3); DIAC Arbitration Rules (2022), Appendix I, Art. 3.4; NAI Arbitration Rules (2024), Art. 58(4). О приостановлении или прекращении разбирательства при неуплате депозита см.: HKIAC Administered Arbitration Rules (2024), Art. 41.4; ICDR International Dispute Resolution Procedures (2026), Art. 39(5); VIAC Rules of Arbitration (2021), Art. 42(11).

В этом контексте отмечается возникновение судебной практики по пресечению злоупотреблений сторон[135]. Показательно в этом отношении решение Кассационного суда Франции[136], где одна из сторон отказалась уплатить свою долю аванса по арбитражному разбирательству по Регламенту МТП, в результате чего производство было прекращено на основании статьи 37(6) Регламента МТП. После этого другая сторона обратилась с иском во французский коммерческий суд, однако ответчик возразил против юрисдикции суда, ссылаясь на наличие арбитражной оговорки. Апелляционный суд Парижа поддержал возражения ответчика, указав, что в силу Регламента МТП заявленные требования могут быть впоследствии вновь предъявлены в арбитраже. Однако Кассационный суд отменил данное решение, указав, что сторона, по вине которой арбитражное разбирательство было прекращено вследствие неуплаты аванса, не вправе в дальнейшем ссылаться на арбитражное соглашение для оспаривания компетенции государственных судов. Суд подчеркнул, что подобное поведение противоречит принципу процессуальной добросовестности.

В ОАЭ существовала практика, согласно которой в случае неоплаты любой из сторон арбитражных расходов считалось, что арбитражное соглашение прекращает свое действие, а спор становится подсуден государственному суду. Кассационный суд Дубая изменил подход, указав, что арбитражное соглашение сохраняет свою силу[137]. Такой подход следует поддержать.

Иным важным способом исполнения позитивного обязательства является формирование состава арбитража при неучастии одной из сторон. Как справедливо отмечал Б.Р. Карабельников, «нежелание одной из сторон

---

[135] Schroeder C., Mangani C. Default at the Pre-Arbitration Stage // Default in International Arbitration: Striking the Balance / ed. D. De Meulemeester. Alphen aan den Rijn : Wolters Kluwer, 2022. P. 24.
[136] Cour de Cassation, Civ 1, 9 February 2022, 21-11.253.
[137] Decision of the General Assembly of the Dubai Court of Cassation No. 10 of 2023 (DCC 10/2023), 24 October 2023 // Lexis Middle East (e-journal).

участвовать в арбитраже не является абсолютным препятствием для продвижения арбитражного процесса»[138].

На международно-правовом уровне механизм назначения арбитра закреплен в статье IV Европейской конвенции. В отличие от Нью-Йоркской конвенции, которая в статье II(3) ограничивается обязанностью суда направить стороны в арбитраж, если соглашение не является недействительным, утратившим силу или неисполнимым, Европейская конвенция прямо предусматривает, что стороны свободны определить способ назначения арбитров, место арбитража и процедуру, а при их бездействии или неполноте оговорки задействуется дополнительный механизм.

Панамская конвенция 1975 г. закрепляет, что арбитры назначаются в порядке, согласованном сторонами, а при отсутствии прямого соглашения арбитраж ведется по регламенту Межамериканской комиссии по коммерческому арбитражу (IACAC).

Стоит отметить, что подходы систем общего и континентального права к назначению арбитра при уклонении одной из сторон различаются[139]. В странах общего права принят механизм трансформации уже назначенного соарбитра в единоличного арбитра[140]. Например, в Англии и Уэльсе добросовестная сторона может самостоятельно назначить единоличного арбитра после уведомления оппонента[141]. Данный подход ориентирован на максимально быстрое преодоление препятствия силами самой стороны.

В странах континентальной правовой семьи, включая Россию, напротив, применяется опосредованная модель[142]. Роль назначающего органа выполняет

---

[138] Карабельников Б.Р. Указ. соч. С. 87–88.

[139] Котельников А.Г. Указ. соч. С. 211–214; Söderlund C. A Comparative Overview of Arbitration Laws: Swedish Arbitration Act 1999, English Arbitration Act 1996 and Russian Federal Law on International Commercial Arbitration 1993 // Arbitration International. 2004. Vol. 20. No. 1. P. 73–74.

[140] Veeder V. Laws and Court Decisions in Common Law Countries and the UNCITRAL Model Law // ICCA Congress Series No. 5 (Stockholm 1990): Preventing Delay and Disruption of Arbitration / ed. by A.J. van den Berg. Deventer : Kluwer Law International, 1991. P. 37.

[141] Закон Англии об арбитраже 1996 г. Ss. 15–18, в частности s. 17 («Power in case of default to appoint sole arbitrator»), позволяющая добросовестной стороне, надлежащим образом назначившей своего арбитра, по истечении семи дней с момента письменного уведомления уклоняющейся стороны назначить избранного ею арбитра единоличным арбитром.

[142] Code de procédure civile (France) [Электронный ресурс]. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006070716/ (дата обращения: 12.04.2026). Arts.

специальное лицо, а судебные инстанции привлекаются лишь после исчерпания внесудебных механизмов. Такой подход создает риск блокировки арбитражного процесса при неэффективности согласованных сторонами процедур, вынуждая добросовестную сторону обращаться в государственный суд за содействием.

Правила арбитражных регламентов предполагают, что в такой ситуации назначение производится самим арбитражным учреждением[143]. При этом после того, как учреждение назначило арбитра, уклонившаяся сторона считается окончательно утратившей свое право на номинацию и не может впоследствии подавать возражения по составу арбитров по мотиву лишения ее данного права[144].

Аналогичные положения содержатся и в регламентах российских арбитражных институтов. Так, Правила арбитража международных коммерческих споров МКАС при ТПП РФ предусматривают, что при неосуществлении стороной своего права на назначение арбитра такое назначение производит Комитет по назначениям МКАС[145]. Аналогичный подход закреплен в Арбитражном регламенте Российского арбитражного центра, согласно которому в случае, если сторона не назначила арбитра в установленный срок, назначение производится Советом РАЦ, причем неявка или бездействие стороны не препятствуют формированию состава

1452, 1459 (при уклонении стороны от назначения арбитра он назначается лицом, организующим арбитраж, а при его отсутствии — судьей, оказывающим содействие арбитражу (juge d'appui), функции которого выполняет председатель судебного трибунала); Lei da Arbitragem Voluntária, Lei n.º 63/2011, de 14 de dezembro (Portugal), art. 10(4); Закон Испании об арбитраже. Art. 15(2)(b).

[143] ICC Arbitration Rules (2026), Art. 13(3)–(4); Swiss Rules of International Arbitration (2021), Arts. 10(3), 11(5); HKIAC Administered Arbitration Rules (2024), Arts. 7.2, 8.1; SIAC Arbitration Rules (2025), Rules 21.2, 22.2; SCC Arbitration Rules (2023), Arts. 17(3)–(4); VIAC Rules of Arbitration (2021), Arts. 17(3)–(4); LCIA Arbitration Rules (2020), Art. 7.2.

[144] LCIA Arbitration Rules (2020), Art. 2.4. Сопоставимое последствие известно и российским институтам, но с иным основанием его наступления: согласно § 9 п. 3 абз. 1 Положения об арбитражных расходах (приложение 6 к приказу ТПП РФ от 11.01.2017 № 6, в ред. от 09.10.2024) сторона, избравшая арбитра, постоянно пребывающего вне места проведения слушаний, и не внёсшая в установленный срок аванс на оплату расходов по его участию в разбирательстве, считается отказавшейся от права на избрание арбитра, и арбитр за сторону назначается в порядке, предусмотренном Правилами арбитража отдельных видов споров. Если по Арбитражному регламенту ЛМТС право утрачивается вследствие несовершения номинации в установленный срок, то здесь — вследствие неуплаты аванса при состоявшейся номинации.

[145] Правила арбитража международных коммерческих споров (приложение 2 к приказу ТПП РФ от 11.01.2017 № 6), § 16.

арбитража[146], а также в Арбитражном регламенте Арбитражного центра при РСПП[147].

Наконец, важным механизмом является возможность вынесения составом арбитража заочного решения. Заочным арбитражным решением следует считать решение, вынесенное составом арбитража по существу спора в ситуации процессуального неучастия одной из сторон, полного либо частичного, при условии, что такая сторона была надлежащим образом уведомлена о разбирательстве и имела реальную возможность участвовать в нем[148].

Вопрос вынесения заочных решений Нью-Йоркской конвенцией прямо не урегулирован. При этом статья V(1)(b) в качестве основания для отказа в признании и приведении в исполнение решения устанавливает случаи неуведомления стороны об арбитражном разбирательстве, а также непредоставления возможности представить свою позицию. Такие гарантии выступают косвенными регуляторами вынесения заочного решения, указывая, что уведомление об арбитражном разбирательстве является ключевым для вынесения решения.

Напротив, Типовой закон ЮНСИТРАЛ в статье 25 прямо регулирует процедуру в случае неявки стороны. Так, если ответчик не представил своих возражений по иску, не явился на слушание или не представил документальные доказательства, состав арбитража может продолжить разбирательство и вынести решение на основе имеющихся у него доказательств. При этом важной гарантией соблюдения прав отсутствующей стороны является то, что непредставление позиции и документов само по себе

---

[146] Арбитражный регламент Российского арбитражного центра (2021 г.), статьи 16(4), 17(1).
[147] Арбитражный регламент Арбитражного центра при РСПП (ред. 2018), статьи 16(2), 17(2)–(4), 18(2), 19, 20(3).
[148] Caron D.D., Caplan L.M. The UNCITRAL Arbitration Rules: A Commentary (with an integrated and comparative discussion of the 2010 and 1976 UNCITRAL Arbitration Rules). 2nd ed. Oxford : Oxford University Press, 2013. P. 903.

не должно оцениваться составом арбитража как признание утверждений истца[149], к позиции которого необходимо относиться критически[150].

В соответствии с Типовым законом ЮНСИТРАЛ применение процедуры рассмотрения спора в отсутствие одной из сторон допустимо лишь при соблюдении двух условий[151]. Во-первых, стороны не исключили возможность проведения разбирательства в случае неучастия одной из них или предусмотрели специальные процессуальные гарантии на такой случай. Во-вторых, состав арбитража вправе прибегнуть к заочной процедуре только при наличии убеждения, что неявка стороны не обусловлена «уважительной причиной»[152]. Последнее условие выступает своеобразным механизмом защиты от чрезмерно широких полномочий состава арбитража и обеспечивает баланс процессуальных прав сторон. В частности, уклоняющаяся сторона должна иметь возможность представить объяснения и доказательства наличия уважительных причин своего неучастия до того, как состав арбитража примет решение о продолжении разбирательства в ее отсутствие.

Ориентируясь на Типовой закон ЮНСИТРАЛ и национальные правовые системы, адаптировавшие такой подход[153], многие арбитражные институты в своих регламентах закрепляют порядок действий в случае неучастия или процессуального невыполнения требований одной из сторон. Исследование правил арбитражных институтов[154] показало, что унифицированного подхода к регулированию последствий неучастия ответчика в разбирательстве не существует, однако можно выделить три группы различий, характерных для проанализированных регламентов.

---

[149] Научно-практический постатейный комментарий к законодательству о третейских судах / М.Н. Акуев, М.А. Акчурина, Т.К. Андреева и др. ; под общ. ред. В.В. Хвалея. М. : РАА, 2017. С. 176.
[150] Lew J.D.M., Mistelis L.A., Kröll S.M. Op. cit. P. 547.
[151] Zoroska-Kamilovska T., Rakocevic M. Op. cit. P. 13.
[152] Van Houtte H. Conduct of Arbitral Proceedings // Essays on International Commercial Arbitration / ed. by P. Šarčević. London : Graham & Trotman, 1989. P. 122.
[153] См.: Lew J.D.M., Mistelis L.A., Kröll S.M. Op. cit. P. 544–545. Авторы приходят к выводу, что основные законы, регулирующие арбитражное разбирательство, поддерживают проведение арбитража в формате «заочного» процесса.
[154] См.: Reiser L., Gantenberg U. Ficta Confessio: May arbitral tribunals issue default awards against parties that simply do not show up // Default in International Arbitration: Striking the Balance / ed. D. De Meulemeester. Alphen aan den Rijn : Wolters Kluwer, 2022.

Во-первых, регламенты допускают продолжение арбитражного разбирательства при неучастии ответчика, то есть неучастие одной из сторон само по себе не влечет прекращения производства. Вместе с тем ряд регламентов прямо предписывает, что трибунал обязан продолжить арбитраж, несмотря на неявку стороны[155], тогда как иные предоставляют арбитрам соответствующие полномочия самостоятельно решать, целесообразно ли продолжать разбирательство с учетом характера неучастия стороны и обстоятельств дела[156].

Во-вторых, различаются подходы к процессу принятия решения трибуналом при неучастии стороны. Некоторые правила допускают возможность арбитров делать выводы из процессуального поведения сторон. Это полномочие, однако, связано с несоблюдением стороной регламента или процессуальных распоряжений состава арбитража, а не с неучастием как таковым[157]. Другие регламенты, напротив, предписывают арбитрам оценивать доказательства только в пределах представленных материалов, независимо от процессуального поведения сторон, и исключают возможность вынесения решения, основанного исключительно на неявке или молчании ответчика[158].

В-третьих, ни один из рассмотренных регламентов не допускает автоматического удовлетворения иска исключительно на основании неучастия ответчика. Напротив, в ряде правил прямо закреплено, что арбитражное решение не может быть вынесено в пользу одной стороны только ввиду неучастия другой[159]. Арбитры обязаны оценить представленные доказательства и убедиться, что требования истца обоснованы по существу.

---

[155] ICC Arbitration Rules (2026), Art. 7(7); DIS Arbitration Rules (2018), Art. 30; Арбитражный регламент ЮНСИТРАЛ (2021), Art. 30(1)(b).

[156] LCIA Arbitration Rules (2020), Art. 15.8; HKIAC Administered Arbitration Rules (2024), Art. 26.2; SIAC Arbitration Rules (2025), Rule 44.2; SCC Arbitration Rules (2023), Art. 35(2); DIAC Arbitration Rules (2022), Art. 29.3; ICDR International Dispute Resolution Procedures (2026), Arts. 29(1)–(2).

[157] SCC Arbitration Rules (2023), Art. 35(3); DIAC Arbitration Rules (2022), Art. 29.5; NAI Arbitration Rules (2024), Art. 25(4).

[158] Swiss Rules of International Arbitration (2021), Art. 30(3); Арбитражный регламент ЮНСИТРАЛ (2021), Art. 30(3); HKIAC Administered Arbitration Rules (2024), Art. 26.3.

[159] ICDR International Dispute Resolution Procedures (2026), Art. 29(3); CAM-CCBC Arbitration Rules (2025), Art. 30.2; DIS Arbitration Rules (2018), Art. 30; Арбитражный регламент ЮНСИТРАЛ (2021), Art. 30(1)(b); SIAC Arbitration Rules (2025), Rule 44.2.

Исключение составляет Арбитражный регламент Нидерландского арбитражного института: при непредставлении ответчиком отзыва состав арбитража вправе незамедлительно вынести решение, которым требование удовлетворяется полностью или в части, если только оно не представляется трибуналу противоправным или необоснованным[160].

Правила российских арбитражных институтов аналогично закрепляют возможность продолжения разбирательства при неучастии одной из сторон, если она была надлежащим образом уведомлена и имела возможность изложить свою позицию[161]. Регламенты исходят из презумпции, что неучастие не означает признания иска, но не препятствует рассмотрению спора и вынесению решения по существу в отсутствие такой стороны.

Как резонно отмечают А. Редферн и М. Хантер, при пассивном участии одной из сторон сам состав арбитража вынужден занимать более активную позицию[162]. Например, трибунал должен на каждом этапе предоставлять отсутствующей стороне возможность присоединиться к разбирательству[163]. Так закрепляется важный принцип международного арбитража, основанный на беспристрастности и нейтральности состава арбитража: неучастие одной из сторон не снижает стандарты доказывания для другой. Трибунал не вправе по собственной инициативе выдвигать возражения, бремя доказывания обоснованности которых лежит на неучаствующей стороне[164]. Его обязанность ограничивается проверкой того, насколько убедительно истец изложил и доказал свои требования.

Так называемые меры внутреннего (по отношению к арбитражу) процессуального реагирования в случае неучастия сторон эффективны для избежания препятствий к проведению арбитража. Заложенный принцип

---

[160] NAI Arbitration Rules (2024), Art. 39(2)–(3).
[161] § 30 п. 4 Правил арбитража международных коммерческих споров (приложение 2 к приказу ТПП РФ от 11.01.2017 № 6); статья 37 п. 6 Арбитражного регламента Российского арбитражного центра (ред. 2021); статья 50 части 1, 2 и 4 Арбитражного регламента Арбитражного центра при РСПП (ред. 2018).
[162] Blackaby N., Partasides C., Redfern A., Hunter M. Redfern and Hunter on International Arbitration. 7th ed. Oxford : Oxford University Press, 2022. P. 476–477.
[163] Lew J.D.M., Mistelis L.A., Kröll S.M. Op. cit. P. 544–545.
[164] Zoroska-Kamilovska T., Rakocevic M. Op. cit. P. 18.

недопустимости срыва арбитражного разбирательства вследствие пассивности стороны используется так, чтобы, с одной стороны, подтвердить полномочия состава арбитража реагировать на процессуальное бездействие стороны, а с другой — установить пределы реализации этих полномочий в рамках принципа надлежащей правовой процедуры (*due process*)[165]. В этом контексте право состава арбитража вынести решение по существу при неучастии стороны служит обеспечению эффективности международного арбитража и также отражает его особую природу. Возможные затруднения в связи с неучастием стороны полностью компенсируются тем, что трибунал, обойдя все процессуальные препятствия, вынесет исполнимое практически во всем мире арбитражное решение. Это в должной степени оправдывает трудности, с которыми может столкнуться добросовестная сторона при исполнении обязательств из арбитражного соглашения, несмотря на сопротивление другой стороны.

В целом отмечается, что национальные законы и правила арбитражных институтов поддерживают принудительное исполнение арбитражных соглашений и позволяют преодолевать воспрепятствование арбитражу или затягивание процесса со стороны одной из сторон[166]. Некоторые авторы идут еще дальше, указывая, что принудительное исполнение арбитражного соглашения должно считаться транснациональным принципом международного арбитража[167]. А.И. Коломиец также обоснованно констатирует, что «“эффективность” арбитражного соглашения будет зависеть от возможности противоположной стороны добиться принудительного исполнения арбитражного соглашения, способности стороны исполнить такое соглашение»[168]. При этом, говоря о принудительном исполнении, автор, по всей видимости, отсылает к косвенному исполнению

---

[165] Ibid. P. 17.
[166] Seraglini C., Fouret J. Op. cit. Section 23.3.1.3.
[167] Fouchard P., Gaillard E., Goldman B. Op. cit. P. 387.
[168] Коломиец А.И. Действительность арбитражного соглашения по праву России и зарубежных стран. С. 40.

арбитражного соглашения, через направление сторон в арбитраж государственным судом[169].

В этой связи стоит подчеркнуть, что в науке международного арбитража, когда речь идет о принудительном исполнении, авторы могут вкладывать разные значения. С одной стороны, действительно, третейское разбирательство может проходить без участия одной из сторон, что было продемонстрировано выше. С другой стороны, возможность непосредственно «принудительного» исполнения соглашения является сомнительной.

Нью-Йоркская конвенция и Типовой закон ЮНСИТРАЛ предусматривают обязательство государственных судов направить стороны в арбитраж[170]. Сам механизм направления сторон в арбитраж рассмотрен в третьей главе настоящего исследования с точки зрения механизма исполнения негативного обязательства. Ниже предлагается оценить возможность государственного суда непосредственно «направить» стороны в арбитраж.

Как справедливо отмечает Г. Борн, почти ни одно государство-участник Нью-Йоркской конвенции или сторонник Типового закона ЮНСИТРАЛ не имеет соответствующего регулирования[171]. Преобладающий подход предполагает лишь отказ в принятии или приостановление судебного производства по иску, поданному в нарушение соглашения об арбитраже, но не активное судебное принуждение стороны участвовать в арбитражном разбирательстве.

Действительно, как указывают Дж. Лью, Л. Мистелис и С. Крелль, в этом контексте принудительное исполнение не является надлежащим средством правовой защиты, так как нецелесообразно принуждать сторону участвовать в арбитражном разбирательстве, назначать своего арбитра и сотрудничать в проведении разбирательства[172]. При этом авторы признают, что принудительное исполнение арбитражных соглашений в отношении

---

[169] Там же. С. 43–50.
[170] Steinbrück B. Op. cit. P. 178.
[171] Born G. Op. cit. P. 1360.
[172] Lew J.D.M., Mistelis L.A., Kröll S.M. Op. cit. P. 160.

несогласных сторон должно осуществляться косвенно, например, через приостановление рассмотрения дела в государственном суде[173].

Продолжая эту линию критики, ряд авторов подчеркивают фундаментальную непрактичность модели, предполагающей возможность прямого принуждения стороны к участию в арбитраже, так как попытка обязать сторону активно участвовать в процедуре бесполезна[174]. В большинстве правовых систем подобные меры вообще не предусмотрены[175]. Отмечается, что даже в тех редких случаях, когда теоретически можно представить ситуацию подобного вмешательства, фактическая польза от такой меры отсутствует[176].

Однако этот уникальный подход обнаруживается в законодательстве и практике судов США. Полномочия суда на вынесение приказа о принуждении к арбитражу (*order to compel arbitration*) установлены в Федеральном законе США об арбитраже. В связи с присоединением США к Нью-Йоркской конвенции в данный закон была добавлена глава 2, в параграфе 206 которой установлены полномочия суда в поддержку международного арбитража, проводимого в рамках Нью-Йоркской конвенции[177]. Так, регулирование закрепляет, что «суд, обладающий юрисдикцией в соответствии с настоящей главой, может предписать проведение арбитража в соответствии с соглашением в любом предусмотренном им месте, независимо от того, находится ли это место в пределах Соединенных Штатов или за их пределами. Такой суд также может назначить арбитров в соответствии с положениями соглашения»[178]. Американские суды в своей практике прямо характеризуют

---

[173] Ibid. См. также: Berg A.J. van den. The New York Arbitration Convention of 1958: Towards a Uniform Judicial Interpretation. Deventer ; Boston : Kluwer Law and Taxation, 1981. P. 129.
[174] Mustill M.J. The history of international commercial arbitration // The leading arbitrators' guide to international arbitration / ed. L.W. Newman, R.D. Hill. 3rd ed. Huntington, New York : Juris Publishing, Inc, 2014. P. 4.
[175] Berg A.J. van den. Op. cit. P. 129.
[176] Ball M. The Essential Judge: the Role of the Courts in a System of National and International Commercial Arbitration // Arbitration International. 2006. Vol. 22. P. 73, 76.
[177] Steinbrück B. Op. cit. P. 178.
[178] Federal Arbitration Act (USA) // 9 U.S.C. §§ 1–16 (chapter 1), §§ 201–208 (chapter 2). § 206.

такой приказ как принудительное исполнение арбитражного соглашения[179]. При этом Верховный суд США отметил, что вынесение такого приказа рассматривается как обязанность суда[180].

Существенное для настоящего исследования обстоятельство состоит в том, что американские суды выносят приказы о принуждении к арбитражу и в отношении разбирательств с местом за рубежом, в том числе в Российской Федерации[181]. Действенность приказа обеспечивается санкциями за неуважение к суду[182]. Наконец, суды США подтвердили полномочие сочетать приказ о принуждении с приостановлением (а не прекращением) производства, сохраняя за собой контроль за фактическим исполнением арбитражного соглашения[183].

В одном из разбирательств состав арбитража в деле, администрируемом ЛМТС, указал, что приказ о принуждении к арбитражу не только обязывает сторону инициировать арбитражное разбирательство, но и отчитываться перед судом о нем[184]. Состав арбитража указал, что такой арбитраж «не является самостоятельным разбирательством», поскольку он возбужден во исполнение приказа о принуждении, а вынесенное решение предположительно будет приобщено к материалам судебного дела; вследствие этого арбитраж «неразрывно связан» с судебным процессом[185].

Модель прямого принуждения действительно достигает непосредственной цели — арбитраж возбуждается даже при отсутствии на то воли обязанной стороны. В литературе высказывается мнение, что такой механизм позволяет избежать затягивания, неучастия стороны и более

---

[179] Born G. Op. cit. P. 1361, 1363; Joseph Muller Corp. v. Commonwealth Petrochemicals, Inc., 334 F. Supp. 1013, 1018 (S.D.N.Y. 1971). См. также: Educational Management Services, LLC v. Tracey, 2015 WL 4041664, at *2 (W.D. Tex.); Hightower v. JPMorgan Chase Bank, N.A., 2014 WL 12558114, at *13 (C.D. Cal.).
[180] InterGen N.V. v. Grina, 344 F.3d 134, 141 (1st Cir. 2003).
[181] Filanto S.p.A. v. Chilewich Int'l Corp., 789 F. Supp. 1229, 1241 (S.D.N.Y. 1992); Strategic Asset Group, LLC v. Shabanets, 2018 WL 8131760 (C.D. Cal.).
[182] InterGen N.V. v. Grina, 344 F.3d 134, 142 (1st Cir. 2003); Freaner v. Valle, 966 F. Supp. 2d 1068, 1074 (S.D. Cal. 2013).
[183] Smith v. Spizzirri, 601 U.S. 472 (2024).
[184] Epicenter Loss Recovery LLC v. Burford Capital Ltd. and Ganymede Investments Ltd., LCIA Case No. 204619, Final Partial Award of 24 April 2023. Para. 570.
[185] Ibid. Para. 572.

эффективен, чем потенциальные санкции, принимаемые составом арбитража за такое неучастие[186]. Кроме этого, обязательность судебного приказа об исполнении арбитражного соглашения поддерживается санкциями за неисполнение решения суда[187].

Вместе с тем механизм небезупречен. Во-первых, даже опыт США показывает, что суды редко ограничиваются вынесением абстрактных приказов о соблюдении условий арбитражного соглашения, сопровождая их также указаниями с требованиями назначить арбитра или совершить иные процессуальные действия[188]. Такая критика согласуется с «негативным» аспектом принципа *kompetenz-kompetenz*, в силу которого государственные суды должны воздерживаться от разрешения вопросов о компетенции арбитража до того, как сам состав арбитража получит возможность высказаться по ним. Так, Верховный суд Индии, обобщая международную практику, подчеркнул, что негативный аспект данного принципа предписывает судам ограничивать вмешательство на стадии передачи спора в арбитраж, оставляя вопросы существования и действительности арбитражного соглашения на первоочередное разрешение состава арбитража[189]. С этих позиций судебное предписание, понуждающее сторону к совершению процессуальных действий в арбитраже, тем более вступает в противоречие с приоритетом состава арбитража в решении вопроса о собственной компетенции.

Во-вторых, предписание проведения иностранного по отношению к суду арбитража потенциально создает риск чрезмерного судебного вмешательства в арбитражное разбирательство. Например, суд может обязать стороны обратиться в арбитраж в иностранной юрисдикции на основании соглашения, процедуры которого противоречат императивным нормам права места арбитража. Подобные действия противоречат одной из базовых целей

---

[186] Steinbrück B. Op. cit. P. 181.
[187] Born G. Op. cit. P. 1363.
[188] Steinbrück B. Op. cit. P. 179.
[189] In Re: Interplay between Arbitration Agreements under the Arbitration and Conciliation Act 1996 and the Indian Stamp Act 1899 : Judgment of the Supreme Court of India of 13 December 2023, paras 128–132.

международного арбитража — минимизации роли национальных судов в разрешении споров, особенно судов, находящихся вне места арбитража[190].

Наконец, у трибуналов существуют специальные инструменты для стимулирования участия стороны в арбитражном разбирательстве, в первую очередь связанные с риском утраты права на формирование состава арбитража и риском вынесения заочного решения.

Таким образом, можно подвести итог, что обязательства из арбитражного соглашения исполняются не силой принуждения, а посредством системы косвенных и опосредованных механизмов, позволяющих добросовестной стороне реализовать арбитражное соглашение даже при уклонении другой стороны. К таким механизмам относятся: процедуры формирования состава арбитража, последствия неуплаты авансов на покрытие расходов, возможность продолжения разбирательства и вынесения заочного решения.

Попытки прямого судебного принуждения стороны к участию в арбитраже носят исключительный характер и вызывают обоснованные сомнения с точки зрения совместимости с принципами международного арбитража и минимального вмешательства государственных судов. В целом преобладающий подход сводится к признанию того, что эффективность арбитражного соглашения обеспечивается не принуждением к участию, но созданием процессуальной конструкции, благодаря которой пассивность или недобросовестное поведение одной из сторон не способны сорвать арбитражное разбирательство и лишить другую сторону возможности получить и исполнить арбитражное решение в рамках статьи V Нью-Йоркской конвенции.

Отдельного рассмотрения заслуживает ситуация, при которой сторона участвует в арбитражном разбирательстве, одновременно оспаривая компетенцию состава арбитража либо ссылаясь на недействительность или

[190] Соответствующие проблемы признает и Г. Борн. См.: Born G. Op. cit. P. 1364.

неисполнимость арбитражного соглашения. Такое поведение не образует само по себе неисполнение позитивного обязательства: заявление об отсутствии у состава арбитража компетенции прямо предусмотрено статьей 16 Закона о МКА и статьей 16 Типового закона ЮНСИТРАЛ и представляет собой реализацию процессуального права, а не отказ от исполнения соглашения. Напротив, именно участие в разбирательстве с одновременным заявлением возражений позволяет составу арбитража разрешить вопрос о собственной компетенции и вынести решение, устойчивое к последующему оспариванию. Неисполнением обязательства следует признавать лишь то поведение, которое препятствует образованию состава арбитража и рассмотрению спора, то есть уклонение от назначения арбитра, отказ от внесения авансов при одновременном неучастии в разбирательстве, инициирование параллельного разбирательства в государственном суде.

Тем самым исполнение обязательств из арбитражного соглашения следует рассматривать сквозь призму его смешанной материально-процессуальной природы, которая позволяет реализовать намерение на рассмотрение спора в рамках третейского разбирательства, приводящее к формированию состава арбитража и возможности вынесения им решений.

§ 2. Адаптация условий для исполнения обязательств из арбитражного соглашения

Иногда внешние обстоятельства влияют не только на материально-правовые отношения и исполнение сторонами их обязательств, но и на порядок разрешения споров.

Например, пандемия COVID-19 стала серьезным испытанием для проверки концепций и механизмов регулирования третейского разбирательства. С точки зрения разрешения споров пандемия прежде всего повлияла на сроки рассмотрения дел и стала стимулом для перехода составов арбитража к гибридному и онлайн-форматам рассмотрения споров.

Действуя в условиях объективных ограничений, третейские и государственные суды вынуждены были оценивать правовые последствия

отказа от традиционной формы очного разбирательства. В некоторых юрисдикциях вопрос рассматривали высшие судебные инстанции. Одним из самых первых по данному вопросу считается решение Верховного суда Австрии 2020 года[191]. Суд установил, что проведение дистанционных слушаний против возражения стороны не преодолевает высокий порог нарушения права быть выслушанным. В частности, суд подтвердил, что третейский суд обладает широкой свободой усмотрения в отношении организации и проведения разбирательства и что предполагаемых недостатков дистанционных слушаний не существует или они могут быть исправлены.

Международный совет по коммерческому арбитражу (International Council for Commercial Arbitration, далее — «МСКА») выпустил объемное исследование по теме наличия у сторон права на «очное» слушание в 78 юрисдикциях государств — участников Нью-Йоркской конвенции[192]. Авторы Генерального доклада, подготовленного в рамках исследования МСКА, пришли к выводу, что в большинстве юрисдикций стороны не обладают правом на очное слушание, поскольку выбор формата слушания относится к процессуальному усмотрению состава арбитража. Это усмотрение, однако, ограничено требованиями надлежащей правовой процедуры: сторонам должна быть обеспечена разумная возможность изложить свою позицию. При этом проведение онлайн-слушаний само по себе не противоречит принципам надлежащей правовой процедуры и справедливого разбирательства[193].

Кроме непосредственно исследования, основным следствием проведенной Советом работы стала адаптация и обновление арбитражных регламентов многих мировых арбитражных учреждений[194]. Они закрепили

---

[191] Oberster Gerichtshof (OGH), 23.07.2020, № 18 ONc 3/20s. См. также: Маренков Д.В. Проведение онлайн-слушаний в международном арбитраже вопреки возражениям одной из сторон. Решение Верховного суда Австрии // Третейский суд. 2020. № 3/4. С. 120–134.

[192] Does a Right to a Physical Hearing Exist in International Arbitration? : Investigating the Legal, Conceptual and Practical Implications of Remote Hearings in International Arbitration / ed. by J. Hosking, Y. Lahlou, G. Rojas Elgueta. The Hague : International Council for Commercial Arbitration, 2022. 272 p.

[193] Ibid. P. 13, 21, 26.

[194] МТП в Практических рекомендациях от 9 апреля 2020 г. утвердила возможность виртуальных заседаний и представила чек-лист для «кибер-протоколов». ICC court issues COVID-19 guidance note for arbitral proceedings [Электронный ресурс]. URL: https://iccwbo.org/news-publications/news/icc-court-issues-covid-19-guidance-note-for-arbitral-proceedings (дата обращения: 25.01.2025). ЛМТС 1 октября 2020 года закрепил в своем регламенте,

полномочие трибуналов на проведение заседаний в гибридном и онлайн-формате при отсутствии прямого согласия сторон, что в целом может быть охарактеризовано как органичный этап развития рассмотрения споров в порядке арбитража[195].

Показательным примером процессуальной адаптации арбитража к цифровой среде служат «Правила разрешения цифровых споров», разработанные Юридической рабочей группой Великобритании в 2021 году. Правила принципиально отказываются от устных слушаний как стандартного элемента процедуры: трибунал вправе разрешить спор исключительно на основе письменных материалов, отдавая приоритет их электронной форме[196]. Такой подход органично соответствует природе цифровых правоотношений и существенно сокращает сроки рассмотрения дел.

В связи с тем, что формат слушаний не является условием, которое может быть определено только прямым соглашением сторон, изменения арбитражных регламентов было достаточно. Можно констатировать, что возникновение внешнего фактора — пандемии — повлияло на изменение арбитражных соглашений сторон в результате адаптации регламентов. Очевидно, что такое обстоятельство не было предвидимо для сторон, но система международного арбитража должным образом ответила на соответствующий вызов.

Еще одним последствием пандемии стало развитие теории о разделении юридического и физического места арбитража[197]. Конечно, эта концепция существовала и прежде, обосновывая возможность ограниченного влияния места заседания на применимое право к арбитражному соглашению и разбирательству. Но все же она послужила стимулом для анализа возможности

что «слушания могут проводиться лично или в виртуальном формате посредством телефонной конференции, видеоконференции или с использованием других средств связи».

[195] Купчина Е.В. Разрешение споров в сфере интеллектуальной собственности международным арбитражем в условиях цифровизации : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2024. С. 11, 19.

[196] Русакова Е.П., Фролова Е.Е. Об эффективности разрешения цифровых споров посредством арбитража в Англии и Уэльсе // Государство и право. 2024. № 1. С. 181.

[197] Blackaby N., Partasides C., Redfern A., Hunter M. Op. cit. P. 152.

переноса заседаний в онлайн-формат и анализа влияния юридического места арбитража на процедуру рассмотрения спора.

В рамках российских исследований некоторые итоги влияния пандемии на арбитраж проанализированы в статье Г.В. Севастьянова. Он ставит вопрос о целесообразности введения термина «процессуальный форс-мажор»[198] с целью устранения «*вызванных обстоятельствами непреодолимой силы препятствий в рассмотрении споров (дел) государственными и третейскими судами посредством допустимой коррекции (адаптации) процессуальной формы, с учетом возможностей участников конкретного спора (дела)*»[199].

При этом сложности с исполнением арбитражного соглашения могут быть вызваны его же условиями. Потребность в изменении условий арбитражного соглашения возникает, когда исполнение его первоначальных условий становится крайне затруднительным для одной из сторон. Концепция «процессуального форс-мажора», которая позволяет адаптировать процессуальную форму (в частности, арбитражное соглашение), является допустимым механизмом[200]. В частности, потенциал адаптации арбитражного соглашения может быть действенным механизмом для изменения выбранного сторонами места арбитража.

Безусловно, выбор места арбитража является одним из ключевых факторов, влияющих на исполнимость арбитражного соглашения. Он влияет на определение применимого к арбитражному соглашению права, правил рассмотрения спора и компетентного суда для процедуры отмены арбитражного решения. Тем не менее, по нашему мнению, сам выбор сторонами арбитража как места разрешения спора имеет приоритет над выбором места арбитража, а последний является лишь уточнением условий соглашения. Связано это в первую очередь с тем, что арбитражное соглашение без выбора места арбитража все еще является действительным и исполнимым.

---

[198] См.: Севастьянов Г.В. Арбитраж и судопроизводство в условиях пандемии: к теории «процессуального форс-мажора» // Закон. 2020. № 5. С. 118–129.
[199] Там же. С. 122.
[200] Смирнов Д.Д. К вопросу о «процессуальном форс-мажоре» и адаптации условий арбитражных соглашений // Российский юридический журнал. 2025. № 5 (164). С. 137.

В связи с этим допустима принципиальная постановка вопроса об изменении места арбитража по заявлению одной из сторон арбитражного соглашения.

В Руководстве Секретариата Международной торговой палаты явно указывается, что «в крайних случаях, когда первоначально согласованное место арбитража больше не может функционировать как таковое, и при условии, что хотя бы одна из сторон отказывается согласовать другое место, можно предположить, что сторона может обратиться в трибунал с просьбой изменить место арбитража»[201].

По мнению Г. Борна, выбор места арбитража может быть признан недействительным или изменен, если после заключения арбитражного соглашения наступают непредвиденные (политические, правовые или иные) события, которые превращают выбранное место в предвзятое (даже враждебное) по отношению к одной из сторон или по отношению к международному арбитражу[202].

Э. Шварц и И. Деренс считают, что состав арбитража «обязан по отношению к сторонам обеспечить, чтобы арбитражное разбирательство не было сорвано»[203], в частности чтобы оно завершилось вынесением действительного и подлежащего исполнению решения. Как указывают авторы, такая обязанность арбитров по умолчанию не должна быть ограничена местом арбитража[204].

В связи с вышесказанным следует согласиться с мнением М. Шерер в том, что изменение места арбитража иногда представляется единственным эффективным способом обеспечения соблюдения намерения сторон передать споры в арбитраж[205].

---

[201] Fry J., Greenberg S., Mazza F., Moss B. The Secretariat's Guide to ICC Arbitration: A Practical Commentary on the 2012 ICC Rules of Arbitration from the Secretariat of the ICC International Court of Arbitration. Paris : International Chamber of Commerce, 2012. Paras. 3–690, 3–691.

[202] Born G. Op. cit. Ch. 14. Sec. 14.04 (B)(2).

[203] Derains Y., Schwartz E.A. A Guide to the ICC Rules of Arbitration. 2nd ed. The Hague : Kluwer Law International, 2005. P. 218.

[204] См., например: Авдулова А.Е., Косцов В.Н. Обязанность вынести исполнимое решение в международном арбитраже: критический анализ // Журнал ВШЭ по международному праву (HSE University Journal of International Law). 2023. № 2. С. 23.

[205] Scherer M. The Place or 'Seat' of Arbitration (Possibility, and/or Sometimes Necessity of its Transfer?) – Some Remarks on the Award in ICC Arbitration n° 10'623 // ASA Bulletin. 2003. Vol. 21. No. 1. P. 118–119.

Таким образом, возможность заявления соответствующего требования о смене стороной места арбитража широко поддерживается, но неясно, в рамках какой процедуры и в соответствии с какими правилами такое заявление будет рассматриваться.

П. Лалив указал, что «нет причин, по которым выбор места арбитража, содержащийся в арбитражной оговорке, не должен, по общему правилу, толковаться *rebus sic stantibus*, как любое иное договорное положение, и в соответствии с общим намерением сторон в момент исполнения договора»[206]. Из приведенной цитаты следует, что к изменению положений арбитражного соглашения должны применяться механизмы материального права.

Например, такой подход прямо закреплен в Швеции. § 36 Закона Швеции о договорах позволяет признавать арбитражное соглашение недействительным при возникновении непредвиденных обстоятельств, а также изменять арбитражные соглашения. Изменение арбитражного соглашения возможно, когда в противном случае его применение привело бы к результату, не оправданному с точки зрения надлежащей правовой процедуры или обеспечения доступа к правосудию[207], например, в случае, когда арбитражное соглашение предусматривает неравное отношение к сторонам в отношении назначения арбитров или если оно иным образом дает одной из сторон несправедливое процессуальное преимущество.

Ф. Мадсен аналогичным образом заявляет, что гражданско-правовые аспекты арбитражного соглашения приводят к применению § 36 для корректировки несправедливых условий[208]. Хотя данный подход говорит об иных условиях изменения арбитражного соглашения, представляется, что он

---

[206] Lalive P. On the Transfer of Seat in International Arbitration // Law and Justice in a Multistate World: Essays in Honor of Arthur T. von Mehren / ed. by J.A.R. Nafziger, S.C. Symeonides. Ardsley, N.Y. : Transnational Publishers, 2002. P. 526.

[207] Lag (1915:218) om avtal och andra rättshandlingar på förmögenhetsrättens område (Sweden), 36 § [Электронный ресурс]. URL: https://www.riksdagen.se/sv/dokument-och-lagar/dokument/svensk-forfattningssamling/lag-1915218-om-avtal-och-andra-rattshandlingar_sfs-1915-218/ (дата обращения: 28.08.2026). См. также: Oldenstam R. Mannheimer Swartling's concise guide to arbitration in Sweden. 2nd ed. Stockholm : Mannheimer Swartling Advokatbyrå, 2019. P. 27.

[208] Madsen F. Commercial arbitration in Sweden : a commentary on the Arbitration Act (1999:116) and the rules of the Arbitration Institute of the Stockholm Chamber of Commerce. 3rd ed. New York : Oxford University Press, 2007. P. 59–60.

так или иначе может быть использован, если в связи с изменением обстоятельств одна из сторон попадает в худшее положение — в связи с чем и просит об изменении места арбитража.

Р.О. Зыков отмечает, что аналогичные § 36 Закона Швеции о договорах положения были внесены в законы о договорах Дании, Финляндии и Норвегии[209]. С точки зрения национального гражданско-правового регулирования принципа *rebus sic stantibus* можно упомянуть статью 1195 Гражданского кодекса Франции, § 313 Германского гражданского уложения (BGB), § 2-615 Единообразного торгового кодекса США, статью 6:258 (непредвиденные обстоятельства) Гражданского кодекса Нидерландов, статьи 478–480 Гражданского кодекса Бразилии, статью 1467 Гражданского кодекса Италии, статью 373 Швейцарского обязательственного закона, а также статью 451 ГК РФ.

Принцип *rebus sic stantibus* также закреплен во многих национальных системах и негосударственных сводах: Принципах международных коммерческих договоров УНИДРУА 2016 года[210]; Принципах европейского договорного права (PECL); Модельных правилах европейского частного права (DCFR)[211].

Подход к использованию *rebus sic stantibus* для изменения юрисдикционных соглашений в первую очередь появился в рамках международного права и процессуальных полномочий судов. В рамках публичного международного права Международный Суд ООН указал на возможность изменения юрисдикционных обязанностей государств при существенном изменении обстоятельств[212]. С позиции частного права возможность изменения компетентного суда возникла именно из

---

[209] Zykov R. Changing the Seat of Arbitration // Stockholm Arbitration Yearbook 2025 / ed. by P. Schöldström, J. Hope. Alphen aan den Rijn : Kluwer Law International, 2025. P. 331–335.

[210] См.: Комаров А.С. Принципы УНИДРУА как применимое право в международных коммерческих договорах // Арбитражный и гражданский процесс. 2022. № 2. С. 57–60.

[211] См.: Marchisio G. Rebus Sic Stantibus: A Comparative Analysis for International Arbitration // SSRN Electronic Journal. 2012. P. 3–7.

[212] Fisheries Jurisdiction (United Kingdom v. Iceland), Jurisdiction of the Court, Judgment // I.C.J. Reports. 1973. P. 3, 18–20; Fisheries Jurisdiction (Federal Republic of Germany v. Iceland), Jurisdiction of the Court, Judgment // I.C.J. Reports. 1973. P. 49, 62–65.

процессуальных возможностей судов определять *форум по необходимости (forum necessitatis),* когда рассмотрение спора в определенной юрисдикции представляется невозможным или несправедливым. Распространение такого подхода к изменению места арбитража возможно объяснить потенциально несправедливым отношением судов по месту арбитража к сторонам (например, при отмене решения) или отсутствием необходимого регулирования для реализации прав в рамках арбитража[213]. Профессор Артур фон Мерен в 1989 году предположил, что возможность изменения арбитражных соглашений существует, если возникают затрудняющие обстоятельства в арбитраже с участием государств (посредством прямого участия в арбитраже или при участии в арбитраже государственных компаний)[214]. На его выводы ссылается П. Лалив, подчеркивая необходимость использования аналогичного стандарта и в «обычном» коммерческом арбитраже при спорах без государственного участия[215]. В своем исследовании Р.О. Зыков также отмечает на уровне международного права взаимоотношения между принципами *pacta sunt servanda* и *rebus sic stantibus*[216], подчеркивая необходимость балансирования между ними.

И здесь встает вопрос о гармоничном применении концепции «процессуального форс-мажора», предложенной Г.В. Севастьяновым в контексте влияния COVID-19 на третейское разбирательство. Во-первых, такая концепция предполагает схожий предмет доказывания в соответствии с критериями, обозначенными выше. Во-вторых, последствием ее применения будет адаптация (изменение) условий соглашения — изменение места арбитража.

---

[213] Например, как в одном из дел суд Международной торговой палаты изменил место арбитража с Бангкока в связи с отсутствием законодательства об арбитраже. См.: Jarvin S. The Place of Arbitration: A Review of the ICC Court's Guiding Principles and Practice when Fixing the Place of Arbitration // ICC International Court of Arbitration Bulletin. 1996. Vol. 7. No. 2. P. 58.

[214] Annuaire de l'Institut de Droit International. Session de Saint-Jacques-de-Compostelle. 1989. Vol. 63, T. I. P. 188; Annuaire de l'Institut de Droit International. Session de Saint-Jacques-de-Compostelle. 1990. Vol. 63, T. II. P. 178–180.

[215] Lalive P. Op. cit. P. 526.

[216] Zykov R. Op. cit. P. 331.

В этом контексте резонно рассмотреть возможность согласования условий положения о процессуальном форс-мажоре. Примером механизма, закрепляемого такой оговоркой, может служить *Anti-Sanction Arbitration Protocol*[217]. Протокол был разработан Арбитражной Ассоциацией с целью укрепления доступа к правосудию сторон в связи с принятием односторонних ограничительных мер.

При согласии сторон такое условие будет прямо наделять состав арбитража компетенцией изменять место арбитража и дополнительно позволит преодолеть любые процессуальные сложности в связи с рассмотрением такого ходатайства. При этом предмет и стандарт доказывания изменения места арбитража останется прежним.

Сам же предмет и стандарт доказывания являются специфическими в связи с необходимостью обосновать изменение политико-правовых условий рассмотрения спора в рамках коммерческого арбитража. Примерами обстоятельств могут быть как смена политических режимов в странах места арбитража, так и экономические или иные ограничительные меры, препятствующие исполнению арбитражных соглашений.

Как отмечают суды США, арбитраж в избранном месте может быть признан практически неосуществимым, если его проведение окажется «настолько серьезно затруднительным и неудобным», что одна из сторон будет «фактически лишена своего права на судебную защиту»[218]. Верховный суд США установил, что сторона, противящаяся арбитражу, может оспаривать юрисдикционную оговорку, в том числе доказывая, что «разбирательство в договорном форуме будет настолько серьезно затруднительным и неудобным, что [отказывающаяся сторона] будет для всех практических целей лишена своего дня в суде»[219].

---

[217] Протокол доступен на сайте Арбитражной Ассоциации, см.: ASAP – Protocol for Effective Arbitration in the context of unilateral sanctions [Электронный ресурс]. URL: https://arbitration.ru/en/press-centr/news/asap-protocol-for-effective-arbitration-in-the-context-of-unilateral-sanctions/ (дата обращения: 10.06.2025).

[218] Northrop Grumman Ship Systems, Inc. v. Ministry of Defence of the Republic of Venezuela (S.D. Miss. Dec. 4, 2010); см. также: The Bremen v. Zapata Off-Shore Co., 407 U.S. 1, 92 S. Ct. 1907 (1972); McDonnell Douglas Corp. v. Islamic Republic of Iran, 758 F.2d 341 (8th Cir. 1985).

[219] Mitsubishi Motors Corp. v. Soler Chrysler-Plymouth, Inc., 473 U.S. 614, 634 (1985).

Известны случаи, когда Международный арбитражный суд МТП изменил место арбитража в силу неоднозначности изначально выбранного места. В одном из дел Суд МТП первоначально определил местом арбитража Бангкок. Однако, поскольку в Таиланде на тот момент отсутствовало законодательство, позволяющее применять Нью-Йоркскую конвенцию, что ставило под угрозу принудительное исполнение будущего решения, Суд МТП в одностороннем порядке изменил место арбитража на Куала-Лумпур[220]. Аналогично в другом деле, где местом арбитража был избран Тегеран, состав арбитража распорядился о переносе места арбитража в другую страну в связи со сложной обстановкой в Иране[221].

В деле *Jindal Steel v. ESM* истец ходатайствовал об изменении места арбитража ввиду уровня правовой неопределенности, существующей в Боливии. Трибунал отметил, что он обладает полномочиями изменить прямо согласованное место, однако такая перемена является «крайней мерой, которая требует столь же крайних обстоятельств, способных воспрепятствовать нормальному развитию процесса, неизвестных или непредвиденных на момент его согласования»[222]. Трибунал отклонил ходатайство, указав, что «правовым основанием для изменения согласованного места является принцип *rebus sic stantibus*; при сравнении условий, существовавших на момент заключения Договора, с текущими условиями, не произошло значительных изменений в арбитражной атмосфере в Боливии, которые оправдывали бы изменение существенного аспекта арбитражного соглашения»[223].

В деле ВЭБ.РФ против банка Barclays российская сторона пыталась в Высоком суде Англии признать арбитражное соглашение неисполнимым, ссылаясь на решение Верховного суда Канады, который привел примеры случаев неисполнимости арбитражного соглашения. Среди прочего в качестве

---

[220] Jarvin S. Op. cit. P. 58.
[221] Lalive P. Op. cit. P. 522.
[222] Jindal Steel Bolivia S.A. v. Empresa Siderúrgica del Mutún, ICC Case No. 18398/CA/ASM, Procedural Order No. 5 dated 28 November 2013, ¶ 3.6.
[223] Ibid. ¶¶ 3.8–3.10.

обстоятельств, обусловливающих неисполнимость, он выделил (1) политические или иные обстоятельства в месте арбитража, делающие арбитраж невозможным; и (2) правовые меры в месте проведения арбитража, делающие невозможным проведение арбитража, например, положение закона, которое «отменяет» соглашение сторон об арбитраже[224]. Высокий суд Англии эти доводы отклонил, указав в том числе на то, что арбитражная оговорка была согласована сторонами уже в условиях действия санкционного регулирования.

Отдельно стоит упомянуть российскую судебную практику, в которой также рассматривался вопрос об изменении условий арбитражного соглашения. Истец просил российский суд изменить условия арбитражного соглашения о передаче рассмотрения спора в Международный арбитражный суд при МТП в связи с санкционными ограничениями. Российский суд пришел к выводу, что введение санкций стало существенным изменением обстоятельств и на основании статьи 451 ГК РФ изменил условие арбитражной оговорки[225]. Однако по существу суд признал арбитражное соглашение неисполнимым, так как последствием решения стало определение компетентного суда по общим правилам АПК РФ.

Анализ практики демонстрирует, что суды и арбитражи в целом не отрицают самой возможности сторон ходатайствовать об изменении места арбитража, но отказывают при рассмотрении соответствующих заявлений по существу в связи с крайне высоким стандартом доказывания.

Это объясняется несколькими причинами. Во-первых, самой спецификой природы арбитража и толкования арбитражного соглашения. При разрешении процессуально-арбитражных вопросов арбитры склонны руководствоваться достаточно широкими и общими принципами и нормами, которые закреплены в международных соглашениях и имеют процессуальные основания (такие как основания недействительности арбитражных

[224] VEB.RF v. Barclays Bank [2024] EWHC 1074, 10 May 2024, para. 42.
[225] Решение Арбитражного суда г. Москвы от 14.11.2019 по делу № А40-149566/2019.

соглашений)[226]. В этой связи концепция «процессуального форс-мажора» вписывается в логику применения смешанной теории арбитража, хотя изначальный ее автор рассматривает арбитраж сквозь призму теории частного процессуального права.

Во-вторых, как указал П. Лалив, выбор места является второстепенным для целей арбитража, так как первостепенно намерение сторон передать рассмотрение спора в арбитраж[227]. С данным утверждением стоит согласиться. Например, существуют механизмы определения места арбитража при отсутствии соответствующей оговорки в арбитражном соглашении. Регламенты многих арбитражных учреждений устанавливают место арбитража по умолчанию или предлагают механизмы его определения[228]. Важным инструментом в этой связи являются Комментарии ЮНСИТРАЛ по организации арбитражного разбирательства 2016 года[229], в соответствии с которыми при определении места арбитража рекомендуется учитывать приемлемость арбитражного законодательства в месте арбитражного разбирательства и законодательство, судебные решения и практику в месте арбитражного разбирательства, касающиеся вмешательства суда в ход арбитражного разбирательства и масштабов судебного пересмотра или оснований для отмены арбитражного решения.

П. Лалив предложил следующий подход для анализа возможности изменения места арбитража. Необходимо учитывать (1) было ли изменение обстоятельств предвидимым и (2) являются ли новые обстоятельства настолько исключительными, что они действительно мешают проведению третейского разбирательства в соответствии с фундаментальными

---

[226] Международный коммерческий арбитраж : учебник. С. 116.
[227] Lalive P. Op. cit. P. 517.
[228] Нальгиев А.М., Блат М.П. Место арбитража стало местом санкций: допустимость «адаптации» условия о месте арбитража в свете антироссийских ограничительных мер // Вестник гражданского процесса. 2024. Т. 14. № 6. С. 301.
[229] Комментарии ЮНСИТРАЛ по организации арбитражного разбирательства, принятые в 2016 году (с дополнительным комментарием об отклонении на раннем этапе и предварительном определении, принятым в 2023 году) / Комиссия Организации Объединенных Наций по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ) // Организация Объединенных Наций : сайт. URL: https://uncitral.un.org/ru/texts/arbitration/explanatorytexts/organizing_arbitral_proceedings (дата обращения: 20.04.2026).

принципами арбитража[230]. Наконец, необходимо оценить, каково было (или должно было быть) общее и реальное намерение сторон, когда они согласовали место арбитража.

Проведенный в диссертации анализ показывает, что арбитражное соглашение, включая условие о месте арбитража, не носит абсолютно статичного характера и в исключительных случаях может подлежать адаптации при существенном изменении обстоятельств. Судебная практика подтверждает допустимость рассмотрения ходатайств об изменении места арбитража, однако вырабатывает крайне высокий стандарт доказывания изменения обстоятельств в сфере разрешения споров, отражающий баланс между принципами *pacta sunt servanda* и обеспечением эффективного доступа к правосудию.

В доктрине и практике сформировался консенсус относительно того, что изменение места арбитража возможно лишь как мера *ultima ratio*, применимая при наличии непредвиденных и исключительных обстоятельств, которые делают проведение разбирательства в согласованном форуме объективно невозможным или несправедливым. При этом ключевое значение при оценке таких ходатайств придается предсказуемости наступивших обстоятельств, их влиянию на фундаментальные процессуальные гарантии, а также намерению сторон при заключении арбитражного соглашения.

§ 3. Исполнение обязательств из арбитражного соглашения при прекращении деятельности согласованного сторонами арбитражного учреждения

Прекращение деятельности арбитражного учреждения, определенного сторонами в арбитражном соглашении, можно назвать одним из рисков, который существует в изменяющемся ландшафте международного арбитража. Этот риск особенно актуален при заключении долгосрочных договоров или

[230] Lalive P. Op. cit. P. 516.

при указании в качестве применимых правил регламентов нетрадиционных учреждений.

Реорганизация или ликвидация арбитражного института относится к обстоятельствам, находящимся вне контроля сторон и не поддающимся их разумному предвидению. При этом такие события бесспорно оказывают влияние на исполнение обязательств из арбитражного соглашения.

Здесь также важно перечислить функции, которые осуществляет арбитражный институт. Институт «администрирует арбитраж» — выполняет его организационное обеспечение, в том числе в рамках процедур выбора, назначения или отвода арбитров, ведения делопроизводства, организации сбора и распределения арбитражных сборов, за исключением непосредственно разрешения спора третейским судом[231]. Таким образом, при недоступности арбитражного института утрачивается его вспомогательная функция, но не сама возможность разрешения спора, которое осуществляется составом арбитража.

В истории арбитража реорганизация или ликвидация арбитражных институтов — не новое явление. Известны случаи преобразования, поглощения одним арбитражным учреждением другого, разделения одного учреждения на несколько, выделения и прекращения деятельности с назначением правопреемника по решению компетентного государственного органа[232].

Иные случаи прекращения деятельности могут не сопровождаться ликвидацией: учреждение перестает соответствовать установленным законом требованиям, необходимым для администрирования арбитража, но продолжает существовать в качестве юридической или организационной оболочки.

---

[231] Федеральный закон от 29.12.2015 № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации», часть 3 статьи 2.

[232] Иванов С.Д., Шагалов А.В. Практические последствия ликвидации арбитражного учреждения // Новые горизонты международного арбитража : сб. ст. Вып. 7. М., 2022. С. 119–120; Salomonsson A.S. Validity and Enforceability In Dubio: When Arbitration Agreements Designate Defunct Arbitration Institutions // Revista Română de Arbitraj. 2025. Vol. 19. No. 3. P. 42.

Принципиальное значение имеет вопрос о том, в какой правовой плоскости лежат последствия изменения статуса арбитражного учреждения. Статья II(3) Нью-Йоркской конвенции разграничивает три самостоятельных дефекта арбитражного соглашения: недействительность, утрату силы и невозможность исполнения. С.Д. Иванов и А.В. Шагалов последовательно применяют названные критерии к ситуации ликвидации арбитражного учреждения и приходят к выводу, что ни об утрате силы (соглашение прекращает действие лишь по воле сторон), ни о недействительности (в момент заключения оговорки учреждение существовало, порок воли отсутствует) речи идти не может. Реформы, связанные с арбитражным учреждением, влияют именно на исполнимость арбитражного соглашения[233].

Дополнительно возникает вопрос, что являлось приоритетным для сторон в момент заключения соглашения: намерение сторон обратиться в арбитраж (как альтернативу разрешению спора в государственном суде) или разрешение спора при поддержке выбранного института. С учетом этого целесообразно проанализировать реформы, которые произошли в Германии, Чехии, Китае, ОАЭ и России, и как суды различных государств реагировали на изменения в исполнении арбитражного соглашения.

В 1990 г. существенная реорганизация арбитражного института произошла в ГДР. В попытке адаптироваться к изменениям и будущему объединению Германии, члены Арбитражного суда при Внешнеторговой палате ГДР учредили Ассоциацию содействия арбитражу[234]. Вместе с этим было заключено соглашение о передаче ассоциации функций по осуществлению арбитража[235], а затем и о прекращении деятельности самой внешнеторговой палаты[236]. Как итог, Арбитражный суд при Внешнеторговой палате ГДР был реорганизован в Арбитражный суд Берлина[237].

---

[233] Иванов С.Д., Шагалов А.В. Указ. соч. С. 128–130.
[234] Uzelac A. Succession of Arbitral Institutions // Croatian Arbitration Yearbook. 1996. Vol. 3. P. 80–81.
[235] BGH, III ZR 143/92. Rn. 24.
[236] Uzelac A. Op. cit. P. 80; BGH, III ZR 143/92. Rn. 11.
[237] Uzelac A. Op. cit. P. 80–81.

Соответствующие обстоятельства стали предметом рассмотрения Верховного суда Германии[238] в 1994 году. В рамках спора суд оценил следующие обстоятельства. В 1988 г. ответчик заключил с народным предприятием внешней торговли ГДР договор поставки, который предусматривал, что местом рассмотрения спора является Арбитражный суд при Внешнеторговой палате ГДР. После подачи истцом заявления в государственный суд ответчик заявил возражение о наличии арбитражного соглашения, полагая, что после ликвидации Внешнеторговой палаты спор подлежит рассмотрению в Арбитражном суде Берлина при Ассоциации содействия арбитражу[239]. Верховный суд такую позицию не поддержал.

Среди прочего, суд указал на существенное изменение механизма назначения арбитров, которое произошло при передаче полномочий «новому» учреждению. Позиция суда заключалась в том, что передача полномочий выбора арбитра третьему лицу является важным элементом арбитражного соглашения в системе социалистического блока[240]. Суд в связи с этим оценил, что изначальная палата при ГДР могла оказывать сильное влияние на состав арбитража[241]. Таким образом, указав соответствующее арбитражное учреждение, стороны уже сделали столь весомый выбор состава арбитража и предоставили самой палате столь значительное влияние на его формирование, что упразднение палаты лишает арбитражное соглашение его замысла[242].

Суд также оценил общее намерение на передачу спора в арбитраж. По мнению суда, условия, при которых стороны согласовали арбитраж, принципиально изменились[243]. Государственные суды объединенной Германии, в отличие от судов ГДР, обладают необходимой компетенцией для рассмотрения внешнеторговых споров; договор вследствие объединения

---

[238] BGH, III ZR 143/92.
[239] BGH, III ZR 143/92. Rn. 1–3.
[240] Salomonsson A.S. Op. cit. P. 58.
[241] BGH, III ZR 143/92. Rn. 20.
[242] BGH, III ZR 143/92. Rn. 21.
[243] Salomonsson A.S. Op. cit. P. 58.

превратился во внутренний, а не внешнеторговый. В частности, отпала проблема исполнения решений государственных судов при отсутствии договоров о взаимном исполнении; отпал и интерес стороны из бывшей страны государственной торговли в разрешении спора исключительно по социалистическому праву[244].

В связи с этим суд пришел к выводу, что порок воли при заключении соглашения и невозможность его исполнения отсутствуют, а соглашение прекращается в связи с выбытием его основополагающего элемента[245]. Вместе с тем суд особо оговорил, что стороны, желающие сохранить арбитраж как способ разрешения спора, могут совместно обратиться в том числе в Арбитражный суд Берлина[246].

В западной части Германии также происходило объединение арбитражных учреждений. К концу 1980-х гг. в ФРГ действовали два самостоятельных учреждения — Немецкий комитет по третейскому разбирательству (DAS) и Немецкий институт третейского разбирательства (DIS)[247]. С 1 января 1992 г. оба учреждения объединились под общим наименованием DIS[248]. Вновь образованное учреждение сохранило Арбитражный регламент DAS 1988 г. в неизменном виде, переименовав его в Регламент DIS 1992 г.[249]

Такое «дореформенное» арбитражное соглашение с указанием DAS, исполнявшееся после объединения с DIS, было проверено Апелляционным

---

[244] BGH, III ZR 143/92. Rn. 34–37.
[245] BGH, III ZR 143/92. Rn. 11, 21. О том, что немецкий суд использовал понятие недействительности (Unwirksamkeit), см.: Иванов С.Д., Шагалов А.В. Указ. соч. С. 129, сноска 28.
[246] BGH, III ZR 143/92. Rn. 38.
[247] German Arbitration Institute (DIS). Our history. URL: https://www.disarb.org/en/about-us/history (дата обращения: 20.03.2026).
[248] Здесь необходимо сделать терминологическое уточнение, поскольку в литературе наименования соответствующих учреждений нередко передаются неточно. Аббревиатура DIS сохранилась и после объединения, однако с 1 января 1992 г. она обозначает иное юридическое лицо, нежели до него: до объединения это Deutsches Institut für Schiedsgerichtswesen e.V., после объединения Deutsche Institution für Schiedsgerichtsbarkeit e.V.
[249] Salomonsson A.S. Op. cit. P. 53.

судом Парижа[250]. Суд признал DIS надлежащим правопреемником DAS. По существу, суду было достаточно обстоятельств наличия правопреемника и его способности обеспечить рассмотрение спора.

Наконец, под давлением складывавшейся судебной практики Арбитражный суд Берлина также принял решение об объединении с DIS, причем решение было принято приблизительно за два месяца до опубликования решения Верховного суда, рассмотренного выше[251]. Тем самым учреждение, последовательно настаивавшее на непрерывности собственной деятельности и на сохранении силы арбитражных соглашений, само вошло в состав того учреждения, которое двумя годами ранее было образовано объединением DAS и DIS.

После распада Чехословакии Чехия приняла закон № 223/1994 Sb., в соответствии с которым Арбитражный суд при Чехословацкой торгово-промышленной палате был преобразован в Арбитражный суд при Хозяйственной палате Чешской Республики и Аграрной палате Чешской Республики[252].

Кроме этого, Закон распространил правопреемство на все основные вопросы деятельности учреждения — президиум прежнего суда объявлялся президиумом нового; Устав и Регламент прежнего суда объявлялись Уставом и Регламентом нового[253]. Как следует из пояснительной записки к законопроекту, целью являлось закрепить законом то обстоятельство, что арбитражное учреждение непрерывно продолжает свою деятельность. Впоследствии Высший административный суд Чешской Республики отметил, что от изначально предполагавшейся в § 19 Закона № 301/1992 Sb. концепции создания суда самими палатами законодатель отказался именно для избрания

[250] Cour d'appel de Paris, Pôle 1, Chambre 1. Arrêt du 20 mars 2012, RG № 10/23578 (S.A.S. A.D.B. c/ REO Inductive Components AG).
[251] Uzelac A. Op. cit. P. 82.
[252] Zákon č. 223/1994 Sb. (Czech Republic), § 1 odst. 1, 2.
[253] Zákon č. 223/1994 Sb. (Czech Republic), § 3 odst. 1.

пути полного правопреемства[254]. Вместе с тем реформа породила две группы затруднений, выходящих за пределы чешского правопорядка.

Во-первых, новый закон Чехии представляет собой односторонний акт одного из государств-правопреемников, посредством которого замещается изначальная воля сторон. Как отмечалось в литературе, весьма сомнительно, уполномочен ли чешский законодатель изменить волю, например, словацкой стороны в рамках арбитражного соглашения об институциональном арбитраже[255]. Примечательно, что учрежденный отдельный Арбитражный суд при Торгово-промышленной палате Словакии рассматривался пражской стороной как самостоятельное новое образование, а не как часть разделения единого учреждения[256].

Во-вторых, неясны пределы обязательности нового закона. Высказывалось мнение, что описанные нормы обязательны для органа, разрешающего вопрос о действительности и исполнимости арбитражного соглашения, лишь постольку, поскольку соответствующий акт входит в состав права, применимого к арбитражному соглашению, либо права места арбитража. В противном случае сам факт реорганизации и положения акта о ней учитываются компетентным органом в качестве фактических обстоятельств, но не правовых норм[257].

Данное регулирование было проанализировано Федеральным судом Швейцарии[258]. Изначальная арбитражная оговорка указывала на «дореформенный» институт, тогда как спор был рассмотрен уже после реформы, описанной выше. Рассматривался вопрос о приведении в исполнение арбитражного решения на территории Швейцарии.

Суд исходил из установленного факта, что согласованное сторонами учреждение на момент предъявления иска уже не существовало, а новое

---

[254] Rozhodčí soud při Hospodářské komoře České republiky a Agrární komoře České republiky je veřejnou institucí // Sbírka rozhodnutí Nejvyššího správního soudu. URL: https://sbirka.nssoud.cz (дата обращения: 25.07.2026).
[255] Uzelac A. Op. cit. P. 77–78.
[256] Ibid. P. 76–78.
[257] См.: Иванов С.Д., Шагалов А.В. Указ. соч. С. 126–127.
[258] Swiss Federal Supreme Court, Decision of 4 October 2010, Case No. 4A_124/2010.

учреждение было его правопреемником в силу норм чешского закона. Ответчик не доказал ни того, что указанный закон неприменим, ни того, что правопреемником является иное учреждение[259].

Суд отдельно отметил, что отсутствие в оговорке указания на правопреемника не имеет решающего значения, поскольку в момент заключения договора стороны не могли предвидеть распад чехословацкого государства и образование двух новых государств, а рассматриваемый закон был призван восполнить именно этот пробел. Заключая арбитражное соглашение, стороны стремятся прежде всего изъять спор из компетенции государственных судов и передать его на разрешение состава арбитража. Поскольку учреждение-правопреемник этим требованиям отвечает, замену согласованного учреждения новым следует считать охватываемой волей сторон, а нарушения принципа автономии воли нет[260]. Как итог, суд отклонил возражения ответчика против приведения решения в исполнение.

В продолжение подходов к регулированию также стоит отметить реформу, произошедшую в КНР в связи с расколом Китайской международной торгово-экономической арбитражной комиссии (далее — «CIETAC»). 1 мая 2012 года вступила в силу новая редакция Правил, изменившая порядок распределения дел и усилившая роль пекинского секретариата применительно к соглашениям, не содержавшим указания на конкретную субкомиссию. Шанхайская и шэньчжэньская субкомиссии расценили эти изменения как чрезмерную централизацию и объявили о переходе к самостоятельной деятельности, утвердив собственные правила арбитража и списки арбитров. Впоследствии обе субкомиссии сменили наименования: шэньчжэньская субкомиссия стала Шэньчжэньским судом международного арбитража (SCIA), шанхайская преобразована в Шанхайский международный арбитражный центр (SHIAC).

---

[259] Swiss Federal Supreme Court, Decision of 4 October 2010, Case No. 4A_124/2010. Erw. 6.1.1.
[260] Ibid. Erw. 6.1.1, 6.1.4.

CIETAC, в свою очередь, приостановил, а затем прекратил полномочия обеих субкомиссий, объявил утвержденные ими регламенты и списки арбитров не имеющими силы и учредил в Шанхае и Шэньчжэне новые субкомиссии[261].

Последствия раскола усугублялись особенностями национального регулирования. Статья 16 Закона КНР об арбитраже в редакции, действовавшей в рассматриваемый период, требовала указания в соглашении конкретной арбитражной комиссии, а статья 18 предусматривала, что при отсутствии или неясности такого указания стороны вправе заключить дополнительное соглашение, а при недостижении его арбитражное соглашение признается недействительным[262]. Вследствие этого сторона, возражавшая против арбитражного разбирательства, располагала двумя линиями защиты: ссылкой на отсутствие компетенции у конкретного учреждения, что вело к признанию компетентным конкурирующего учреждения, и ссылкой на недействительность оговорки в силу неопределенности указания на учреждение, что влекло переход спора к государственному суду. Именно второй сценарий, при котором раскол потенциально затронул все оговорки, отсылающие к субкомиссиям CIETAC в Шанхае и Шэньчжэне, оценивается в литературе как наиболее серьезное последствие произошедшего[263].

Разрешение коллизии изложено в Ответе Верховного народного суда КНР от 15 июля 2015 г. Верховный народный суд отказался как от чисто номинального, так и от чисто организационного критерия, положив в

---

[261] Pisacane G., Murphy L., Zhang C. Arbitration in China: Rules & Perspectives. Singapore : Springer, 2016. P. 47; Townsend M. New Judicial Guidance on the CIETAC Split: Closure After Three Years of Uncertainty? // Kluwer Arbitration Blog. 05.08.2015. URL: https://legalblogs.wolterskluwer.com/arbitration-blog/new-judicial-guidance-on-the-cietac-split-closure-after-three-years-of-uncertainty/ (дата обращения: 25.03.2026). Кроме этого, в 2015 году CIETAC закрепил в Правилах арбитража компетенцию CIETAC на случай, когда согласованные сторонами субкомиссия или арбитражный центр не существуют либо их полномочия прекратились.

[262] Arbitration Law of the People's Republic of China (принят 31.08.1994, в редакции 2017 г., действовавшей в рассматриваемый период), arts. 16, 18 [Электронный ресурс]. URL: https://cicc.court.gov.cn/html/1/219/199/200/638.html (дата обращения: 25.07.2026). Новая редакция Закона принята Постоянным комитетом Всекитайского собрания народных представителей 12.09.2025 и вступила в силу 01.03.2026.

[263] Pisacane G., Murphy L., Zhang C. Op. cit. P. 48.

основание решения момент заключения арбитражного соглашения: если соглашение, отсылающее к шанхайской или шэньчжэньской субкомиссии CIETAC, заключено до смены наименования соответствующей субкомиссии, компетентными признаются SHIAC или SCIA; если соглашение заключено после этой даты, компетентны вновь созданные субкомиссии CIETAC[264]. Одновременно были установлены переходные правила — компетенция учреждения, принявшего дело до 17 июля 2015 года, не может быть опровергнута судом, если возражение не было заявлено до первого устного слушания; арбитражное решение, вынесенное по такому делу, не может быть оспорено на стадии приведения в исполнение; при принятии одного и того же дела обоими учреждениями вопрос разрешается судом по указанному критерию, а при отсутствии своевременного обращения в суд компетентным признается учреждение, принявшее дело первым[265].

Арбитражная реформа в РФ проведена Законом об арбитраже и Федеральным законом от 29 декабря 2015 г. № 409-ФЗ (далее — «Закон о внесении изменений»)[266]. Основная цель реформы состояла во введении регулирования постоянно действующих арбитражных учреждений (далее — «ПДАУ») и в борьбе с «карманными» арбитражами[267]. По истечении одного года со дня установления Правительством Российской Федерации соответствующего порядка[268] учреждения, не получившие такого права, утратили возможность администрировать арбитраж. Исключение было

---

[264] Reply of the Supreme People's Court to Request for Instructions of the Shanghai High People's Court and Other Courts on Issues in Cases Involving the Judicial Review of Arbitral Awards Rendered by the China International Economic and Trade Arbitration Commission, Former Sub-Commissions Thereof and Other Arbitral Institutions // ICCA Reports No. 5: Compendium of Chinese Commercial Arbitration Laws / ICCA-Tsinghua University Working Group. The Hague : International Council for Commercial Arbitration, 2019. P. 324–327.

[265] Ibid. paras. 2–4.

[266] Федеральный закон от 29.12.2015 № 409-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившим силу пункта 3 части 1 статьи 6 Федерального закона "О саморегулируемых организациях" в связи с принятием Федерального закона "Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации"» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 1 (часть I). Ст. 29; статья 1 Закона об арбитраже; часть 1 статьи 13 Закона о внесении изменений.

[267] Закон об арбитраже, части 1, 4–7 статьи 44, часть 1 статьи 45.

[268] Постановление Правительства Российской Федерации от 25.06.2016 № 577 «Об утверждении Правил предоставления права на осуществление функций постоянно действующего арбитражного учреждения и Положения о депонировании правил постоянно действующего арбитражного учреждения» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 27 (часть III). Ст. 4478.

сделано только для Международного коммерческого арбитражного суда и Морской арбитражной комиссии при Торгово-промышленной палате Российской Федерации, сохранивших статус при условии депонирования новых правил[269].

Указанная реформа непосредственно повлияла на судьбу арбитражных соглашений. Ниже предлагается оценить, с фокусом на международный арбитраж, какой был избран подход и каким образом он реализовался на практике. Предварительно можно заключить, что российская реформа принадлежит к той же группе национальных преобразований, в которых ужесточение требований к арбитражным учреждениям повлекло массовое прекращение их деятельности без образования правопреемников: наряду с Российской Федерацией к этой группе относят Румынию и Латвию[270].

Во-первых, часть 15 статьи 13 Закона о внесении изменений закрепила непосредственное продолжение действия арбитражных соглашений при получении статуса ПДАУ российскими учреждениями. При этом закон прямо разделяет два случая: получение самим учреждением статуса ПДАУ или создание учреждения-правопреемника.

Переходные положения прямо закрепляют, что учреждения-правопреемники должны пониматься не строго в контексте гражданского правопреемства. Связано это с тем, что ПДАУ может функционировать только при некоммерческой организации. Поэтому ряд дореформенных учреждений в соответствии с ГК РФ не мог пройти реорганизацию[271].

При таком специальном правопреемстве некоммерческая организация, при которой создается учреждение-правопреемник, должна представить согласие в письменной форме органа юридического лица, при котором было создано учреждение-правопредшественник[272]. Закон также отмечает, что новым ПДАУ спор будет администрироваться в соответствии с «наиболее

---

[269] Закон об арбитраже, часть 1 статьи 44, части 12, 13 статьи 52.
[270] Salomonsson A.S. Op. cit. P. 61–62.
[271] Научно-практический постатейный комментарий к законодательству о третейских судах. С. 302–303.
[272] Часть 6 статьи 52 Закона об арбитраже.

применимыми правилами постоянно действующего арбитражного учреждения-правопреемника».

Часть 22 статьи 13 Закона о внесении изменений в дополнение к этому закрепляет, что арбитражные соглашения, которые содержат указание на «дореформенное» арбитражное учреждение, в качестве учреждения-правопреемника которого создано новое постоянно действующее арбитражное учреждение, считаются исполнимыми[273].

Существенно, что в российской модели учреждение-правопреемник определяется не законом, а решением некоммерческой организации, при которой оно создается, — при наличии письменного согласия органа юридического лица, при котором действовал правопредшественник. Тем самым условие арбитражного соглашения о компетентном учреждении изменяется актом третьего лица, а не волеизъявлением сторон, а закон лишь придает такому изменению юридическую силу, объявляя соответствующие соглашения исполнимыми. Данная конструкция обеспечивает сохранение арбитражного соглашения, однако требует ограничительного толкования: она допустима постольку, поскольку прямо санкционирована законом, и не может служить основанием для одностороннего определения правопреемника арбитражным учреждением за пределами установленного законом порядка.

Во-вторых, Закон о внесении изменений регулирует ситуацию, если начатое арбитражное разбирательство «столкнулось» с реформой до вынесения арбитражного решения. В соответствии с частью 21 статьи 13 такие споры продолжают рассматриваться составом арбитража как при арбитраже *ad hoc*, если арбитражное соглашение не стало неисполнимым, а все функции по администрированию арбитража берут на себя арбитры.

Данное регулирование прямо отсылает к утрате права администрировать спор в соответствии с частью 13 статьи 52 Закона об арбитраже. С учетом того,

---

[273] Закон о внесении изменений, части 15 и 22 статьи 13. Согласно части 22 указанной статьи соответствующие арбитражные соглашения «считаются исполнимыми и рассматриваются как арбитражные соглашения о рассмотрении спора таким постоянно действующим арбитражным учреждением-правопреемником».

что часть 13 статьи 52 (со ссылкой на статью 44) относится как к российским, так и к иностранным учреждениям, разумно сделать вывод о трансформации разбирательства из институционального в *ad hoc* вне зависимости от юрисдикции арбитражного учреждения.

Наконец, вызывает интерес судьба арбитражного соглашения, если арбитражное учреждение статус ПДАУ не получило и до вступления в силу Закона об арбитраже и Закона о внесении изменений третейское разбирательство инициировано не было. Анализ будет различным для иностранных и для российских арбитражных учреждений.

М.Ю. Савранский и Г.В. Севастьянов указывают, что «российское законодательство о международном коммерческом арбитраже применяется к деятельности иностранных арбитражных учреждений только в случаях, прямо им предусмотренных»[274]. Авторы приходят к выводу, что установленная возможность для получения права на выполнение функций ПДАУ по администрированию третейского разбирательства на территории Российской Федерации для иностранных арбитражных учреждений является «потенциальной правовой возможностью» и не ограничивает администрирование арбитража в других юрисдикциях в силу отсутствия экстерриториального эффекта норм.

Отсутствие такого экстерриториального эффекта по отношению к иностранным учреждениям привело к ряду компромиссных вариантов регулирования. Например, таким компромиссом можно признать особое регулирование статуса арбитражного решения, принятого иностранным арбитражным учреждением на территории РФ в случае неполучения статуса ПДАУ. В соответствии с частью 3 статьи 44 Закона об арбитраже в таких условиях решение признается как решение, вынесенное арбитражем *ad hoc.*

---

[274] Савранский М.Ю., Севастьянов Г.В. Действительность и исполнимость дореформенного международного арбитражного соглашения: некоторые актуальные вопросы, вызванные практикой переходного периода // СПС «КонсультантПлюс».

Как обоснованно отмечают М.Ю. Савранский и Г.В. Севастьянов, из буквального толкования этой нормы следует, что трансформации самой процедуры арбитражного разбирательства не происходит, изменяется лишь статус вынесенного арбитражного решения[275]. Тем самым российский правопорядок допускает администрирование арбитража с местом на территории Российской Федерации иностранным учреждением, не получившим соответствующего статуса, а последствия локализуются на стадии судебного контроля на этапе приведения в исполнение. При этом, как справедливо указывает М.Л. Гальперин, такое отношение в рамках российской юрисдикции к арбитражному решению не означает, что стороны должны договориться о переводе арбитража в такой режим. Стороны не должны совершать дополнительных действий для того, чтобы решение было исполнимым в России[276].

Последствия такой характеристики заключаются в ограниченности способов обращения за содействием государственных судов (невозможность содействия в получении доказательств) и ограничении ряда соглашений, которые стороны могут заключить в отношении такого разбирательства (окончательность арбитражного решения). Данный компромисс, среди прочего, был сделан во исполнение обязательств Российской Федерации по Нью-Йоркской конвенции[277].

Изложенный подход подтверждается судебной практикой. В деле, рассмотренном в 2019 году, арбитражная оговорка предварительного договора аренды 2012 года предусматривала разрешение споров ЛМТС по его Регламенту при месте арбитражного разбирательства в городе Москве. Арендодатель обратился в государственный суд, ссылаясь в том числе на неисполнимость соглашения ввиду отсутствия у указанного учреждения

---

[275] Там же.

[276] Гальперин М.Л. Из Сингапура в Хельсинки через Кемерово, или Какой арбитраж должен считаться иностранным? Комментарий к определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 12.03.2020 № 304-ЭС19-20506 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 5. С. 8.

[277] Там же. С. 9.

статуса постоянно действующего арбитражного учреждения. Исковое заявление было оставлено без рассмотрения[278].

Вместе с тем последствия отсутствия статуса не сводятся к квалификации арбитражного решения. Приравнивание разбирательства к арбитражу *ad hoc* влечет по меньшей мере три дополнительных последствия: корпоративные споры, в отношении которых установлено требование об администрировании учреждением, депонировавшим специальные правила, в таком арбитраже рассмотрены быть не могут[279]; стороны лишаются возможности прямым соглашением предусмотреть окончательность арбитражного решения[280]; недоступными оказываются прямые соглашения об исключении обращения в суд по вопросам назначения арбитра, отвода, прекращения полномочий арбитра и компетенции состава арбитража[281].

При этом стоит учитывать особое регулирование части 20 статьи 44, которая непосредственно взаимосвязана с частью 3 статьи 44. Часть 20 запрещает осуществление на территории Российской Федерации функций по администрированию арбитража лицам, не получившим права на осуществление функций ПДАУ. Как следствие, если при арбитраже *ad hoc* такие функции фактически осуществлялись, разбирательство считается проведенным с нарушением установленной законом процедуры арбитража.

Ключевым делом в данном аспекте является определение ВС РФ в рамках оценки арбитражного соглашения с указанием Хельсинкского международного коммерческого арбитража[282]. Анализируя само третейское разбирательство, Верховный Суд указал на неприменимость части 3 статьи 44

---

[278] Определение Арбитражного суда Московской области от 17.07.2019 по делу № А41-44769/19-С2.

[279] Части 3–5 статьи 225.1 АПК РФ: соответствующие споры могут быть переданы только в третейское разбирательство, «администрируемое постоянно действующим арбитражным учреждением, утвердившим, депонировавшим и разместившим на своем сайте… правила разбирательства корпоративных споров… с местом арбитража на территории Российской Федерации».

[280] Пункт 1 статьи 34 Закона о МКА: условие об окончательности арбитражного решения может быть предусмотрено «в арбитражном соглашении, предусматривающем администрирование арбитража постоянно действующим арбитражным учреждением».

[281] Пункт 5 статьи 11, пункт 3 статьи 13, пункт 1 статьи 14, пункт 3 статьи 16 Закона о МКА: соответствующее право предоставлено сторонам, «арбитражное соглашение которых предусматривает администрирование арбитража постоянно действующим арбитражным учреждением».

[282] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 12.03.2020 № 304-ЭС19-20506 по делу № А27-5147/2019.

Закона об арбитраже с учетом того, что учреждением была создана лишь видимость иностранного администрирования с целью обойти требования закона. В этой связи была закреплена позиция о непризнании результатов недобросовестного проведения арбитража, лишь формально обозначенного как арбитраж *ad hoc*. Эта позиция является прямым следствием подхода, закрепленного Пленумом Верховного Суда РФ[283] и поддержанного Конституционным Судом РФ[284], о недопустимости формального подхода к оценке природы проводимого разбирательства.

При этом практика судов в отношении традиционных иностранных учреждений сложилась иным образом. Например, решение по спору, администрируемому Арбитражным институтом Торговой палаты Стокгольма с местом арбитража в Москве, было приведено в исполнение на территории РФ. Несмотря на то, что первая инстанция изначально ошибочно проигнорировала часть 3 статьи 44 Закона об арбитраже[285], кассационная инстанция ошибку исправила и указала на признаки надлежащего администрирования арбитража иностранным учреждением[286].

В ином деле арбитражная оговорка о месте арбитража в Москве предусматривала разрешение спора по Арбитражному регламенту ЮНСИТРАЛ и наделяла сторону, назначившую своего арбитра, правом обратиться в МТП за назначением единоличного арбитра[287].

Единоличный арбитр был назначен решением Международного арбитражного суда при МТП 1 октября 2020 г., тогда как право на осуществление функций ПДАУ МТП получила лишь 18 мая 2021 г. Несмотря на это, суд признал назначение правомерным, указав, что при системном

---

[283] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.12.2019 № 53, пункт 50.

[284] Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 09.04.2024 № 826-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Каркачева Павла Петровича на нарушение его конституционных прав частями 1 и 20 статьи 44 Федерального закона “Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации”». См.: Скворцов О.Ю. Поиск модели арбитража *ad hoc*: отголоски консервативной реформы // Третейский суд. 2024. № 1/2. С. 50–53.

[285] Определение Арбитражного суда Астраханской области от 30.07.2020 по делу № А06-2352/2020.

[286] Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 16.10.2020 № Ф06-65614/2020 по делу № А06-2352/2020.

[287] Определение Арбитражного суда города Москвы от 14 февраля 2022 г. по делу № А40-228640/21-68-1456.

толковании частей 3 и 20 статьи 44 Закона об арбитраже иностранному арбитражному учреждению не запрещается выполнять на территории России отдельные функции по администрированию арбитража. Дополнительно суд сослался на разъяснение Пленума Верховного Суда РФ, согласно которому нарушение указанного запрета имеет место, если третейский суд лишь формально образуется для разрешения спора *ad hoc*. Доказательств наличия таких признаков заявитель не представил, а МТП после назначения арбитра в разбирательстве не участвовала[288].

В случае же указания в арбитражном соглашении российского учреждения проявляется отличие в подходе законодателя. Если арбитраж инициирован не был (как в случае с частью 21 статьи 13 Закона о внесении изменений, рассмотренной выше), арбитражное соглашение с указанием российского института по существу признается неисполнимым. Это следует как минимум из двух обстоятельств. Во-первых, для решений такого арбитража отсутствует специальная норма части 3 статьи 44 Закона об арбитраже, которая прямо закрепляет статус арбитражного решения. Во-вторых, Верховный Суд РФ прямо привел соответствующую ситуацию как пример неисполнимости арбитражного соглашения: «Под неисполнимым арбитражным соглашением понимается такое соглашение, […] которое не может быть исполнено в соответствии с волей сторон (например, согласованное арбитражное учреждение не вправе осуществлять администрирование арбитража в соответствии с требованиями применимого права)»[289].

Здесь показательно решение Федерального суда Швейцарии. Стороны заключили в 2010 г. договор поставки, арбитражная оговорка которого предусматривала передачу споров в третейский суд при российском акционерном обществе в городе Москве для рассмотрения по его регламенту,

---

[288] Там же. Суд сослался также на пункт 46 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2020), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 22 июля 2020 г., и на пункт 50 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 декабря 2019 г. № 53.

[289] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 декабря 2019 г. № 53, пункт 30, абзац первый.

а применимым правом договора было избрано право Российской Федерации. Вследствие реформы 2015 года данное учреждение статус ПДАУ не получило и утратило право администрировать арбитраж[290].

Истец обратился в государственный суд в Цуге для взыскания долга. Ответчик заявил возражение об отсутствии компетенции у государственного суда в связи с наличием арбитражного соглашения. Суды трех инстанций это возражение отклонили.

Проверив судебные акты, Федеральный суд Швейцарии пришел к выводу, что поскольку соглашение было заключено до реформы, то применяется российский закон, действовавший на дату его заключения. В тот период в части толкования арбитражного соглашения приоритет отдавался буквальному толкованию[291]. При таком прочтении, по мнению суда, однозначно указывалось намерение сторон на разрешение спора в институциональном арбитраже, а не в рамках *ad hoc* процедуры[292].

Суд прямо констатировал отсутствие учреждения-правопреемника в смысле части 22 статьи 13 Закона о внесении изменений и части 6 статьи 52 Закона об арбитраже[293]. Таким образом, при отсутствии правопреемника арбитражное соглашение исполнено быть не может, а переход к арбитражу *ad hoc* потребовал бы заключения нового арбитражного соглашения, к заключению которого стороны принуждены быть не могут.

Решение швейцарского суда, с учетом анализа выше, является верным прочтением обновленного российского регулирования. Российский законодатель заложил особую ситуацию, когда все же арбитражное соглашение с российским арбитражным учреждением может быть

---

[290] Swiss Federal Supreme Court, Decision of 12 July 2023, Case No. 4A_19/2023.

[291] Некоторые авторы предполагают возможный иной итог судебного решения при возможности «проарбитражного» толкования. См.: Schregenberger A., Carè R. Pathological Arbitration Clauses: Role of the Law Applicable to the Substantive Validity of the Arbitration Agreement under Article II(3) NYC // ASA Bulletin. 2024. Vol. 42. No. 1. P. 29–32. В частности, авторы ссылаются на решение сингапурского суда по делу Insigma Technology Co Ltd v Alstom Technology Ltd [2009] SGCA 24, в котором суд Сингапура признал исполнимым арбитражное соглашение с указанием на регламент МТП при администрировании арбитража СМАЦ.

[292] Swiss Federal Supreme Court, Decision of 12 July 2023, Case No. 4A_19/2023. Sec. 2.2. Суд применил статью 431 ГК РФ, отметив, что действовавшая на дату заключения соглашения редакция Закона о МКА правила о толковании сомнений в пользу действительности и исполнимости не содержала.

[293] Ibid.

трансформировано в соглашение об арбитраже *ad hoc* — если деятельность учреждения прекращена по решению некоммерческой организации, при которой оно создано, либо по решению арбитражного суда[294]. В этом смысле учреждение так или иначе прошло бы через установленный «фильтр» для первоначального получения разрешения администрировать арбитраж.

Подытоживая подход российского законодателя, стоит отметить разъяснение Верховного Суда РФ, в соответствии с которым «Закон об арбитраже не предусматривает безусловное признание всех третейских соглашений, заключенных до даты вступления закона в силу, неисполнимыми и недействительными»[295].

В Объединенных Арабских Эмиратах арбитражное учреждение DIFC-LCIA, действовавшее в Дубайском международном финансовом центре по правилам, основанным на регламенте ЛМТС, было упразднено в ходе институциональной реформы. В 2021 году был издан Указ № 34 от 2021 года «О Дубайском международном арбитражном центре» (далее — «Указ № 34»), существенно реформировавший арбитражную инфраструктуру эмирата. В соответствии с Указом все арбитражные соглашения, заключенные до вступления Указа в силу и содержащие оговорку о рассмотрении споров в рамках DIFC-LCIA, признаются действительными; при отсутствии иного соглашения сторон споры по ним подлежат рассмотрению в Дубайском международном арбитражном центре (далее — «ДМАЦ», «DIAC»).

В соответствии с приложенным к Указу Уставом ДМАЦ, если стороны выбрали местом арбитража территорию DIFC и не договорились об ином, к арбитражному соглашению и процедуре подлежит применению Закон DIFC об арбитраже № 1 от 2008 года, а споры, связанные с арбитражными мерами или решениями, подлежат рассмотрению судами DIFC.

---

[294] Часть 8 статьи 48 Закона об арбитраже.

[295] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 22.01.2018 № 305-ЭС17-14401 по делу № А40-251666/2016.

В связи с реорганизацией арбитражной инфраструктуры в эмирате Дубай и вступлением в силу Указа № 34 ЛМТС и ДМАЦ достигли соглашения о перераспределении функций по администрированию арбитражных дел, ранее начатых в рамках правил DIFC-LCIA[296]: все дела, инициированные и зарегистрированные до 20 марта 2022 года включительно под номером DIFC-LCIA, будут администрироваться ЛМТС. В отношении споров, начатых с 21 марта 2022 года, включая споры, не зарегистрированные своевременно в системе DIFC-LCIA, администрирование осуществляется непосредственно ДМАЦ на основании собственного регламента. Соответствующие процедуры реализуются с использованием внутренних механизмов управления делами DIAC, при этом все связанные с такими спорами платежи поступают на счета, находящиеся в управлении DIAC. Исключения возможны только в случае иного соглашения сторон.

С учетом достаточно активного включения в арбитражные соглашения правил DIFC-LCIA, уже развилась судебная практика по возможности исполнения таких соглашений.

Так, окружной суд Восточного округа Луизианы США в 2023 году рассмотрел дело: саудовское дочернее предприятие луизианской компании Dynamic Industries заключило в 2017 г. субподряд с компанией Baker Hughes на поставку материалов, продукции и услуг для нефтегазового проекта, принадлежащего национальной нефтяной компании Saudi Aramco. Согласно контракту споры были переданы на рассмотрение в медиацию и арбитраж в соответствии с правилами DIFC-LCIA с местом арбитража в DIFC.

В марте 2023 года Baker Hughes подала иск против трех американских компаний группы Dynamic в суд штата Луизиана. Это дело было передано в Окружной суд США по Восточному округу Луизианы. Dynamic Industries просила суд отклонить иск в связи с наличием арбитражного соглашения.

[296] DIAC and LCIA Joint Press Release [Электронный ресурс]. URL: http://www.difc-lcia.org/ (дата обращения: 26.01.2025).

Суд Луизианы отклонил ходатайство о прекращении судебного разбирательства, посчитав, что он не может принудить стороны к арбитражу, если согласованный третейский суд недоступен или более не существует[297].

Суд пришел к выводу, что ни он сам, ни правительство Дубая не вправе «изменять соглашение сторон», причем схожесть процедур DIFC-LCIA и ДМАЦ не влияет на это решение, учитывая отсутствие форума, согласованного сторонами[298].

Это вызывает вопрос о том, как выбор конкретного арбитражного института соотносится с намерением сторон разрешать спор через арбитраж. Например, указание конкретных арбитражных правил не всегда означает согласие на рассмотрение спора в конкретном арбитражном институте. Разумеется, многое зависит от формулировки арбитражного соглашения. Вместе с тем, по нашему мнению, с учетом принципа толкования арбитражных соглашений *in favorem validitatis* следует сохранять достигнутую волю сторон на рассмотрение споров в арбитраже, даже если арбитражный институт доступен с некоторыми изменениями. Выводы Луизианского суда в дальнейшем раскритиковали как суды ОАЭ, так и вышестоящий американский суд.

Суд Абу-Даби первой инстанции анализировал исполнимость арбитражного соглашения, отсылающего к правилам DIFC-LCIA, в связи с просьбой ответчика прекратить спор в государственном суде и перенаправить стороны в арбитраж[299].

Анализируя положения Нью-Йоркской конвенции, он пришел к выводу о сохранении эффекта арбитражных соглашений. По мнению суда, ни в *travaux préparatoires,* ни в самой Нью-Йоркской конвенции ликвидация или реорганизация арбитражного института не являются основаниями прекращения действия арбитражного соглашения[300].

---

[297] Baker Hughes Saudi Arabia Co. v. Dynamic Industries, Inc., Civ. A. No. 2:23-cv-1396 (E.D. La. Nov. 6, 2023), P. 4.
[298] Ibid. P. 5.
[299] Vaned Engineering GmbH v Reem Hospital, Abu Dhabi Court of First Instance, Case No. 1046/2023.
[300] Ibid. para. 2.

Суд указал, что основной целью, которую стороны преследовали в арбитражном соглашении, является определение эффективного — на их взгляд — метода окончательного разрешения коммерческих споров[301]. Стороны недвусмысленно по собственной воле заявили о намерении разрешить любой спор между ними путем арбитража. Следовательно, реорганизация или ликвидация арбитражного учреждения после заключения соглашения не приводит к неисполнимости соглашения и не влияет на остальные элементы арбитражного соглашения, которые остались незатронутыми. Таким образом, до тех пор, пока арбитражное соглашение считается заключенным надлежащим образом, на его исполнимость не могут повлиять внешние факторы, не зависящие от воли сторон.

Решение первой инстанции суда Абу-Даби было подтверждено апелляционной инстанцией[302].

В деле *Narciso v Nash*, которое уже рассматривал суд DIFC, судья Майкл Блэк КС (Michael Black KC)[303] также подтвердил исполнимость дореформенной арбитражной оговорки DIFC-LCIA, запретив продолжение разбирательства в государственном суде ОАЭ[304]. В процессе рассматривался вопрос о допустимости выдачи антиискового запрета в целях обеспечения арбитражного соглашения, заключенного в рамках субподрядного договора.

Судья, в частности, указал, что в соответствии с применимым правом DIFC или, даже альтернативно, правом ОАЭ, он обязан применить нормы Указа № 34, которые сохраняют действие арбитражного соглашения. Он согласился, что Указ № 34 сохраняет соглашение сторон. Стороны могли пересогласовать арбитражное соглашение, чтобы спор не администрировался

---

[301] Ibid. para. 3.

[302] Vaned Engineering GmbH v Reem Hospital, Abu Dhabi Court of Appeal, Case No. 449/2024 (24 April 2024).

[303] Примечательно, что этот барристер был также арбитром в составе арбитража, администрируемом DIFC, вынесшем решение об обеспечительных мерах, которые признали суды Сингапура, однако, раскритиковав юрисдикцию самого состава арбитража, о чем будет сказано ниже.

[304] Narciso v. Nash. DIFC Courts, Case No. ARB-009-2024, Judgment, 20 June 2024. Апелляционный суд DIFC в деле Oran and Oaken v Oved занял ограничительный подход к юрисдикции судов DIFC на выдачу антиисковых запретов в поддержку арбитражей с местом за пределами DIFC, но вопросов исполнимости арбитражных соглашений DIFC-LCIA это решение не затрагивало. См.: (1) Oran (2) Oaken v Oved [2025] DIFC CA 004, Order of the Court of Appeal dated 20 October 2025.

ДМАЦ[305]. Комментируя решения суда Луизианы, судья подчеркнул, что американский суд не провел соотношение между выбором способа разрешения спора (арбитраж или суд) и выбором регламента арбитражного учреждения. По его мнению, способом вне зависимости от правил является международный арбитраж[306].

Иначе оценил эффект схожей оговорки сингапурский суд. В деле поднимался вопрос о признании и приведении в исполнение в Сингапуре промежуточного решения трибунала[307].

Во-первых, суд прямо сослался на позицию суда Луизианы и указал, что направление сторон в арбитраж по правилам, не согласованным ими, недопустимо[308]. Во-вторых, суд не согласился с утверждением стороны о том, что основное намерение сторон заключалось в выборе Дубая как места арбитража. Суд сослался на позицию Г. Борна, согласно которой прямые соглашения о применении институциональных правил «касаются базовой архитектуры арбитража и, как правило, оказывают существенное влияние на арбитражное разбирательство»[309].

Наконец, хронологически, американский суд более высокой инстанции в рамках апелляционного обжалования также не согласился с выводами Луизианского суда. При анализе отношений сторон Апелляционный суд США по пятому округу решением от 27 января 2025 г.[310] поставил несколько вопросов: является ли DIFC-LCIA выбором конкретного форума или лишь ссылкой на определенные правила; в случае выбора конкретного форума — доступен ли он; в случае если такой форум недоступен — правомерно ли суд Луизианы отказал в направлении сторон в арбитраж.

---

[305] Narciso v. Nash. Para. 58.
[306] Ibid. Para. 60.
[307] DFL v. DFM [2024] SGHC 71. Впоследствии это решение было оставлено в силе Апелляционным судом Сингапура DFM v DFL [2024] SGCA 41.
[308] DFL v. DFM [2024] SGHC 71. Para. 21.
[309] Born G. Op. cit. Ch. 5. P. 3909.
[310] Baker Hughes Saudi Arabia Co. v. Dynamic Industries, Inc., 126 F.4th 1073 (5th Cir. Jan. 27, 2025) (No. 23-30827).

В рамках первого вопроса суд рассуждал о правилах толкования арбитражных соглашений и указал, что в первую очередь необходимо руководствоваться объективным намерением сторон[311] и толкованием любых сомнений в пользу арбитража[312]. Путем синтаксического толкования суд пришел к выводу, что в своем соглашении, указав на «разрешение в арбитраже в соответствии с Арбитражным регламентом DIFC-LCIA, действующим на момент начала разбирательства», стороны выбрали именно правила арбитража, но не форум[313].

При этом суд согласился, что, выбирая арбитражный регламент, стороны косвенно выбирают конкретный арбитражный институт для рассмотрения спора[314]. Но суд отказался оценивать, сложилась ли данная ситуация в силу изложенных обстоятельств и насколько арбитраж DIFC-LCIA перестал существовать[315]. Вместо этого суд сфокусировался на наличии намерения сторон разрешать споры исключительно в арбитраже при DIFC-LCIA[316]. Суд пришел к выводу, что арбитражная оговорка должна интерпретироваться в пользу сохранения ее действия, даже в случае недоступности первоначально указанного арбитражного учреждения.

Признаки этого подхода усматривались в отсутствии указания на исключительность DIFC-LCIA и наличии альтернативных механизмов разрешения споров в тексте договора субподряда[317]. На основе прецедентов суд указал, что если выбор форума не является «составной» частью арбитражного соглашения, то суд может назначить заменяющий арбитражный институт в соответствии с параграфом 5 Федерального закона США об

---

[311] Baker Hughes Saudi Arabia Co. v. Dynamic Industries, Inc., 126 F.4th 1073 (5th Cir. 2025) (No. 23-30827). P. 11.
[312] Ibid. P. 12.
[313] Ibid. P. 14.
[314] Ibid. P. 17–19.
[315] Ibid. P. 22.
[316] Ibid.
[317] Ibid. P. 24. Сам договор предусматривал иные возможные форумы (например, арбитраж в Саудовской Аравии по усмотрению одной из сторон), что дополнительно подтверждало отсутствие исключительности выбора форума и доминирующее намерение сторон рассматривать спор в порядке арбитража, а не в конкретном институте.

арбитраже[318]. Такой подход возможен, если стороны не выразили четко и недвусмысленно намерения не прибегать к арбитражу в случае недоступности выбранного института.

В контексте Указа № 34, упразднившего DIFC-LCIA и передавшего его функции ДМАЦ, суд отметил, что арбитражные соглашения, заключенные до вступления Указа в силу, сохраняют свою действительность, а новым администрирующим органом стал ДМАЦ.

Определением от 30 января 2026 года Окружной суд США по Восточному округу Луизианы направил стороны в арбитраж, администрируемый ДМАЦ, с местом арбитража в DIFC и по регламенту DIFC-LCIA, и приостановил производство до окончания арбитража[319].

Учитывая существенное влияние, которое оказывает статус учреждения на арбитражное соглашение, возможно оценить также доступные превентивные меры. С.Д. Иванов и А.В. Шагалов рекомендуют адресовать риск недоступности избранного форума уже на стадии заключения арбитражного соглашения посредством заключения альтернативного арбитражного соглашения, допускающего при невозможности администрирования спора «основным» институтом обращение в иное согласованное учреждение[320]. Схожее предложение содержится и в работе А. Саломонссон и состоит в дополнении арбитражных соглашений резервным условием об арбитраже *ad hoc*[321]. В дополнение к логике, изложенной в деле *Baker Hughes*, такой вариант представляется целесообразным, поскольку дополнительно подтверждает направленность воли сторон на рассмотрение споров в порядке коммерческого арбитража даже при наличии дефектов арбитражного соглашения.

Дополнительно подчеркивается, что отечественный правопорядок не предусматривает судебного механизма восполнения арбитражного

---

[318] Ibid. P. 22.
[319] Baker Hughes Saudi Arabia Co. v. Dynamic Industries, Inc., No. CV 23-1396, 2026 WL 251711 (E.D. La. Jan. 30, 2026).
[320] Иванов С.Д., Шагалов А.В. Указ. соч. С. 139–140.
[321] Salomonsson A.S. Op. cit. P. 66–67.

соглашения. Так, статья 240.1 АПК РФ закрепляет закрытый перечень функций содействия в отношении третейского разбирательства, обусловливая их осуществление случаями, предусмотренными Законом об арбитраже. Авторы предлагают дополнить этот перечень полномочием суда по заявлению стороны определять замещающее арбитражное учреждение либо оказывать содействие в формировании состава арбитража при недоступности согласованного института по модели § 5 Федерального закона США об арбитраже[322]. Однако с учетом анализа, проведенного в § 1 главы 2 настоящей работы, такое регулирование являлось бы излишним вмешательством в исполнение арбитражного соглашения со стороны государственных судов.

Между тем такой механизм известен на международном уровне[323]. Статья IV Европейской конвенции позволяет стороне обратиться к председателю компетентной торговой палаты либо к Специальному комитету, в том числе в ситуации, когда стороны договорились об институциональном арбитраже, но не достигли соглашения о компетентном арбитражном органе. Возможность обращения к этому механизму прямо признана Пленумом Верховного Суда Российской Федерации, указавшим, что арбитражное соглашение может быть признано неисполнимым лишь при условии, что соответствующий недостаток не может быть устранен с помощью механизмов, установленных статьей IV названной конвенции[324].

Проведенный выше анализ различных механизмов реорганизации и ликвидации арбитражных учреждений позволяет сделать несколько наблюдений.

Во-первых, в доктрине и судебной практике сложились два конкурирующих подхода к сохранению арбитражного соглашения при недоступности (по различным причинам) указанного в нем института. Первый — «договорной» — исходит из того, что арбитражное соглашение является

---

[322] Иванов С.Д., Шагалов А.В. Указ. соч. С. 134.

[323] Смирнов Д.Д. Исполнимость арбитражного соглашения в условиях институциональной реформы арбитража // Евразийский юридический журнал. 2025. № 10 (209). С. 238.

[324] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 декабря 2019 г. № 53, пункт 30, абзац третий.

договором, а суд не вправе навязать сторонам иной форум, нежели тот, что был ими прямо согласован. Второй — «целевой» — отдает приоритет доминирующей цели арбитражного соглашения, то есть воле сторон разрешать споры посредством арбитража, и допускает замещение недоступного форума при условии, что привязка к конкретному учреждению не являлась существенной для самого соглашения.

Как обоснованно отмечается, исход этого противостояния между договорной природой арбитражного соглашения и его доминирующей целью определяется применимым национальным правом, что порождает расходящиеся результаты даже при идентичных фактических обстоятельствах и тем самым существенно снижает предсказуемость судьбы арбитражного соглашения[325].

В этой связи важным критерием для анализа является момент заключения арбитражного соглашения и применимые правила толкования арбитражного соглашения. В случае, если способы толкования арбитражного соглашения не позволяли учитывать намерение сторон на достижение дерогационного эффекта арбитражного соглашения, то вывод о необходимости строгого следования условиям арбитражного соглашения практически неизбежен.

Во-вторых, крайне важным обстоятельством является способ регулирования и источник реорганизации или ликвидации арбитражных учреждений. С.Д. Иванов и А.В. Шагалов подчеркивают, что установление механизмов правопреемства или норм, прямо назначающих замещающее компетентное арбитражное учреждение, именно в законе не должно расцениваться как затрагивающее права и законные интересы сторон[326]. С данным разграничением следует согласиться, так как в случае, когда замещение учреждения происходит в силу правомочий законодателя, одностороннее решение самого учреждения аналогичной юридической силой

[325] Salomonsson A.S. Op. cit. P. 52.
[326] Иванов С.Д., Шагалов А.В. Указ. соч. С. 123.

не обладает. Тем не менее, А. Саломонссон предлагает включать в регламенты учреждений механизмы преемства на случай прекращения деятельности института — от автоматической передачи администрирования правопреемнику до согласования сторонами замещающего учреждения и субсидиарного обращения к компетентному суду или назначающему органу[327].

В этой связи представляется разумным вывод, что в случае анализа арбитражного соглашения, в котором упоминается реорганизованное арбитражное учреждение, нормы закона по такой реорганизации должны непосредственно применяться соответствующим органом вне зависимости от применимого права или *lex arbitri*.

Обобщая изложенное, следует заключить, что реорганизация арбитражного учреждения по общему правилу не влечет неисполнимости арбитражного соглашения, если сохраняются условия для проведения арбитражного разбирательства. Доминирующая цель соглашения состоит в изъятии спора из компетенции государственных судов, а утрата институтом возможности администрировать арбитраж лишает соглашение вспомогательной функции, но не самой возможности разрешения спора составом арбитража. Бремя доказывания обратного лежит на стороне, ссылающейся на неисполнимость. При отсутствии же учреждения-правопреемника оптимальным вариантом является трансформация арбитражного соглашения в соглашение об арбитраже *ad hoc*. Она сохраняет общее намерение сторон разрешать споры посредством арбитража и остается допустимой для достаточно широкого круга споров.

Проведенный в настоящей главе анализ позволяет заключить, что предметом исполнения позитивного обязательства является совершение действий, создающих процессуальную возможность рассмотрения спора избранным сторонами способом.

---

[327] Salomonsson A.S. Op. cit. P. 68–69.

С учетом смешанной природы арбитражного соглашения, проарбитражного подхода Нью-Йоркской конвенции и Типового закона ЮНСИТРАЛ, принципа *kompetenz-kompetenz* и иных важных институтов международного арбитража представляется, что арбитры должны иметь необходимые полномочия для вмешательства в соглашения сторон и осуществлять адаптацию соглашений в случае, если существуют препятствия для их исполнения. Конечно, соответствующая «адаптация» должна осуществляться крайне осмотрительно и только в том случае, если арбитры находят подтверждение намерений сторон разрешить спор в арбитраже и если подобное вмешательство арбитров не влечет существенных негативных последствий.

Отдельно необходимо оговорить, что вопросы принудительного исполнения арбитражного соглашения и преодоления препятствий такого исполнения возникают, если противоположная сторона не участвует или саботирует проведение арбитражного разбирательства. В иных случаях стороны могли бы по своей воле изменить арбитражное соглашение для подтверждения его исполнимости и снижения возможных рисков.

Рассмотренные в главе препятствия исполнению — уклонение стороны от участия в арбитраже, возникновение непреодолимых обстоятельств и недоступность арбитражного учреждения — по общему правилу не влекут неисполнимости арбитражного соглашения и потому значимы прежде всего как явления, раскрывающие содержание позитивного обязательства. Механизмы третейского разбирательства реагируют на уклонение ответчика от своих обязательств. В случае изменения обстоятельств возможна адаптация соглашения для сохранения цели арбитражного соглашения. Реорганизация или ликвидация арбитражного учреждения демонстрирует, что учреждение выполняет вспомогательную функцию администрирования и также не образует предмета исполнения: с его недоступностью не утрачивается сама возможность разрешения спора составом арбитража.

Глава 3. Правовые последствия неисполнения обязательств из арбитражного соглашения

§ 1. Направление сторон арбитражного соглашения в арбитраж государственными судами

Статья II Нью-Йоркской конвенции не ограничивается лишь обязанностью договаривающихся государств признавать арбитражные соглашения. Она также налагает на национальные суды обязанность направить стороны в арбитраж в тех случаях, когда спор, вопреки условиям арбитражного соглашения, был инициирован в государственном суде[328]. Таким образом, Нью-Йоркская конвенция одновременно закрепляет как признание арбитражного соглашения, так и обязанность государств обеспечить соблюдение сторонами вытекающих из него обязательств.

Разработчики Нью-Йоркской конвенции стремились предотвратить ситуации, когда одна из сторон, вопреки первоначальной договоренности, пытается передать спор на рассмотрение государственного суда, тем самым игнорируя избранный сторонами механизм разрешения споров[329]. Как отмечает Г. Борн, введение обязанности национальных судов обеспечивать исполнение арбитражных соглашений, ранее зачастую не подлежавших прямому судебному принуждению, стало одним из ключевых достижений Нью-Йоркской конвенции и современных арбитражных законов[330].

При этом справедливо утверждается, что Нью-Йоркская конвенция не раскрывает, в каком порядке государственный суд должен «направить стороны в арбитраж». Руководство МСКА по толкованию Нью-Йоркской конвенции 1958 года закрепляет, что такая норма должна пониматься как предписывающая либо приостановление судебного разбирательства в связи с арбитражем, либо «отказ в иске в связи с его неподсудностью в соответствии

---

[328] Признание и приведение в исполнение иностранных арбитражных решений в России и странах бывшего СССР / Т.Д. Аиткулов, Р.Э. Акрамов, М.А. Акчурина и др. ; под ред. Р.О. Зыкова. М. : Арбитражная Ассоциация, 2019. С. 70.
[329] Там же.
[330] Born G. Op. cit. P. 1381.

с национальным законодательством об арбитраже или процессуальным законодательством»[331].

Ответ отсутствует и в Типовом законе ЮНСИТРАЛ, согласно статье 8(1) которого «суд, к которому предъявлен иск по вопросу, являющемуся предметом арбитражного соглашения, по просьбе одной из сторон направляет стороны в арбитраж, если не установит, что соглашение является ничтожным, утратившим силу или не может быть исполнено».

Для анализа реализации такого механизма необходимо обращаться к конкретным национальным нормам и институтам. Следует учитывать, что процессуальные механизмы реализации негативного обязательства могут диаметрально различаться в зависимости от национального законодательства места арбитража. Эти различия обусловлены процессуальной природой соответствующих правоотношений и тем, что они реализуются при непосредственном участии государственных судов, что, в свою очередь, предопределяет применение к ним норм *lex fori*[332].

В соответствии с первым подходом статья II Нью-Йоркской конвенции предусматривает обязанность приостановить судебное разбирательство, начатое в нарушение действительного арбитражного соглашения[333]. Такая норма характерна для стран общего права, включая США[334], Англию[335] и Сингапур[336].

В рамках иного подхода, характерного преимущественно для стран континентальной правовой традиции — Австрии[337], Бельгии[338], Германии[339],

---

[331] Руководство МСКА по толкованию Нью-Йоркской конвенции 1958 года : пособие для судей / пер. Р.О. Зыков. 2-е изд. Гаага : Международный совет по коммерческому арбитражу, 2025. С. 77.
[332] Хвалей В.В. Дерогационный эффект арбитражного соглашения // Арбитражная практика. 2009. № 10. С. 38.
[333] Born G. Op. cit. P. 1376–1380.
[334] Federal Arbitration Act (USA), 9 U.S.C. § 3.
[335] Закон Англии об арбитраже 1996 г. S. 9.
[336] International Arbitration Act 1994 (Singapore), 2020 Revised Edition [Электронный ресурс]. URL: https://sso.agc.gov.sg/Act/IAA1994 (дата обращения: 28.08.2026). S. 6.
[337] Zivilprozessordnung (Austria), RGBl. Nr. 113/1895, § 584 Abs. 1 [Электронный ресурс]. URL: https://www.ris.bka.gv.at/GeltendeFassung.wxe?Abfrage=Bundesnormen&Gesetzesnummer=10001699 (дата обращения: 28.08.2026).
[338] Code judiciaire (Belgium), art. 1682, § 1.
[339] Zivilprozessordnung (Germany), § 1032 Abs. 1 [Электронный ресурс]. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/zpo/__1032.html (дата обращения: 28.08.2026).

Франции[340] и Швейцарии[341], — законодательство предписывает судам не приостанавливать производство, а отказывать в принятии исковых заявлений в связи с существованием арбитражного соглашения. Указанные законы по общему правилу не исключают повторной подачи иска в случае, если стороны решат отказаться от рассмотрения спора в арбитраже[342].

Отмечается, что с международной точки зрения различие между приостановлением и прекращением судебного разбирательства по существу носит семантический, а не материальный характер[343]. В правопорядках как континентальной, так и системы общего права эффект действий суда одинаков: истцу запрещается продолжать рассмотрение спора по существу в государственном суде, компетенция которого далее ограничивается лишь рассмотрением заявления об отмене арбитражного решения и вопросов его признания и приведения в исполнение или, в исключительных случаях, оказанием содействия третейскому разбирательству. В этом смысле реальной разницы между приостановлением и прекращением разбирательства не существует. А.Г. Котельников выражает схожую точку зрения, отмечая, что обе меры эффективно препятствуют разрешению спора по существу в государственных судах[344]. Но с точки зрения отечественного процессуального права эти механизмы могут влечь существенно различные процессуальные последствия.

В Российской Федерации правило о направлении сторон в арбитраж получило отражение в статье 8 Закона о МКА, которая закрепляет, что суд должен «прекратить производство и направить стороны в арбитраж». Отличие от текста статьи 8 Типового закона ЮНСИТРАЛ состоит в том, что последний не содержит указания на прекращение производства по делу, тогда как российский закон конкретизирует этот шаг. Сами процессуальные правила о

---

[340] Code de procédure civile (France), Art. 1448.
[341] Bundesgesetz über das Internationale Privatrecht (IPRG) vom 18. Dezember 1987 (Switzerland), SR 291, art. 7 [Электронный ресурс]. URL: https://www.fedlex.admin.ch/eli/cc/1988/1776_1776_1776/de (дата обращения: 28.08.2026).
[342] Котельников А.Г. Указ. соч. С. 237.
[343] Born G. Op. cit. P. 1383.
[344] Котельников А.Г. Указ. соч. С. 237.

возможных действиях государственного суда при наличии арбитражного соглашения регулируются АПК и ГПК РФ. Оба данных кодекса предусматривают в качестве последствия не прекращение производства по делу, а иное — оставление искового заявления без рассмотрения.

В доктрине отмечается, что в этой связи в российском законодательстве существует правовая коллизия между Нью-Йоркской конвенцией и Законом о МКА, с одной стороны, и процессуальными кодексами РФ — с другой[345]. Последствия проявления коллизии в этих сферах принципиально различаются: прекращение производства по делу исключает возможность повторного обращения в суд с тождественным требованием, поскольку повторное обращение в суд по спору между теми же лицами, о том же предмете и по тем же основаниям не допускается (часть 3 статьи 151 АПК РФ, статья 221 ГПК РФ), а наличие вступившего в законную силу судебного акта по такому спору является самостоятельным основанием для прекращения производства по делу (пункт 2 части 1 статьи 150 АПК РФ) или отказа в принятии искового заявления (пункт 2 части 1 статьи 134 ГПК РФ). При этом оставление искового заявления без рассмотрения, напротив, не лишает заявителя права повторно обратиться в суд после устранения обстоятельств, препятствующих рассмотрению дела: согласно части 3 статьи 149 АПК РФ повторная подача иска возможна, как только указанные обстоятельства будут устранены[346].

А.И. Коломиец предлагает объяснять такого рода непоследовательность спецификой отечественной процессуальной терминологии: в российском законодательстве используется «имплементированное» различение между «прекращением производства» в широком смысле (*lex specialis*, охватывающем любое завершение процессуальной деятельности суда) и «прекращением производства по делу» как конкретным процессуальным

---

[345] Признание и приведение в исполнение иностранных арбитражных решений… С. 71.

[346] См. также в контексте предыдущей редакции АПК РФ: Определение Конституционного Суда РФ от 21.06.2000 № 123-О // СПС «КонсультантПлюс».

институтом главы 18 АПК РФ[347]. С этой точки зрения вынесение определения об оставлении заявления без рассмотрения функционально завершает (прекращает) производство в том же значении, которое придается термину «прекращение» в пункте 1 статьи 8 Закона о МКА.

А.И. Муранов предлагает иное объяснение использования термина «прекращение разбирательства» в статье 8 Закона о МКА, связанное с моментом разработки Закона о МКА и использованных институтов в отношении третейского разбирательства, контролировавшегося государством[348]. Данный подход видится обоснованным. С этим выводом согласны и некоторые государственные суды[349].

Возникает вопрос о необходимости изначально включать положения о прекращении разбирательства, которых, как снова отметим, в Типовом законе ЮНСИТРАЛ не содержится[350]. Включением такого положения законодатель отошел и от модели, которая используется в странах общего права, и от модели стран континентальной правовой традиции, регулирование которых предусматривает возможность повторного обращения в суд в случае «проблем» с арбитражным соглашением.

По сути, российский законодатель избрал самый строгий (проарбитражный) подход, когда при наличии арбитражного соглашения у заинтересованной стороны вообще нет возможности снова обратиться в государственный суд. Единственный путь — полностью пройти процедуру

---

[347] Коломиец А.И. Арбитражная оговорка: актуальные вопросы действительности и исполнимости в практике арбитражных судов при заявлении стороной спора возражений // Вестник арбитражной практики. 2020. № 5. С. 65.

[348] Муранов А.И. Прекращение производства в государственном суде, его обязанность направить стороны в арбитраж, пререкания о подсудности и патологии третейских соглашений: экстравагантность юридических конструкций в статье 8 «Арбитражное соглашение и предъявление иска по существу спора в суде» Закона РФ 1993 года «О международном коммерческом арбитраже» // СПС «КонсультантПлюс».

[349] Определение Арбитражного суда Республики Башкортостан от 21.03.2022 по делу № А07-22062/2021; Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 29.07.2019 по делу № А76-14685/2019: «Изложенные в норме части 1 статьи 8 Закона Российской Федерации от 07.07.1993 № 5338-1 “О международном коммерческом арбитраже” положения о полномочиях арбитражного суда прекратить производство по делу в случае, если подан иск по вопросу, являющемуся предметом арбитражного соглашения, не подлежат применению, поскольку были приняты в соответствии с ранее действовавшей нормой подпункта 3 статьи 104 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации 1992 года, и в настоящее время не соответствуют положениям действующего Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации».

[350] Признание и приведение в исполнение иностранных арбитражных решений… С. 87.

арбитражного разбирательства и оказаться в суде на этапе приведения в исполнение решения[351]. Однако, по нашему мнению, такой вариант является искусственным и свидетельствует о законодательном упущении, до настоящего времени не устраненном.

Может показаться, что проблема ясна, изжила себя и не требует вмешательства. В подтверждение этого тезиса можно указать, что Пленум Верховного Суда Российской Федерации указал, что суд оставляет исковое заявление без рассмотрения со ссылкой на пункт 5 части 1 статьи 148 АПК РФ и абзац шестой статьи 222 ГПК РФ[352]. Конечно, не вызывает сомнений, что в связи с *lex posterior* более позднее законодательство должно иметь приоритет, но, с другой стороны, Закон о МКА является *lex specialis* в отношении международного арбитража. Противоречие остается насущным.

Во-первых, даже Верховный Суд в одном и том же пункте постановления Пленума ссылается одновременно и на нормы процессуальных кодексов, и на нормы статьи 8 Закона о МКА.

Во-вторых, противоречие между нормами Закона о МКА и АПК РФ продолжает порождать сложности для судов[353]. Даже после разъяснений Верховного Суда существует практика прекращения производства вместо оставления исков без рассмотрения. В одном деле арбитражный суд прекратил производство по делу в связи с наличием арбитражного соглашения[354], что также было подтверждено апелляционной инстанцией[355]. Кассационная инстанция отменила акт только в связи с иным отношением к исполнимости арбитражного соглашения, но не прокомментировала неверный способ

---

[351] Муранов А.И. Указ. соч. С. 6.

[352] Пункт 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.12.2019 № 53 «О выполнении судами Российской Федерации функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства, международного коммерческого арбитража» // Российская газета. 2019. 25 дек. № 291.

[353] Коломиец А.И. Арбитражная оговорка: актуальные вопросы действительности и исполнимости в практике арбитражных судов при заявлении стороной спора возражений. С. 65. Путаница существует и в литературе, см.: Батяев А.А., Терехова Ю.К. Комментарий к Закону РФ от 7 июля 1993 г. № 5338-1 «О международном коммерческом арбитраже» // СПС «Гарант».

[354] Определение Арбитражного суда Иркутской области от 17.01.2023 по делу № А19-10204/2022.

[355] Постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда от 26.04.2023 № 04АП-1026/2023 по делу № А19-10204/2022.

прекращения производства (в широком смысле)[356]. При этом кассационная инстанция явно указала, что дело изначально «прекращено на основании статьи 8 Закона Российской Федерации от 07.07.1993 № 5338-1 “О международном коммерческом арбитраже”, пункта 1 части 1 статьи 150 АПК РФ».

Представляется обоснованным вывод о том, что оставление искового заявления без рассмотрения фактически завершает (прекращает) производство по делу посредством вынесения соответствующего определения суда, что не вступает в противоречие с требованиями пункта 1 статьи 8 Закона о МКА[357]. Российский механизм, в котором производство завершается оставлением заявления без рассмотрения, обеспечивает соблюдение негативного обязательства из арбитражного соглашения, не закрывая при этом полностью процессуальный путь в государственный суд в случаях, когда арбитражное соглашение окажется неисполнимым по независящим от сторон причинам.

С точки зрения самого оставления искового заявления без рассмотрения, государственный суд не вправе направлять стороны в арбитраж по собственной инициативе. Осуществление дерогационного эффекта арбитражного соглашения зависит от процессуального поведения сторон: право на арбитраж может быть утрачено, если участвующая в разбирательстве сторона не заявила о существовании арбитражного соглашения либо не ходатайствовала о приостановлении судебного процесса и передаче спора в арбитраж или обе стороны отказались от своих обязательств по арбитражному соглашению[358].

Ключевым условием для направления сторон в арбитраж является то, что суд обязан сделать это «по просьбе одной из сторон» в соответствии с условиями Нью-Йоркской конвенции. Использование термина «должен» исключает возможность усмотрения. При поступлении соответствующего

---

[356] Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 19.07.2023 № Ф02-3458/2023 по делу № А19-10204/2022.
[357] Коломиец А.И. Арбитражная оговорка: актуальные вопросы действительности и исполнимости в практике арбитражных судов при заявлении стороной спора возражений. С. 65.
[358] Fouchard P., Gaillard E., Goldman B. Op. cit. P. 405.

ходатайства суд не вправе отказать в передаче спора в арбитраж. Альтернативная формула, например, «может», предполагала бы дискреционный характер полномочия, однако Нью-Йоркская конвенция и национальное законодательство сознательно используют императив, устраняя любую неопределенность в этом вопросе[359]. Таким образом, при наличии действительного и исполнимого арбитражного соглашения и надлежаще заявленного возражения от одной из сторон суд не вправе продолжать разбирательство по существу.

Нью-Йоркская конвенция не содержит положений, определяющих предельный процессуальный момент, до которого сторона арбитражного соглашения вправе обратиться в государственный суд с просьбой о направлении спора в арбитраж. Разрешение данного вопроса отнесено к сфере регулирования иных международных договоров в области арбитража, а также национального процессуального законодательства государств-участников.

В Руководстве МСКА по толкованию Нью-Йоркской конвенции подчеркивается, что большинство национальных законов об арбитраже требует заявления просьбы о направлении сторон в арбитраж до представления защиты по существу требований (*in limine litis*)[360].

В США выдвигалась так называемая доктрина переплетения (*intertwining doctrine*), согласно которой, если спор включает как арбитрабельные, так и неарбитрабельные требования, то целесообразно рассматривать их совместно в суде[361]. Вместе с тем американские суды обоснованно признали, что эта доктрина неприменима в контексте Нью-Йоркской конвенции, которая императивно требует направления арбитрабельных требований в арбитраж.

В соответствии с пунктом 3 статьи VI Европейской конвенции государственный суд обязан приостановить разбирательство по вопросу о

---

[359] Признание и приведение в исполнение иностранных арбитражных решений… С. 80.
[360] Руководство МСКА по толкованию Нью-Йоркской конвенции 1958 года: пособие для судей. С. 47.
[361] Born G. Op. cit. P. 1384.

компетенции арбитража, если оно было начато до момента обращения одной из сторон в государственный суд. Исключение из данного правила допускается лишь в том случае, если у суда имеются «достаточно существенные основания» для отказа в приостановлении производства.

Указанная формула не наделяет государственный суд полномочиями на проведение полноценной проверки арбитражного соглашения, а предполагает лишь его предварительную (*prima facie*) оценку с точки зрения наличия и действительности. При этом положения Европейской конвенции не могут рассматриваться как устанавливающие самостоятельные или дополнительные основания для судебного вмешательства, выходящие за рамки, предусмотренные национальным законодательством. Напротив, цель Конвенции состоит в поощрении и обеспечении эффективности международного коммерческого арбитража, а не в расширении возможностей судебного контроля за арбитражным разбирательством[362].

Вместе с тем отдельные национальные правопорядки создают препятствия для реализации этой обязанности. Так, испанское законодательство требует заявить ходатайство о приостановлении разбирательства в течение десяти дней в соответствии с Гражданским процессуальным кодексом, что в международных делах зачастую невозможно или крайне затруднительно[363]. Подобный подход фактически сводит на нет действие статьи II(3) Нью-Йоркской конвенции, противореча ее целям и лишая стороны возможности реализовать свое право на арбитраж.

Российское процессуальное регулирование указывает, что возражение против юрисдикции государственного суда при наличии арбитражного соглашения должно быть заявлено стороной «не позднее дня представления своего первого заявления по существу спора» (пункт 5 части 1 статьи 148 АПК РФ; абзац шестой статьи 222 ГПК РФ). Сама по себе ссылка на арбитражное

---

[362] Асосков А.В. Коллизионное регулирование договорных обязательств. М. : Инфотропик Медиа, 2012. С. 521.

[363] López-Ibor A., Henriquez de Luna P., Jover V. Arbitration Procedures and Practice in Spain: Overview [Электронный ресурс]. URL: https://uk.practicallaw.thomsonreuters.com/w-013-3979 (дата обращения: 23.04.2026).

соглашение, без соответствующего заявления о прекращении разбирательства в государственном суде, недостаточна[364].

При этом особый случай оценки исполнимости арбитражного соглашения сложился в российском правопорядке после введения в АПК РФ статей 248.1 и 248.2. Часть 4 статьи 248.1 АПК РФ позволяет подсанкционным российским лицам переносить споры в российские арбитражные суды, когда арбитражное соглашение неисполнимо в силу применения в отношении одной из сторон такого соглашения ограничений, препятствующих доступу к правосудию. Тем самым в национальном законодательстве появилось специальное основание неисполнимости, которое государственный суд оценивает при решении вопроса о направлении сторон в арбитраж.

При признании арбитражных соглашений неисполнимыми суды Российской Федерации руководствуются правовой позицией Верховного Суда РФ о том, что российскому подсанкционному лицу достаточно представить суду доказательства принятия односторонних экономических ограничений[365]. При этом отдельного доказывания препятствий в доступе к правосудию не требуется, поскольку факт введения санкций в отношении российских лиц признается общеизвестным[366].

Здесь необходимо обратить внимание на абзац пятый пункта 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 декабря 2019 года № 53. Верховный Суд РФ отметил, что при решении вопроса об оставлении искового заявления без рассмотрения из-за арбитражного соглашения суд должен выявить очевидные признаки недействительности, неисполнимости или утраты силы такого соглашения. А.В. Гребельский отмечает, что в международной практике порог для признания арбитражного соглашения

---

[364] Научно-практический постатейный комментарий к законодательству о третейских судах. С. 89.

[365] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 9 декабря 2021 года № 309-ЭС21-6955(1-3) по делу № А60-36897/2020. См. подробнее: Вунукайнен В.С. Исключительная компетенция российских судов по санкционным спорам: падающего толкни? // Новые горизонты международного арбитража : сб. ст. Вып. 7. М., 2022. С. 103–111.

[366] Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 26.12.2022 № Ф03-6497/2022 по делу № А73-15265/2022.

неисполнимым является «чрезвычайно высоким»[367]. К.В. Петрова также указывает на необходимость применения самого высокого стандарта доказывания[368]. С таким подходом в целом следует согласиться.

Но в контексте применения части 4 статьи 248.1 АПК РФ по аналогичному вопросу Верховный Суд изменил свой подход к стандарту доказывания неисполнимости арбитражного соглашения и, фактически, понизил его до низкого стандарта «*prima facie* убедительность»[369], также сместив бремя доказывания с заявителя. Если сделать еще шаг дальше, то суд на деле закрепил презумпцию неисполнимости арбитражного соглашения в случае участия в споре подсанкционного лица[370].

Такая позиция указывает на противоречия и сложности, связанные с доказыванием неисполнимости арбитражных соглашений в контексте применимых ограничительных мер, и требует дополнительной корректировки со стороны Верховного Суда[371]. По данному вопросу высказался Конституционный Суд РФ в своих отказных определениях, указывая на то, что содержание статей 248.1 и 248.2 АПК РФ «не предполагает автоматического применения предусмотренных ими процедур»[372].

Отдельно заслуживает внимания позиция, согласно которой Закон о МКА, закрепляющий схожие с Нью-Йоркской конвенцией принципы и отдельно закрепляющий положение о том, что арбитражное соглашение должно толковаться в пользу действительности и исполнимости, является

---

[367] Гребельский А.В. Распределение бремени доказывания в делах о принятии антиисковых обеспечительных мер на основании ст. 248.2 АПК РФ // Вестник арбитражной практики. 2023. № 6. С. 32.
[368] Петрова К.В. Указ. соч. С. 13.
[369] Карапетов А.Г., Косарев А.С. Стандарты доказывания: аналитическое и эмпирическое исследование // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. Приложение к Ежемесячному журналу. 2019. № 5. Специальный выпуск. С. 62.
[370] Гребельский А.В. Указ. соч. С. 34.
[371] См., например: Засемкова О.Ф. Особенности применения ч. 4 ст. 248.1 АПК РФ в спорах с участием подсанкционных лиц: вопросы, поставленные практикой // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 9. С. 8–9; Коломиец А.И. Исполнимость арбитражного соглашения: к чему ведут превентивные меры // Вестник арбитражной практики. 2023. № 2. С. 28–34.
[372] Определение Конституционного Суда РФ от 29.04.2025 № 999-О; определение Конституционного Суда РФ от 14.10.2025 № 2615-О.

более специальной нормой по отношению к АПК РФ[373]. Так, российский суд, при возникновении сомнений, должен руководствоваться принципами толкования арбитражного соглашения в пользу его исполнимости, учитывая повышенные стандарты доказывания обратного.

Установление исключительной юрисдикции национальных судов, как правило, обосновывается наличием публичного интереса государства, требующего концентрации рассмотрения определенных категорий споров в пределах его судебной системы[374]. В рассматриваемом контексте соответствующая конструкция, по существу, направлена на обеспечение процессуальной защиты российских лиц, подпавших под ограничительные меры, и на минимизацию рисков их участия в международном арбитраже в условиях, когда доступ к эффективной судебной защите за рубежом может быть затруднен.

Резюмируя вышесказанное, баланс интересов сторон изменяет не столько принятие нормы части 4 статьи 248.1 АПК РФ, которая привнесла специальное основание для признания соглашения неисполнимым, сколько презумпция, созданная Верховным Судом. Именно существенный перенос стандарта и бремени доказывания ставит под сомнение следование международно-правовым обязательствам Российской Федерации в сфере международного арбитража, вмешиваясь в его архитектуру.

Заявителям также необходимо учитывать, что признание арбитражного соглашения неисполнимым по причине препятствий в реализации права на разбирательство или доступа к арбитражу приводит лишь к относительной неисполнимости арбитражного соглашения, но не абсолютной. Связано это с тем, что оппонент может не согласиться с оценкой российского суда о

---

[373] Гребельский А.В. Указ. соч. С. 32. См. также: Коломиец А.И. Исполнимость арбитражного соглашения: к чему ведут превентивные меры. О данной коллизии также шла речь выше при рассмотрении вопроса о приостановлении разбирательства в суде по нормам Закона о МКА и АПК РФ.

[374] Старженецкий В.В., Очирова С.Б. Влияние санкций на разрешение внешнеэкономических споров: сохранение status quo или поиск альтернативных юрисдикций? // Международное правосудие. 2020. Т. 10. № 4. С. 157.

неисполнимости соглашения и подсанкционному лицу все равно будет необходимо защищать свои интересы в международном арбитраже, особенно если существует возможность исполнения решения за пределами РФ. Кроме этого, сами санкционные ограничения у такого заявителя могут прекратиться, например, при успешном оспаривании принятия персональных ограничительных мер.

Отдельно необходимо отметить, что, подав иск в государственный суд, сторона не может в одностороннем порядке отказаться от своего негативного обязательства из арбитражного соглашения. Это связано с общим обязательным характером арбитражного соглашения, которое не предусматривает односторонний отказ.

Как отмечает автор одного из ключевых комментариев к исполнимости арбитражных и пророгационных соглашений Д. Джозеф, при применении английского права к арбитражному соглашению последствия одностороннего (незаконного) отказа будут аналогичны последствиям отказа от иных договорных обязательств. Арбитражное соглашение может быть прекращено вследствие одностороннего отказа стороны от исполнения обязательств, вытекающих из данного соглашения[375].

Д. Джозеф также отмечает, что стороны, заключившие арбитражное соглашение, вправе отказаться от участия в конкретном разбирательстве, однако такой отказ не влечет автоматического прекращения действия арбитражного соглашения, сохраняющего силу для разрешения будущих споров между сторонами, если только последующее поведение сторон прямо не указывает на их намерение полностью выйти за рамки арбитражного режима урегулирования разногласий[376]. Это связано с характеристикой арбитражного соглашения, о которой мы говорили ранее, — оно не

[375] Joseph D. Jurisdiction and Arbitration Agreements and their Enforcement. 3rd ed. London : Sweet & Maxwell, 2015. P. 153–154.
[376] Rederi Kommanditselskaabet Merc-Scandia IV v Couniniotis S.A. (The Mercanaut) [1980] 2 Lloyd’s Rep 183; World Pride Shipping Ltd v Daiichi Chuo Kisen Kaisha, The Golden Anne [1984] 2 Lloyd’s Rep 489; Dubai Islamic Bank v PSI Energy Holding [2011] EWHC 1019; [2011] 1 C.L.C. 595.

«исполняется» при разрешении одного конкретного спора и может продолжать быть исполнимым и далее. Со ссылкой на практику канадских судов недопустимость одностороннего отказа отмечала и А.И. Коломиец[377].

При этом для стран общего права данный аспект важен в связи с тем, что сторона действительно могла в одностороннем порядке отказаться от исполнения арбитражного соглашения. Как указывает Е.П. Русакова, арбитражное разбирательство рассматривалось как ограничение действия судебной юрисдикции, что привело к возникновению феномена «судебной неисполнимости» арбитражного соглашения[378]. А.Д. Кейлин отмечал, что сторону невозможно принудить к проведению арбитражного разбирательства, в связи с существованием принципа «отзывности» арбитражного соглашения[379]. Применение данного принципа все менее поддерживается, тогда как отмечается обязательность арбитражного соглашения для сторон[380]. Представляется, что практика одностороннего отказа от арбитражного соглашения недопустима и в России, что может приводить к выплате убытков за нарушение условий арбитражных соглашений.

Таким образом, обязанность государственного суда направить стороны в арбитраж в случае нарушения арбитражного соглашения представляет собой ключевой процессуальный механизм реализации негативного обязательства сторон не обращаться в государственные суды. Нью-Йоркская конвенция и Типовой закон ЮНСИТРАЛ сознательно не унифицируют форму такой реакции, оставляя ее конкретизацию национальному процессуальному праву (*lex fori*).

Формулировка пункта 1 статьи 8 Закона о МКА, предписывающая суду «прекратить производство и направить стороны в арбитраж», не согласуется с действующими нормами АПК и ГПК РФ, которые не предусматривают

---

[377] Коломиец А.И. Арбитражная оговорка: актуальные вопросы действительности и исполнимости в практике арбитражных судов при заявлении стороной спора возражений. С. 65–66.
[378] Русакова Е.П. Рассмотрение торговых споров международными коммерческими арбитражами Англии : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 113.
[379] Кейлин А.Д. Судоустройство и гражданский процесс капиталистических государств. М. : Внешторгиздат, 1961. Ч. 3. Арбитраж. С. 66–67.
[380] Карабельников Б.Р. Указ. соч. С. 32.

прекращение производства по делу в качестве процессуального последствия наличия арбитражного соглашения и не конкретизируют механизм реализации «направления сторон» в арбитраж. Такая терминологическая непоследовательность привела к устойчивой коллизии между специальным арбитражным законом и процессуальными кодексами, порождая неопределенность в судебной практике и создавая риск неправомерного ограничения права на судебную защиту.

В целях устранения выявленной несогласованности и обеспечения правовой определенности целесообразно внесение изменений в статью 8 Закона о МКА, направленных на приведение ее терминологии в соответствие с процессуальными кодексами Российской Федерации. Оптимальным решением является замена формулы «прекратить производство» на указание на обязанность суда оставить исковое заявление без рассмотрения при наличии действительного и исполнимого арбитражного соглашения и надлежаще заявленного возражения стороны.

§ 2. Антиисковый запрет как способ обеспечения исполнения обязательств из арбитражного соглашения

Как уже было установлено выше, в силу положений Нью-Йоркской конвенции любой национальный суд, в который подан иск в нарушение условий арбитражного соглашения, при наличии соответствующего возражения от одной из сторон, должен направить стороны в арбитраж[381].

Однако возникает вопрос: что если такой суд не исполняет предписание по направлению сторон в арбитраж, а продолжает рассмотрение спора в нарушение арбитражного соглашения? Такие случаи возможны по различным причинам, включая отношение конкретной юрисдикции к арбитражу, неарбитрабельность спора, стадию судебного разбирательства и иные факторы[382].

---

[381] Paulsson M. The 1958 New York Convention in action. Alphen aan den Rijn : Wolters Kluwer, 2016. P. 61.

[382] Sanyal A., Han M. Are Anti-Suit Injunctions by the English Courts «Suited» to Protect Foreign Seated Arbitrations? Observations on recent judgments involving sanctioned Russian entities and suggested alternatives // Revista Română de Arbitraj. 2024. P. 122.

В подобных ситуациях стороны могут обратиться в суд по месту арбитража или иной компетентный суд с ходатайством о применении обеспечительной меры, которая, в числе прочего, выражается в виде запрета на возбуждение или продолжение разбирательства в государственном суде — антиисковый запрет. По своей сути антиисковая мера является запретом на совершение процессуальных шагов, которые нивелируют юрисдикцию состава арбитража и запрещают обращение в государственные суды в нарушение арбитражного соглашения.

Статья 8 Типового закона ЮНСИТРАЛ не ограничивает применение антиисковых мер, так как она не охватывает ситуации, направленные на ограничение зарубежных разбирательств, инициированных в нарушение арбитражного соглашения[383]. Антиисковые меры могут применяться как самими арбитражами, так и государственными судами. Об этом прямо говорится в статьях 9, 17J и 17(2)(b) Типового закона ЮНСИТРАЛ, которые указывают, что суды могут принимать соответствующие меры для предупреждения ущерба самому арбитражу. В *travaux préparatoires* к Типовому закону ЮНСИТРАЛ также указывается, что такие меры могут применяться, если сторона в нарушение арбитражного соглашения обратилась в государственный суд[384].

Примечательно здесь, что статья 9 Типового закона ЮНСИТРАЛ по смыслу не содержит ограничений относительно того, в какой именно национальный суд возможно обратиться за обеспечительной мерой. В пояснительной записке к Типовому закону ЮНСИТРАЛ указывается, что эта статья «*в конечном итоге адресована судам любого государства, в той мере, в какой он устанавливает совместимость между обеспечительными мерами,*

---

[383] Bantekas I. Arbitration Agreement and Substantive Claim before Court // UNCITRAL Model Law on International Commercial Arbitration: A Commentary / ed. I. Bantekas, M.A. Gomez, M. Polkinghorne, P. Ortolani, S. Ali. Cambridge : Cambridge University Press, 2020. P. 147.

[384] Draft report of the Working Group on Arbitration and Conciliation on the work of its 43rd session : addendum. Paras. 20–26.

которые могут быть приняты любым судом, и арбитражным соглашением, независимо от места проведения арбитража»[385].

Судебные антиисковые меры исторически являются инструментом правопорядков общего права. Английские суды выносят антиисковые меры в поддержку арбитражных разбирательств, начиная с решения Апелляционного суда по делу *Aggeliki Charis Compania Maritima S.A. v. Pagnan SpA*[386]. Указанное дело свидетельствует, что такая мера, как правило, будет предоставлена в ситуации, когда иной национальный суд отказывается приостановить разбирательство в соответствии со статьей II(3) Нью-Йоркской конвенции[387]. Ниже мы рассмотрим некоторые важные характеристики и критерии принятия мер.

Первым важным обстоятельством вынесения антиисковой меры английским судом является определение компетенции и полномочий суда. Особенность английского подхода в том, что основания для сохранения обязательств из арбитражного соглашения регулируются не специальными нормами (например, Законом Англии об арбитраже 1996 г.), а выводятся из законодательных полномочий английских судов принимать любые меры «во всех случаях, когда суд сочтет это справедливым и необходимым»[388]. Так, английские суды выводят полномочия на вынесение антиисковых запретов из статьи 37 Закона Англии о высших судах 1981 г. (Senior Courts Act 1981)[389], предоставляющей судам право выносить судебные запреты в целом. Такой подход традиционно обосновывается осуществлением судами юрисдикции права справедливости (*equitable jurisdiction*), которая позволяет вмешиваться в тех случаях, когда поведение стороны является недобросовестным, несправедливым или направленным на злоупотребление[390].

---

[385] Ibid. Para. 22.
[386] Aggeliki Charis Compania Maritima SA v Pagnan SpA (The Angelic Grace) [1995] 1 Lloyd's Rep 87.
[387] The Angelic Grace. P. 92.
[388] UniCredit Bank GmbH v RusChemAlliance LLC [2024] UKSC 30 [90].
[389] Senior Courts Act 1981 (England and Wales), s. 37 [Электронный ресурс]. URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1981/54/section/37 (дата обращения: 07.12.2025).
[390] Fisher G. Anti-suit Injunctions to Restrain Foreign Proceedings in Breach of an Arbitration Agreement // Bond Law Review. 2010. P. 1.

Судебная практика указывает, что реализация полномочий из статьи 37 возможна, если одна из сторон нарушает или угрожает нарушить право другой стороны, подлежащее защите, и при этом нарушившая сторона находится под юрисдикцией английского суда[391]. В контексте арбитражного соглашения суды защищают негативное обязательство, содержащееся в арбитражном соглашении, то есть обязательство не инициировать судебное разбирательство в государственном суде[392]. Некоторые авторы прямо указывают, что антиисковые меры можно приравнять к принудительному исполнению негативного обязательства из арбитражного соглашения[393].

Вместе с тем следует оговориться, что подход английских судов в определении своей юрисдикции является крайне широким. Для надзорной функции английского суда в целях принятия мер место арбитража в Великобритании не является обязательным. Достаточно применимости английского права к арбитражному соглашению, которая до принятия нового Закона Англии об арбитраже 2025 г. также определялась не по юридическому месту арбитража[394].

Верховный суд Великобритании разъяснил, что вынесение мер, направленных на защиту арбитражного соглашения, соответствует Типовому закону ЮНСИТРАЛ[395]. Также суд отметил, что для вынесения антиисковой меры в поддержку арбитража суду менее важны интересы вежливости (*comity*), поскольку арбитражное соглашение регулируется Нью-Йоркской конвенцией, обязывающей суды передавать рассмотрение спора в арбитраж при его действительности. Из этого же следует, что такие меры по умолчанию

---

[391] Ust-Kamenogorsk Hydropower Plant v AES Ust-Kamenogorsk Hydropower Plant LLP [2013] UKSC 35, para. 20.
[392] Sanyal A., Han M. Op. cit. Section III(i).
[393] Waincymer J. Procedure and Evidence in International Arbitration. Alphen aan den Rijn : Kluwer Law International, 2012. P. 659; Tan D., Yeo N. Breaking Promises to Litigate in a Particular Forum: Are Damages an Appropriate Remedy? // Lloyd's Maritime and Commercial Law Quarterly. 2003. P. 437–438.
[394] Кайсин Д., Асланян А., Кизько И. Применимое право к арбитражной оговорке: сравнительно-правовой анализ // Международное правосудие. 2022. № 1 (41). С. 99–112.
[395] UniCredit Bank GmbH v RusChemAlliance LLC [2024] UKSC 30 [86–87].

выносятся судами, которыми рассмотрение спора не предполагалось вообще[396].

В случае неисполнения решения английского суда возможна санкция за неуважение к суду (*contempt of court)*[397]. Такая ответственность является уголовной и может повлечь наложение штрафа или лишение свободы[398].

Второе важное обстоятельство — обращение о принятии антиисковой меры должно осуществляться безотлагательно, до того как иностранное разбирательство продвинется на существенную стадию[399]. Так, английские суды могут отказать в предоставлении антиискового запрета, если установят, что его вынесение приведет к ущербу для ответчика в силу поздней стадии разбирательства в иностранном суде либо если иностранный суд уже приступил к рассмотрению дела по существу[400].

Третьим обстоятельством, принимаемым судами во внимание, является возможность возмещения понесенного ущерба в виде присуждения убытков[401]. Антиисковая мера может быть не предоставлена, если суд сочтет, что сторона получит надлежащую компенсацию в силу иных средств правовой защиты, в частности получит денежное возмещение.

Несмотря на такую однозначную позицию английских судов, лорд-судья Леггатт[402] отметил, что традиционное объяснение природы антиисковых мер как мер, действующих *in personam* и, следовательно, не затрагивающих юрисдикцию иностранного суда, «*может нуждаться в пересмотре*»[403]. Он подчеркнул, что такая концепция имеет практический смысл лишь тогда,

---

[396] Ibid. [78–79].
[397] Ibid. [108].
[398] Contempt of Court Act 1981 (England and Wales), s. 14 [Электронный ресурс]. URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1981/49/contents (дата обращения: 12.04.2026). См.: Patel v. Patel and others [2017] EWHC 3229 (Ch). См. также: Ходыкин Р.М. Антиисковые обеспечительные меры в цивилистическом процессе и международном арбитраже // Вопросы международного частного, сравнительного и гражданского права, международного коммерческого арбитража: LIBER AMICORUM в честь А.А. Костина, О.Н. Зименковой, Н.Г. Елисеева / отв. ред. С.Н. Лебедев, Е.В. Кабатова, А.И. Муранов, Е.В. Вершинина. М. : Статут, 2013. С. 280.
[399] Aggeliki Charis Compania Maritima SA v Pagnan SpA (The Angelic Grace) [1995] 1 Lloyd's Rep 87, p. 96.
[400] Sanyal A., Han M. Op. cit. Section III(ii).
[401] Aggeliki Charis Compania Maritima SA v Pagnan SpA (The Angelic Grace) [1995] 1 Lloyd's Rep 87, p. 96.
[402] Тот же судья, который ранее председательствовал в деле The Angelic Grace.
[403] Philip Alexander Securities and Futures Ltd v Bamberger [1996] CLC 1757, 117.

когда ответчик проживает в Англии или располагает активами, обеспечивающими реальное принуждение к выполнению меры. В ситуациях же, где ответчик не имеет связи с английской юрисдикцией, эффективность антиискового запрета фактически зависит от того, признает ли иностранный суд такое решение[404]. Если же иностранный суд отказывает в признании и исполнении мер, английский суд может воздействовать лишь косвенно: например, отказывая в признании решений иностранного суда, вынесенных в нарушение арбитражного соглашения[405].

Подход сингапурских судов к вынесению антиисковых запретов во многом совпадает с подходом английских судов[406]. Высокий суд Сингапура отметил, что при рассмотрении ходатайства о выдаче антиисковой меры необходимо учитывать, является ли продолжение иностранного разбирательства злоупотреблением по отношению к заявителю[407].

Согласно позиции сингапурских судов, даже если иностранное разбирательство носит на первый взгляд характер злоупотребления правом, антиисковая мера не будет предоставлена, если это приведет к несправедливому лишению ответчика возможности продолжить разбирательство за рубежом[408]. Кроме того, одним из ключевых факторов является арбитрабельность спора: суд оценивает, подлежит ли предмет спора арбитражу и не противоречит ли передача спора в арбитраж публичному порядку соответствующего государства[409].

Вместе с тем приверженность данному подходу была поставлена под сомнение после решения Апелляционного суда Сингапура, в котором суд вынес антиисковый запрет, несмотря на то что спор не подлежал арбитражу

---

[404] Fisher G. Op. cit. P. 13.
[405] Born G. Op. cit. P. 1389.
[406] Sanyal A., Han M. Op. cit. Section IV(i).
[407] COSCO Shipping Specialized Carriers Company Ltd v PT OKI Pulp & Paper Mills and others [2024] SGHC 92, para. 35(c).
[408] BC Andaman and Ors. v Xie Ning Yung and Anor. [2017] SGHC 64, para. 104.
[409] Gate Gourmet Korea Co, Ltd. v Asiana Airlines, Inc [2023] SGHC(I) 23, para. 56.

по индийскому праву, а потенциальное арбитражное решение не подлежало бы принудительному исполнению в Индии[410].

Антиисковые запреты также стали предметом длительной «дискуссии» между системами общего и континентального права, особенно между судами Англии и органами правосудия Европейского союза[411]. В решении Суда Европейского союза по делу *Turner v. Grovit* было указано, что антиисковые запреты противоречат основополагающим принципам юрисдикционной системы ЕС[412]. Несмотря на якобы «персональный характер», такие меры фактически затрагивают процессуальные права сторон выбирать суд и применимые процессуальные нормы[413]. Аналогичную позицию Суд Европейского союза занял в деле *West Tankers*[414], где английские суды использовали антиисковые меры в поддержку арбитражного разбирательства с местом в Англии, пытаясь предотвратить параллельные разбирательства в судах государств континентального права. Опираясь на право ЕС, Суд оценил антиисковые запреты как недопустимое вмешательство в юрисдикцию судов государств — членов ЕС и противоречие Регламенту ЕС № 44/2001[415].

Данный вопрос был рассмотрен в деле ОАО «Газпром», где Суд ЕС частично смягчил свою прежнюю позицию[416]. Суд признал, что антиисковые запреты не могут служить основанием для отказа в признании и приведении в исполнение арбитражного решения, хотя и ограничил сферу их применения.

---

[410] Anupam Mittal v Westbridge Ventures II Investment Holdings [2023] SGCA 1.

[411] Ситкарева Е.В. Антиисковые обеспечительные меры в защиту арбитражной оговорки: подходы европейского права // Сравнительное право и проблемы частноправового регулирования в России и зарубежных странах: сборник статей Международной научно-практической конференции памяти доктора юридических наук, профессора В.К. Пучинского. Москва, 17 октября 2015 г. С. 99–104.

[412] Gregory Paul Turner and Felix Fareed Ismail Grovit, Harada Ltd, Changepoint SA, Case C-159/02.

[413] Briggs A. The Conflict of Laws. 3rd ed. Oxford : Oxford University Press, 2013. P. 103–104; Lévy L. Anti-Suit Injunctions Issued by Arbitrators // Anti-Suit Injunctions in International Arbitration / ed. by E. Gaillard. Huntington : Juris Publishing ; Bern : Staempfli, 2005. P. 115–129. (IAI Series on International Arbitration ; No. 2).

[414] Allianz SpA, formerly Riunione Adriatica di Sicurtà SpA, Generali Assicurazioni Generali SpA v. West Tankers Inc., Case C-185/07 (West Tankers).

[415] Регламент № 44/2001 Совета Европейского Союза «О юрисдикции, признании и исполнении судебных решений по гражданским и коммерческим делам». Принят в г. Брюсселе 22.12.2000. Данный регламент заменен Регламентом № 1215/2012 Европейского парламента и Совета Европейского Союза от 12.12.2012.

[416] Gazprom OAO v. Lietuvos Respublika, Case C-536/13, Judgment of the Court of Justice of the European Union (13 May 2015), paras. 27–44.

Подход Суда ЕС необходимо оценивать ограниченно, так как при оценке действительности антиисковых запретов Суд рассматривал вопрос на основании регламента Брюссель I, который закрепляет правила распределения компетенции и подведомственности судов государств — членов ЕС. После Brexit правовые идеи, заложенные в решениях Суда ЕС[417], более не сковывают английскую юрисдикцию в принятии мер против стороны, подавшей иск в ЕС.

Суды континентальных юрисдикций также оценивали допустимость антиисковых запретов. Кассационный суд Франции указал, что антиисковый запрет, вынесенный вне рамок юрисдикции ЕС и направленный на пресечение нарушения договорного обязательства, может быть признан[418]. При этом суд уточнил, что признание возможно лишь при условии, что мера не противоречит международному публичному порядку (*ordre public international*)**.**

Примечательно, что континентальные страны все чаще стали сами выносить антиисковые запреты[419]. Сейчас известно о принятии антиисковых запретов судами Германии[420] и Франции[421].

Вопрос о допустимости антиисковых обеспечительных мер в российском процессе традиционно рассматривался сквозь призму общих норм об обеспечении иска в процессуальном законодательстве[422]. В рамках арбитражного процесса обеспечительные меры допускаются при наличии оснований, закрепленных в статье 90 АПК РФ, и реализуются посредством перечня мер статьи 91 АПК РФ, который является открытым.

Антиисковые меры в целом подпадают под общие требования для принятия обеспечительных мер, где ключевое значение приобретают

---

[417] Селькова А.А. Будущее антиисковых обеспечительных мер после Brexit // Арбитражный и гражданский процесс. 2022. № 4. С. 13–14.
[418] Cass. 1re civ., 14 oct. 2009, n° 08-16.369, Bull. civ. I, n° 201.
[419] Мамедалиева А.В. Антиисковые запреты арбитров: colore officii или разумная мера в борьбе с конкуренцией юрисдикций? // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2024. № 9. С. 112–113.
[420] Nokia v. Continental, Higher Regional Court of Munich, 12 December 2019, Case No. 6 U 5042/19.
[421] IPCom GmbH v. Lenovo, Paris Court of First Instance, 8 November 2019, Case No. RG 19/59311.
[422] О природе таких мер и возможности их принятия до реформы АПК см., например: Ситкарева Е.В. Антиисковые меры: роль и место // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 6. С. 62–65.

срочность, временный характер, направленность на защиту интересов заявителя. Отдельно подчеркивается, что обеспечительные меры по своей природе не должны причинять несоразмерный ущерб ответчику и предполагают оценку суда по критериям связи и соразмерности, а также, при необходимости, применение механизмов встречного обеспечения[423].

Важным критерием принятия обеспечительной меры по АПК РФ является связь меры с предметом требования. Следует согласиться с В.В. Ярковым, который исходит из того, что запрет на возбуждение и/или продолжение иностранного процесса может быть «встроен» в пункт 2 части 1 статьи 91 АПК РФ как запрет совершать определенные действия, касающиеся предмета спора, при условии установления достаточной взаимосвязи между российским требованием и иностранным разбирательством[424]. А.И. Ядыкин также указывает, что проблема критерия связи с предметом спора является центральной в данном вопросе[425]. Соблюдение этого критерия способно осложнять обоснование антиисковой меры, если суд воспринимает иностранное разбирательство как процессуальное поведение, внешнее по отношению к «предмету» материально-правового спора.

В рамках российского регулирования предметом оживленной дискуссии также выступает вопрос о том, может ли судебный запрет на обращение в суд быть согласован с конституционными гарантиями судебной защиты (статья 46 Конституции РФ) и правом на рассмотрение дела тем судом и тем судьей, которым оно подсудно законом (статья 47 Конституции РФ). Р.М. Ходыкин указывает на отсутствие в самих конституционных нормах запрета на принятие антиисковых мер в ситуации, когда они направлены на рассмотрение дела судом, которому оно подсудно по закону (например, в силу договорной подсудности), при условии, что сторона сохраняет возможность представить

---

[423] Ярков В.В. Применение антиисковых обеспечительных мер российскими судами: почему бы и нет? // Закон. 2014. № 8. С. 90; Ядыкин А.И. Институт «антиисковых обеспечительных мер» (anti-suit injunctions) и возможность его применения российскими судами в связи с осуществлением третейского разбирательства // Новые горизонты международного арбитража : сб. ст. Вып. 1. С. 252.
[424] Ярков В.В. Указ. соч. С. 88–91.
[425] Ядыкин А.И. Указ. соч. С. 252–256.

свои доводы и доказательства в компетентном суде[426]. Вместе с тем он отмечает, что в российской правоприменительной культуре нормы о праве на судебную защиту нередко толкуются расширительно — как препятствующие любым ограничениям самой возможности подачи иска, что концептуально осложняет принятие антиискового запрета.

Здесь все же важно отметить, что антиисковые меры должны рассматриваться как направленные на поддержку арбитража, а не на вмешательство в него. Такие меры в принципе не противоречат логике международных обязательств по признанию и исполнению арбитражных соглашений[427]. Они адресованы поведению сторон и пресекают параллельные процессы, а сама возможность судебной поддержки (включая обеспечительные меры) корреспондирует общим положениям Закона о МКА о допустимости обращения в суд за содействием[428].

Высший Арбитражный Суд РФ в этой связи высказал позицию, что антиисковые меры иностранных судов направлены на физических и юридических лиц, которым они адресованы[429]. Такие лица сами определяют и несут риски наступления возможных негативных последствий. Аналогичный вывод применим и в обратной ситуации: когда российский суд принимает меры против злоупотребившей стороны, они распространяются лишь на физических и юридических лиц — сторон спора.

Российской судебной практике известно несколько примеров принятия антиисковых мер[430], однако они не получили должного распространения. Тому есть несколько возможных причин. Как представляется, одна из них заключается в том, что комбинация обстоятельств для принятия антиисковых мер — место арбитража в Российской Федерации, подача исковых заявлений

---

[426] Ходыкин Р.М. Указ. соч. С. 288.
[427] Ядыкин А.И. Указ. соч. С. 243.
[428] Там же. С. 248.
[429] Пункт 32 информационного письма Президиума ВАС РФ от 09.07.2013 № 158 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел с участием иностранных лиц».
[430] Определение Арбитражного суда Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 02.10.2002 по делу № А56-30789/02; Определение Арбитражного суда г. Москвы от 15.08.2012 по делу № А40-26424/2011.

в государственные суды других юрисдикций и недобросовестное поведение ответчика — складывается достаточно редко.

Несмотря на это, можно подтвердить, что российский законодатель воспринял принципиальную возможность принятия антиисковых мер. Как указывает А.А. Козырин, в российском правопорядке сформировалась собственная система антиисковых конструкций, сочетающая элементы подходов общего и континентального права, что обусловлено смешанным характером российской правовой системы и общей тенденцией сближения правопорядков[431].

При этом в РФ развитие получила обратная практика — применения антиарбитражных запретов, то есть мер, запрещающих инициирование или продолжение разбирательства в международном арбитраже. Это стало возможно после введения в АПК РФ статей 248.1 и 248.2. Статьей 248.2 АПК РФ законодатель впервые уполномочил российские арбитражные суды на принятие антиарбитражных мер с целью запрета инициирования или продолжения разбирательств. Примечательно, что, учитывая взаимосвязь статьи 248.2 со статьей 248.1 АПК РФ, произошло не только смещение бремени доказывания отсутствия доступа к правосудию[432], но и смещение бремени доказывания необходимости принятия антиарбитражных мер.

До принятия норм статьи 248.1 АПК РФ А.И. Ядыкин высказывал позицию о соотношении антиисковых мер с Законом о МКА и международными обязательствами: исходя из статей 5 и 9 Закона о МКА, меры, направленные против самого международного арбитража (например, судебный запрет на проведение арбитражного разбирательства либо предписания стороне совершать действия внутри арбитража), вступают в противоречие как с Законом о МКА, так и с Нью-Йоркской конвенцией[433].

---

[431] Козырин А.А. Указ. соч. С. 11–12.
[432] Вунукайнен В.С. Указ. соч. С. 107.
[433] Ядыкин А.И. Указ. соч. С. 248.

Реакция судов стран общего права на российские решения о признании арбитражных соглашений неисполнимыми демонстрирует устойчивую тенденцию к сохранению приоритета арбитражного соглашения и пресечению параллельных процессов[434]. Например, несмотря на позицию российского суда о неисполнимости оговорки Гонконгского международного арбитражного центра (далее — «ГМАЦ»)[435], параллельно были инициированы арбитражные требования в ГМАЦ и подано ходатайство в Высокий суд Гонконга. Суд поддержал исполнимость арбитражного соглашения и оставил в силе запрет, препятствующий продолжению российского судебного разбирательства вопреки оговорке[436]. В смежных спорах по банковским гарантиям (обеспечивавшим исполнение контракта) английские суды, учитывая английское применимое право и наличие арбитражных оговорок МТП (Париж), также подтвердили антиисковые запреты и указали на необходимость разрешения спора в согласованном арбитражном порядке[437].

Иную позицию занял Высший земельный суд Дюссельдорфа, отказавшийся выдать анти-антиарбитражный запрет в ответ на российский антиарбитражный запрет в отношении стокгольмского арбитража[438]. Немецкий суд сослался на принципы территориальности и суверенитета и указал, что защитные меры должны приниматься прежде всего юрисдикцией, в которой находятся производство или активы, а российский запрет сам по себе не препятствует рассмотрению спора в немецкой юрисдикции.

В целом же сравнение практики позволяет заключить, что иностранные суды в большинстве случаев относятся скептически к признанию арбитражных соглашений неисполнимыми на основании лишь санкционного статуса стороны; при этом решение российского суда не связывает сам состав

---

[434] Смирнов Д.Д. Противоположные решения судов об исполнимости арбитражного соглашения // Третейский суд. 2024. № 1/2 (137/138). С. 137–142.
[435] Определение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 15.04.2024 по делу № А56-13299/2024.
[436] Linde GmbH and another v. RusChemAlliance LLC [2023] HKCFI 2409.
[437] UniCredit Bank GmbH v RusChemAlliance LLC [2024] EWCA Civ 64; Deutsche Bank AG v RusChemAlliance LLC [2023] EWCA Civ 1144; Commerzbank AG v RusChemAlliance LLC [2023] EWHC 2510 (Comm).
[438] Oberlandesgericht Düsseldorf, Beschluss vom 17. Juni 2024 – I-26 W 7/24.

арбитража, который в силу *kompetenz-kompetenz* самостоятельно оценивает действительность и исполнимость арбитражного соглашения. Место арбитража, безусловно, будет иметь ключевое значение.

В этой связи необходимо упомянуть и о возможности самого трибунала принимать антиисковые меры.

В ходе 39-й сессии работы Комиссии ООН по праву международной торговли большинство членов рабочей группы высказывались за сохранение включения в сферу действия статьи 17 антиисковых запретов арбитров[439].

Это представляется логичным шагом, учитывая, что невозможно предугадать обстоятельства и юрисдикцию, в которую потребуется обращаться за обеспечительной мерой. В статье 17J Типового закона ЮНСИТРАЛ указывается, что при принятии обеспечительных мер суд осуществляет свои полномочия в соответствии со своими собственными процедурами. Так, при обращении в государственный суд заявителю необходимо будет продемонстрировать юрисдикционную связь национального суда с испрашиваемой мерой.

Полномочия арбитров на вынесение антиисковых запретов подвергаются сомнению со стороны авторитетных исследователей. П. Фридленд и К. Браун утверждают, что арбитры часто не желают выносить антиисковые меры по следующим причинам[440]: арбитры не хотят создавать впечатление вмешательства в юрисдикцию государственных судов; из-за неопределенности относительно полномочий арбитров выносить антиисковые запреты у них возникают обоснованные опасения, что окончательное арбитражное решение может оказаться неисполнимым в иностранных юрисдикциях, где антиисковые запреты не признаются или считаются противоречащими публичному порядку[441]; удовлетворение ходатайства одной

---

[439] Мамедалиева А.В. Антиисковые запреты арбитров: colore officii или разумная мера в борьбе с конкуренцией юрисдикций? С. 117.
[440] Friedland P.D., Brown K.A. Op. cit. P. 268–269.
[441] Lévy L. Op. cit. P. 125.

стороны о вынесении антиискового запрета может повлечь ответное заявление другой стороны о вынесении так называемого анти-антиискового запрета, что приведет к возникновению противоречивых распоряжений в параллельных производствах, а также к дополнительным издержкам и задержкам[442].

Несмотря на высказываемую критику, с ней нельзя согласиться в полной мере: следует признать, что арбитры обладают компетенцией на вынесение антиисковых запретов. Антиисковая мера является непосредственным полномочием арбитров на стимулирование исполнения обязательств сторон из арбитражного соглашения. Как подчеркивается авторами, по сути антиисковая мера арбитров является санкцией за нарушение арбитражного соглашения и тем самым понуждением к его принудительному исполнению[443]. Э. Гайар высказывал мнение, что антиисковые меры от арбитров — это непосредственно принудительное исполнение арбитражного соглашения, то есть исполнение позитивного обязательства[444]. При этом сам автор указывал, что антиисковые запреты, выносимые арбитрами, по своей сути представляют собой не что иное, как распоряжение стороне, действующей в нарушение арбитражного соглашения, исполнить принятое на себя обязательство передать спор в арбитраж[445]. Дж. Вайнсимер в этой связи указывает, что методологически неточно рассматривать антиисковые запреты исключительно как форму понуждения к исполнению арбитражного соглашения[446]. Естественным способом исполнения арбитражного соглашения является участие сторон в арбитражном разбирательстве. Между тем в ситуации, когда ответчик уклоняется от участия в арбитраже, правопорядки, как правило, не прибегают к понуждению к непосредственному исполнению обещания арбитража. Напротив, арбитражная процедура

---

[442] Kerameus K.D. Anti-Suit Injunctions in ICSID Arbitration // Anti-Suit Injunctions in International Arbitration / ed. by E. Gaillard. Huntington : Juris Publishing ; Bern : Staempfli, 2005. P. 137.
[443] Мамедалиева А.В. Антиисковые запреты арбитров: colore officii или разумная мера в борьбе с конкуренцией юрисдикций? С. 115.
[444] Gaillard E. Anti-Suit Injunctions Issued by Arbitrators // International Arbitration 2006: Back to Basics? : ICCA Congress Series No. 13 / ed. by A.J. van den Berg. The Hague : Kluwer Law International, 2007. P. 229.
[445] Ibid. P. 239.
[446] Waincymer J. Op. cit. P. 659.

предполагает, что инициировавшая сторона продолжает разбирательство, представляет свои доводы и, как правило, несет бремя авансирования арбитражных расходов вплоть до вынесения окончательного решения. Таким образом, антиисковые меры вряд ли являются мерой по исполнению обязательства в натуре, а скорее мерой, направленной на ненарушение арбитражного соглашения[447]. Но и явных причин для ограничения арбитров в использовании таких мер нет[448]. В этой связи антиисковые меры, выносимые арбитрами, могут быть не самым эффективным способом стимулирования нарушившей стороны к исполнению арбитражного соглашения[449].

Тем не менее, мерой принуждения они обладают. Во-первых, антиисковые меры являются одним из видов обеспечительных мер, выносимых арбитрами, а потому в ряде юрисдикций возможно их признание и исполнение, хотя и вероятность может быть низкой[450]. Если сторона, в отношении которой арбитры вынесли антиисковый запрет, не исполняет его добровольно, то для достижения предполагаемого эффекта такой арбитражный запрет должен быть приведен в исполнение в той юрисдикции, где ведется параллельное судебное разбирательство[451]. В ряде юрисдикций, таких как Сингапур и Гонконг, допускается исполнение таких мер аналогично исполнению арбитражных решений[452].

Характерным примером такого подхода является арбитражное разбирательство ОАО «Газпром» против Литвы, отмеченное выше. Состав арбитража пришел к выводу, что инициирование одной из сторон судебного разбирательства в национальных судах в обход согласованной арбитражной процедуры нарушает обязательства, вытекающие из арбитражного соглашения[453]. В связи с этим трибунал удовлетворил требование истца и

---

[447] Ibid.
[448] Козырин А.А. Указ. соч. С. 124.
[449] Sanyal A., Han M. Op. cit. P. 121.
[450] Lévy L. Op. cit. P. 126–128.
[451] Friedland P.D., Brown K.A. Op. cit. P. 268.
[452] Мамедалиева А.В. Антиисковые запреты арбитров: colore officii или разумная мера в борьбе с конкуренцией юрисдикций? С. 123.
[453] OAO Gazprom v. The Republic of Lithuania (I), SCC Case No. V125/2011, Final Award (31 July 2012), paras. 225–268.

вынес антиисковый запрет, направленный на прекращение соответствующего судебного процесса. При этом арбитры прямо указали, что такая мера представляет собой форму принудительного исполнения арбитражного соглашения и служит средством обеспечения соблюдения сторонами договоренности о передаче споров на рассмотрение арбитража.

Во-вторых, у стороны будет прямой стимул для соблюдения антиисковых мер, вынесенных самим трибуналом, который рассматривает спор по существу. Неисполнение таких мер может повлиять на выводы трибунала по части рассматриваемых вопросов по существу, а также в конечном счете сказаться на присуждении против нарушившей стороны судебных расходов и иных убытков за счет инициирования спора в «несогласованном» форуме. При этом возможность приведения в исполнение решения с включением соответствующих убытков существенно выше в сравнении с решением государственного суда хотя бы в связи с эффектом Нью-Йоркской конвенции.

Таким образом, антиисковые обеспечительные меры служат инструментом защиты обязательств из арбитражного соглашения. Их логика сводится к воздействию *in personam* на сторону, нарушающую оговорку. Запрет адресован не иностранному суду как органу, а процессуальному поведению участника спора, которое подрывает согласованную юрисдикцию арбитража.

Сравнение подходов показывает, что в правопорядках общего права сформировалась устойчивая практика применения антиисковых мер как способа пресечения параллельных процессов и исполнения обязательств из арбитражного соглашения. При этом эффективность такого механизма во многом зависит от наличия юрисдикционной связи с ответчиком и практической возможности принуждения к соблюдению запрета. В континентальных правопорядках антиисковые запреты воспринимаются более критично из-за акцента на территориальности и судебном суверенитете. Это подтверждает отсутствие универсального международного стандарта

допустимости таких мер и демонстрирует, что их применение тесно связано с национальной политикой, даже когда речь идет о поддержке арбитражного соглашения.

При этом антиисковые меры, принимаемые составом арбитража, являются допустимым способом реагирования на несоблюдение условий арбитражного соглашения (в виде подачи требований в «несогласованный» государственный суд). Обосновывается, что такие меры должны входить в полномочия арбитров и имеют непосредственный эффект принуждения.

§ 3. Материальные меры ответственности за неисполнение обязательств из арбитражного соглашения

Как было продемонстрировано в предыдущих разделах, ситуация с обращением в «несогласованный» суд (форум, не установленный арбитражным соглашением) — известная проблема, способы преодоления которой вырабатываются в сфере международного арбитража.

Стоит признать, что, как и в случае с антиисковыми мерами, потенциальное нарушение и наказание без риска реального предъявления денежного требования или риска уголовной ответственности за неуважение к суду являются малоэффективными[454]. Поскольку действует принцип невмешательства во внутренние дела государств, меры против правоприменителей, то есть государственных судов, по умолчанию затруднительны.

В этой связи все более актуальным становится вопрос о возможности предъявления иска о возмещении убытков в связи с нарушением арбитражного соглашения. В научной литературе преобладает позиция, что сторона, в отношении которой судебное разбирательство было инициировано в «несогласованном» форуме, вправе требовать взыскания компенсаторных

[454] Козырин А.А. Указ. соч. С. 13. Автор также предлагает использовать конструкцию астрента для предотвращения злоупотреблений, связанных с неисполнением антиисковых запретов.

убытков с контрагента, обратившегося в государственный суд в нарушение такого соглашения.

Верно признается, что нарушение арбитражного соглашения путем инициирования судебного разбирательства по спору, подлежащему рассмотрению в арбитраже, может повлечь применение гражданско-правовых средств защиты, включая взыскание убытков[455]. Авторы исходили из того, что у стороны, вынужденной защищаться от такого судебного иска, отсутствуют какие-либо принципиальные препятствия для возмещения понесенных ею потерь, в том числе в части ущерба, выходящего за пределы тех расходов, которые возникли бы при надлежащем исполнении арбитражного соглашения[456].

Как в правопорядках общего права, так и в правопорядках континентальной правовой семьи утвердился подход, согласно которому добросовестная сторона, не нарушившая соглашение о способе разрешения споров, может требовать возмещения понесенных ею расходов и издержек, связанных с противодействием разбирательству, инициированному с нарушением такого соглашения. Основанием для распределения соответствующих расходов служит компенсаторная функция ответственности, направленная на приведение имущественного положения потерпевшей стороны в то состояние, в котором она находилась бы в отсутствие нарушения, в том числе — без необходимости несения затрат, обусловленных неправомерным судебным или иным разбирательством, инициированным в обход согласованного сторонами механизма разрешения споров[457].

Конечно, стоит признать, что страны общего права дальше продвинулись в данном вопросе, признав арбитражное соглашение самостоятельным договором[458]. При применении английского права сторона,

---

[455] Mustill M.J., Boyd S.C. The Law and Practice of Commercial Arbitration in England. London : Butterworths, 1982. P. 9.
[456] Ibid. P. 411.
[457] Draguiev D. Op. cit. P. 148.
[458] Andrews N. Arbitration and Contract Law. Springer, 2016. Section VII.

чье право на прекращение рассмотрения дела в государственном суде было нарушено, может требовать возмещения убытков от контрагента, инициировавшего судебное разбирательство[459]. Вместе с тем следует подчеркнуть, что юридическая возможность взыскания убытков за нарушение соответствующего права не имеет прямого нормативного закрепления. Ее существование и пределы выводятся из общих принципов английского договорного права, применяемых к оценке последствий нарушения договорных обязательств[460]. При этом возможны различные варианты видов убытков, которые подлежат взысканию[461].

Ключевым в практике английских судов по вопросу ответственности за нарушение арбитражного соглашения является дело *Mantovani v. Carapelli,* где Апелляционный суд признал допустимым взыскание убытков за обращение в государственный суд вопреки арбитражной оговорке GAFTA[462]. Аналогичный подход был подтвержден в деле *A v. B (No. 2)*[463]. По мнению суда, если стороне удается доказать, что она понесла судебные расходы в связи с ходатайством о приостановлении производства или о выдаче антиискового судебного запрета, такие расходы, как правило, подлежат возмещению[464]. По его мнению, процессуальным последствием поведения стороны арбитражного или юрисдикционного соглашения, которое составляет его нарушение и вынуждает другую сторону разумно понести судебные расходы, должно быть возмещение потерпевшей стороне всей суммы разумных судебных расходов[465].

---

[459] Betancourt J.C. Damages for breach of an international arbitration agreement under English arbitration law // Arbitration International. 2018. Vol. 34. No. 4. P. 516.
[460] Ibid. P. 515.
[461] Dutson S. Breach of an Arbitration or Exclusive Jurisdiction Clause: The Legal Remedies if it Continues // Arbitration International. 2000. Vol. 16. No. 1. P. 97.
[462] Mantovani v. Carapelli S.p.A. [1980] 1 Lloyd's Rep 375 (CA). Ссылки на иные примеры возмещения английскими судами убытков из нарушения арбитражных соглашений см.: Michaelson J., Blanke G. Anti-Suit Injunctions and the Recoverability of Legal Costs as Damages for Breach of an Arbitration Agreement // Arbitration. 2008. Vol. 74. P. 24–26; Tan D., Yeo N. Op. cit. P. 438.
[463] A v B (No 2) [2007] 1 Lloyd's Rep 358.
[464] A v B (Costs) [2007] EWHC 54 (Comm) [11].
[465] Ibid. [10].

В судебной практике Австралии также подтверждена возможность компенсации расходов за нарушение арбитражного соглашения[466]. Верховный суд Западной Австралии признал, что обращение в суд в обход действующего арбитражного соглашения было необоснованным, и присудил полное возмещение расходов (*indemnity costs*) добросовестной стороне, отклоняясь от общего принципа распределения судебных издержек[467]. Аналогичный подход получил развитие и в практике Большого суда Каймановых островов[468].

Аналогичная практика существует и в странах континентальной правовой семьи. В ряде дел Федерального суда Швейцарии[469] рассматривались случаи, когда споры, охваченные арбитражными оговорками с местом арбитража в Швейцарии, инициировались в нарушение этих оговорок в судах Израиля и Греции. Составы арбитража признали такие действия нарушением арбитражного соглашения и присудили компенсацию затрат, понесенных в рамках иностранных разбирательств. Федеральный суд Швейцарии отказался признать такие решения противоречащими публичному порядку.

В итальянском праве также известен пример, в котором суд Вероны присудил возмещение убытков на основании статьи 96 Гражданского процессуального кодекса Италии за необоснованное предъявление иска в нарушение арбитражной оговорки[470]. Как отмечается, присужденные суммы носили скорее характер санкции за злоупотребление процессуальными правами, чем возмещения понесенных расходов, и были направлены на пресечение недобросовестного поведения[471].

---

[466] Kwok D. Breach of arbitration agreement and its costs consequences // Arbitration International. 2018. Vol. 34. No. 1. P. 150; Чупрунов И.С. Указ. соч. С. 77–80.

[467] Pipeline Services WA Pty Ltd v ATCO Gas Australia Pty Ltd [2014] WASC 10. См. также: KNM Process Systems SDN BHD v Mission Newenergy Ltd Formerly Known as Mission Biofuels Ltd, [2014] WASC 437.

[468] White Crystals Ltd v. IGCF General Partner Limited, LCIA Case No. 235925, Judgment of the Grand Court of the Cayman Islands [2025] CIGC (FSD) 123, 17 December 2025.

[469] Decision of the Swiss Supreme Court 4A_444/2009 of 11 February 2010; Decision of the Swiss Supreme Court 4A_232/2013 of 30 September 2013.

[470] Tribunale di Verona, Sez. IV Civile. Sentenza 22 novembre 2012.

[471] Damages for breach of the obligation to arbitrate: a step forward of national courts in favour of arbitration? // Kluwer Arbitration Blog [Электронный ресурс]. URL: https://legalblogs.wolterskluwer.com/arbitration-blog/damages-for-breach-of-the-obligation-to-arbitrate-a-step-forward-of-national-courts-in-favour-of-arbitration/ (дата обращения: 28.07.2025).

Арбитражная практика также демонстрирует наличие примеров присуждения компенсации за нарушение обязательства по передаче спора в арбитраж. Так, показательно дело МТП № 8887, рассмотренное по правилам МТП с применением права Швейцарии[472]. В этом деле трибунал присудил убытки за нарушение арбитражного соглашения в ситуации, когда одна из сторон инициировала параллельное разбирательство в государственных судах. Состав арбитража пришел к выводу, что продолжение ответчиком судебного процесса в Турции, невзирая на вынесенное процессуальное постановление о воздержании от подобных действий, образует нарушение арбитражного соглашения, и возложил на ответчика обязанность возместить расходы, понесенные истцом в ходе турецкого разбирательства. При этом состав арбитража прямо указал, что, поскольку арбитражное соглашение является частью обязательного для сторон договора, его нарушение влечет ответственность за убытки, находящиеся в прямой причинно-следственной связи с таким нарушением, а расходы на привлечение представителей для участия в турецком разбирательстве подлежат квалификации именно в качестве убытков.

Таким образом, можно констатировать, что в арбитражной и судебной практике сложился подход, что присуждаемые убытки представляют собой возмещение расходов, понесенных добросовестной стороной в результате принудительного участия в национальных судебных разбирательствах, инициированных в обход действующего арбитражного соглашения[473].

Как обоснованно отмечает А. Бриггс, материально-правовое основание иска в подобных случаях состоит в нарушении обязательства не инициировать судебное разбирательство в какой-либо юрисдикции по вопросам, подпадающим под сферу действия арбитражного соглашения, что влечет

---

[472] ICC Case No. 8887, Extracts, April 1997 // ICC International Court of Arbitration Bulletin. 2000. Vol. 11. No. 2. P. 91.

[473] SCC Final Award dated 13 July 1993, Yearbook XXII (1997), 197–210; Final Award in Case 9593 (Extracts) // ICC International Court of Arbitration Bulletin. 2000. Vol. 11. No. 1. P. 105. См. также: Yeşilırmak A. Interim and Conservatory Measures in ICC Arbitral Awards // ICC International Court of Arbitration Bulletin. 2000. Vol. 11. No. 1. P. 35–36.

возможность взыскания сумм, уплаченных во исполнение иностранного судебного решения, а также компенсации косвенных убытков, подпадающих под правило об их «предсказуемости»[474]. Данный подход, сформулированный в отношении негативных обязательств, применим *mutatis mutandis* и к иным нарушениям прав и обязанностей по арбитражному соглашению[475].

Как указывает Д. Драгиев, в отличие от системы общего права, где ответственность за нарушение арбитражных и юрисдикционных оговорок рассматривается как устоявшийся правовой институт, континентальное право все еще находится в стадии становления соответствующего подхода[476]. Тем не менее, анализ судебной практики в странах континентальной Европы показывает признание того, что соглашения о разрешении споров содержат не только процессуальные, но и материальные обязательства сторон. Нарушение таких обязательств влечет как минимум материальную ответственность, независимо от того, предусмотрено ли это прямо в законодательстве соответствующей юрисдикции.

Действующее российское законодательство (как процессуальное, так и материальное) не содержит специального регулирования порядка возмещения убытков, понесенных в связи с нарушением арбитражных оговорок. В подобной ситуации отечественные государственные суды и институциональные арбитражи (в том числе при рассмотрении споров на основе российского права) оказываются лишенными каких-либо ориентиров для принятия решений.

В доктрине же основные препятствия для взыскания убытков за нарушение арбитражного соглашения усматриваются в рамках характеристики правовой природы арбитражного соглашения. Ранее приводились мнения о допустимости квалификации арбитражного соглашения в качестве договора, порождающего обязательства сторон,

---

[474] Briggs A. Private International Law in English Courts. Oxford : Oxford University Press, 2014. P. 1018.
[475] Betancourt J.C. Op. cit. P. 517.
[476] Draguiev D. Op. cit. P. 155.

нарушение которого может влечь обязанность по возмещению убытков[477]. Смешанная теория также допускает возникновение материальных обязанностей из арбитражного соглашения — следовательно, и возможность их защиты. Как следствие, по мнению ряда исследователей, нарушение арбитражного соглашения влечет такую же ответственность, как и нарушение любого иного договора[478].

А.Г. Котельников обоснованно указывает на уязвимость арбитражной процедуры и зависимость от действий сторон, часто в попытках противостоять разбирательству[479]. В качестве правового противовеса такому поведению рассматривается применение общих мер гражданско-правовой ответственности, в частности взыскания убытков в соответствии со статьей 393 ГК РФ. Данная позиция аргументируется тезисом о материально-правовой природе обязанности сторон совершить необходимые действия для реализации арбитражной процедуры, нарушение которой, будучи неисполнением обязательства, порождает право на компенсацию причиненного вреда. Параллельно анализируется потенциал договорной неустойки, самостоятельно включаемой сторонами в арбитражное соглашение (статья 330 ГК РФ) в качестве средства обеспечения обязанности по передаче спора в арбитраж.

Однако центральным выводом, имеющим важное значение для настоящего исследования, является констатация ограниченной практической эффективности данных мер. Применительно к неустойке указывается на ее фактическое отсутствие в арбитражной практике, что объясняется как психологическими барьерами при заключении договора, так и существенными сложностями в доказывании самого факта уклонения, который не может быть однозначно выведен из пассивного поведения одной из сторон.

---

[477] См.: Гальперин М.Л. Ответственность в гражданском судопроизводстве: актуальные вопросы теории и процессуальной политики. М. : Волтерс Клувер, 2011. С. 207–208; Галтер Е.Д. Указ. соч.; Чупрунов И.С. Указ. соч. Стоит оговориться, что большая часть данных работ посвящена теоретическому обоснованию возможности взыскания убытков с учетом правовой природы арбитражного соглашения.

[478] Чупрунов И.С. Указ. соч. С. 70; Friedland P.D., Brown K.A. Op. cit. P. 273–274.

[479] Котельников А.Г. Указ. соч. С. 208–211.

Тем не менее, в российской практике удалось обнаружить решение о признании нарушения арбитражного соглашения. В одном из дел МКАС при ТПП РФ рассмотрел спор между израильским продавцом и немецким покупателем, в контракте которых содержалась арбитражная оговорка в пользу МКАС[480]. Продавец инициировал арбитраж, однако параллельно также обратился в израильский суд, нарушив арбитражную оговорку. Покупатель заявил о зачете расходов, понесенных в связи с израильским процессом. МКАС признал обращение в иностранный суд неправомерным и удовлетворил это требование, квалифицировав соответствующие расходы как убытки, вытекающие из нарушения арбитражной оговорки.

Как верно указывает И.С. Чупрунов, выводы МКАС представляют серьезный теоретический и практический интерес, поскольку демонстрируют, что и с точки зрения отечественного права существует возможность взыскания убытков, причиненных нарушением юрисдикционного соглашения[481]. С точки зрения подхода также примечательна российская практика, в которой признается, что расходы, понесенные стороной судебного спора в связи с рассмотрением спора, могут признаваться убытками[482].

Вместе с тем соотношение судебных расходов и убытков в российском праве имеет процессуальную специфику. Расходы, понесенные в связи с рассмотрением дела, возмещаются в рамках того же дела по правилам главы 9 АПК РФ и по общему правилу не могут быть предъявлены к взысканию в качестве убытков путем подачи самостоятельного иска. Однако этот запрет действует лишь постольку, поскольку соответствующий процессуальный механизм возмещения доступен. Если возмещение расходов не предусмотрено либо фактически недостижимо, потерпевшая сторона не лишена возможности добиваться возмещения соответствующих потерь как убытков на основании

---

[480] Решение МКАС при ТПП РФ от 27.02.2002 по делу № 118/2001.
[481] Чупрунов И.С. Указ. соч. С. 84.
[482] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 12.10.2017 № 309-ЭС17-7211 по делу № А76-9414/2016. Противоположная позиция высказана в постановлении Президиума ВАС РФ от 19.09.2000 № 4144/00 по делу № А40-20272/99-12-303.

статей 15 и 393 ГК РФ[483]. Именно на этом основании расходы, понесенные стороной в «несогласованном» форуме, способны образовать состав убытков в разбирательстве, компетентном в силу арбитражного соглашения, нарушение которого и вызвало эти расходы.

В этой связи необходимо отметить, что регулирование о взыскании убытков за нарушения арбитражного соглашения отсутствует как на международном, так и на национальном уровне. Однако арбитражные регламенты все же предлагают для сторон и арбитров определенный набор инструментов, применимых в частном случае нарушения арбитражного соглашения — неоплаты арбитражных сборов.

Особый вклад в развитие данной концепции внес М. Секомб, который, анализируя статью 30(3) Регламента МТП 1998 года, пришел к выводу, что формулировка «уплачивается в равных долях истцом и ответчиком» устанавливает обязывающее договорное условие между сторонами[484]. С учетом анализа ряда дел МТП аналогичный подход справедливо поддерживают и иные авторы[485]. Сумма, уплаченная истцом в качестве замещающего платежа, рассматривается как его убытки, поскольку при надлежащем исполнении обязательства ответчиком такой необходимости не возникло бы[486]. Этот подход получил признание и в судебной практике. Высокий суд Англии пришел к выводу, что невнесение аванса, предусмотренного правилами МТП, представляет собой нарушение арбитражного соглашения[487].

Важно отметить, что обязательственный характер обязанности по уплате авансов признается не только в системе МТП. Так, правило 56 Правил

---

[483] Постановление Конституционного Суда РФ от 11.07.2017 № 20-П // СПС «КонсультантПлюс».
[484] Secomb M. Awards and Orders Dealing with the Advance on Costs in ICC Arbitration: Theoretical Questions and Practical Problems // ICC International Court of Arbitration Bulletin. 2003. Vol. 14. No. 1. P. 13–14.
[485] Williams T., Durrani A., Singh U. The Advance on Costs in Arbitration: Reimbursement of Substituted Payment // Journal of International Arbitration. 2021. Vol. 38. No. 3. P. 4; см. также: Darwazeh N., Greenberg S. No One's Credit Is As Good As Cash: Awards and Orders for the Payment of the ICC Advance on Costs // Journal of International Arbitration. 2014. Vol. 31. No. 5. P. 2; Fadlallah I. Payment of the Advance to Cover Costs in ICC Arbitration: The Parties' Reciprocal Obligations // ICC Bulletin. 2003. Vol. 14. No. 1. P. 55–56.
[486] Ibid.
[487] BDMS Ltd v Rafael Advanced Defence Systems Ltd [2014] EWHC 451 (Comm).

Сингапурского международного арбитражного центра закрепляет право арбитражного учреждения требовать от сторон внесения авансов[488], а также допускает вынесение составом арбитража постановления о взыскании соответствующих сумм с уклоняющейся стороны[489]. Таким образом, на уровне учреждений подтверждается, что обязанность финансировать арбитраж является элементом исполнения арбитражного соглашения с материально-правовыми последствиями.

С учетом изложенного можно подвести промежуточный итог: при нарушении материально-правового обязательства из арбитражного соглашения допустимо заявлять требования о взыскании убытков. Несомненно, в связи с этим необходимо определить компетентный орган для заявления требования и применимое к такому требованию право.

Следует отметить, что требование о взыскании таких убытков может быть заявлено в различных форумах. Во-первых, это государственный «несогласованный» суд, где добросовестная сторона доказывает необходимость передачи дела на разбирательство в «согласованный» арбитраж. Во-вторых, это государственный суд по месту арбитража, который может выполнять функцию по соблюдению исполнения арбитражного соглашения. Наконец, это сам состав арбитража, в который может быть заявлено соответствующее требование из арбитражного соглашения.

Н.Г. Елисеев в этой связи справедливо указывает на существование так называемого первичного и вторичного процессов[490]. Он полагает, что для защиты прав из арбитражного соглашения не обязательно инициирование отдельного разбирательства, так как права могут быть защищены в рамках «первичного» процесса, поскольку он уже должен обладать компетенцией разрешать спорные вопросы.

---

[488] SIAC Arbitration Rules (2025), Rules 56.1, 56.3–56.4.
[489] SIAC Arbitration Rules (2025), Rule 56.7.
[490] Елисеев Н.Г. Указ. соч. С. 337.

Признается, что именно истец (ненарушившая сторона) может сам выбирать форум для подачи соответствующего иска[491]. В зависимости от выбора форума стороной может отличаться и квалификация соответствующего требования. Например, в первом случае, при успешной передаче дела на разбирательство из «несогласованного» государственного суда, сторона будет взыскивать в свою пользу судебные расходы. В других же случаях, особенно в случае вынесения решения государственным судом, добросовестная сторона будет требовать в качестве убытков присужденную оппоненту сумму в «несогласованном» форуме.

Важным критерием для истца будет формулировка арбитражного соглашения. Р. Меркин отмечает, что если арбитражная оговорка «касается исключительно споров, возникающих из или в связи с основным договором, то вряд ли можно утверждать, что арбитры обладают необходимой юрисдикцией, поскольку иск заявлен о нарушении отдельного арбитражного соглашения, а не основного договора»[492].

Несомненно, арбитрам может потребоваться убедиться, что само арбитражное соглашение не содержит ограничений на присуждение убытков за его нарушение, однако на практике такие ситуации встречаются крайне редко. После того, как состав арбитража установит наличие применимого права, которое допускает взыскание убытков за нарушение договора, и, далее, факт его нарушения, стороны могут рассчитывать на применение соответствующих средств защиты.

Вопрос о праве, подлежащем применению к требованиям о возмещении убытков, причиненных нарушением арбитражного соглашения, представляет собой самостоятельную и методологически сложную проблему. Несмотря на то что требования о денежной компенсации нередко рассматриваются как более простой и прагматичный инструмент защиты по сравнению с антиисковыми запретами, их материально-правовая квалификация и

[491] Draguiev D. Op. cit. P. 149.
[492] Merkin R. Arbitration law. London : LLP, 2004. P. 300.

коллизионная привязка не являются очевидными. Требования о взыскании убытков предполагают обращение к нормам материального права, регулирующим ответственность за нарушение обязательств[493].

С точки зрения коллизионного права привлекательным представляется применение права места арбитража (*lex arbitri*), поскольку такой подход обеспечивает единообразие регулирования всех требований, вытекающих из нарушения арбитражного соглашения, независимо от того, идет ли речь о процессуальных средствах защиты (антиисковые меры) или о денежных требованиях. Применение одного и того же правопорядка к различным формам защиты снижает риск фрагментации регулирования и повышает предсказуемость правовых последствий нарушения арбитражного соглашения.

Логическим развитием данной идеи является вывод о том, что вопросы оснований, условий и объема ответственности за нарушение арбитражного (или иного юрисдикционного) соглашения должны разрешаться на основе права, применимого непосредственно к такому соглашению (*lex compromissi*)[494]. Именно это право определяет, образует ли соответствующее поведение нарушение обязательства, подлежит ли оно гражданско-правовой ответственности и какие убытки могут быть взысканы с нарушившей стороны.

На практике ситуация осложняется тем, что стороны крайне редко прямо определяют право, применимое к арбитражному соглашению. Неизбежным следствием такого упущения является то, что в ряде случаев может быть затруднительно установить, какой форум обладает юрисдикцией для присуждения убытков. Проблема может возникнуть, когда иностранный суд принял к рассмотрению спор, а также в случаях, когда, отказавшись от юрисдикции, он не предоставил потерпевшей стороне возмещение всех или части ее расходов.

---

[493] Friedland P.D., Brown K.A. Op. cit. P. 272–273.
[494] Чупрунов И.С. Указ. соч. С. 99.

Очевидно, что доказывание убытков за нарушение арбитражного соглашения и их размера может оказаться крайне затруднительным или невозможным вовсе. Некоторые авторы видят в этом основную причину неуместности взыскания убытков за такие нарушения[495]. При этом справедлива позиция, что сама по себе сложность с подсчетом убытков не является основанием для отказа в их присуждении, так как стороне могут быть присуждены справедливо оцененные убытки[496].

По существу, вопрос в данной ситуации заключается в следующем: должно ли денежное возмещение присуждаться в каждом случае, когда разбирательство в иностранном суде осуществляется в нарушение арбитражного соглашения, либо применяется более высокий стандарт, предполагающий наличие недобросовестного поведения со стороны ответчика по арбитражу (или доказательств несправедливости в судебной процедуре). Хотя подход, при котором достаточно одного факта нарушения, может быть оправдан с точки зрения договорных принципов, на практике арбитры могут проявлять осторожность в оценке решения иностранного суда при отсутствии доказательств недобросовестности, злоупотребления или процессуального давления[497].

В этой связи состав арбитража обладает полномочиями не только разрешать основной спор по существу, но и выносить решения об ответственности нарушившей стороны, включая компенсацию расходов, понесенных в связи с неправомерным обращением в несогласованный суд[498].

Присуждение таких убытков включается в окончательное арбитражное решение по существу спора и подлежит признанию и приведению в исполнение на общих основаниях. В отличие от антиисковых запретов, денежное присуждение не зависит от содействия судов или поведения сторон в иностранной юрисдикции[499], что повышает вероятность его исполнения.

---

[495] Lew J.D.M., Mistelis L.A., Kröll S.M. Op. cit. P. 159.
[496] Takahashi K. Op. cit. P. 69–71.
[497] Friedland P.D., Brown K.A. Op. cit. P. 279.
[498] Draguiev D. Op. cit. P. 148.
[499] Friedland P.D., Brown K.A. Op. cit. P. 271.

Дополнительным преимуществом требований о взыскании денежных сумм является их процессуальная простота: они рассматриваются в рамках арбитражного разбирательства наряду с иными требованиями о нарушении договора и не связаны с применением специальных и нередко неопределенных стандартов, характерных для заявлений об антиисковых мерах[500].

Меньше всего опасений вызывает размер убытков в рамках процессуальных расходов, которые понесла сторона в «несогласованном» форуме[501]. В данном случае разумным ориентиром при определении размера убытков является категория судебных расходов.

Иные убытки, как прямой ущерб, так и упущенную выгоду, тоже можно признать принципиально допустимыми к взысканию[502]. Вместе с тем сохраняется вопрос об оценочном характере расчета и доказывании размера убытков[503], которые, с учетом позиции выше, должны определяться надлежащим форумом в соответствии с применимым правом.

При этом Е.Д. Галтер указывает, что взыскание убытков, причиненных нарушением арбитражного соглашения, может использоваться и на стадии признания и приведения в исполнение арбитражного решения, в том числе в целях избежания экономических последствий ранее вынесенного решения некомпетентного государственного суда, что функционально приближается к конструкции зачета требований злоупотребившей стороны[504].

Отдельный важный аспект состоит в возможной оценке вины при нарушении арбитражного соглашения. Может ли обращение лица в юрисдикционный орган, отличный от того, что указан в арбитражном соглашении, само по себе рассматриваться в качестве виновного нарушения? Например, арбитражное соглашение может быть сформулировано достаточно неопределенным образом, в силу чего у одной из сторон могут возникнуть

---

[500] Ibid.
[501] См., например: Pipeline Services WA Pty Ltd v Atco Gas Australia Pty Ltd [2014] WASC 10 (7 May 2014), paras. [8]–[25].
[502] Чупрунов И.С. Указ. соч. С. 95.
[503] Tan D. Damages for Breach of Forum Selection Clauses, Principled Remedies, and Control of International Civil Litigation // Texas International Law Journal. 2005. Vol. 40. P. 658–659.
[504] Галтер Е.Д. Указ. соч. С. 67.

вполне правомерные сомнения в том, что такое соглашение является исполнимым и обязательным[505].

По нашему мнению, роль вины при нарушении арбитражного соглашения следует оценивать по аналогии с взысканием процессуальных расходов. Пострадавшее лицо, сумевшее добиться того, что «согласованный» форум признал действительность и исполнимость арбитражного соглашения, не должно нести бремени каких-либо негативных последствий от неисполнения надлежащим образом его контрагентом условий данного соглашения.

Соответственно, введение строгой ответственности за нарушение арбитражного соглашения является логическим следствием его заключения[506]. Сторона, добровольно принявшая на себя позитивное обязательство передать спор в арбитраж и негативное — воздерживаться от обращения в государственные суды, тем самым принимает на себя риск любых неблагоприятных последствий, связанных с выбором согласованного механизма. Освобождение от ответственности по мотивам отсутствия вины подрывало бы саму обязательность арбитражного соглашения.

Кроме того, применение строгой ответственности позволяет эффективно предотвратить недобросовестное поведение сторон. Нарушение арбитражного соглашения нередко носит стратегический характер и направлено на получение процессуальных преимуществ, таких как затягивание разбирательства, создание параллельных процессов или оказание давления на контрагента посредством обращения в «несогласованный» суд.

С точки зрения российского законодательства такая позиция согласуется с действующим регулированием: пункт 3 статьи 401 ГК РФ предусматривает ответственность за нарушение вне зависимости от вины при нарушении в предпринимательской сфере.

---

[505] Чупрунов И.С. Указ. соч. С. 87.
[506] Галтер Е.Д. Указ. соч. С. 91; Чупрунов И.С. Указ. соч. С. 89.

Применение принципа строгой ответственности за нарушение арбитражного соглашения не исключает учета поведения стороны и реакции «несогласованного» национального суда. При оценке последствий такого нарушения значение имеют доводы, заявленные стороной в обоснование недействительности, неисполнимости либо утраты силы арбитражного соглашения по статье II Нью-Йоркской конвенции, а также их обоснованность.

Прямая констатация возможности возмещения убытков из нарушения арбитражного соглашения послужит стимулом против недобросовестных процессуальных тактик, направленных на обход обязательств из такого соглашения[507]. Признание возможности взыскивать такие убытки способно существенно дополнить механизмы имеющихся у сторон средств правовой защиты[508].

Кроме «традиционных» проблем с установлением ответственности и размера убытков также отмечаются и иные факторы: влияние принципов *res judicata* и международной вежливости. С точки зрения первого принципа проблема возникает, если «несогласованный» суд уже вынес решение о присуждении расходов, то «согласованный» арбитраж по своей сути будет пересматривать решение о таком распределении. Стоит согласиться с выводами И.С. Чупрунова по данному вопросу, что принцип *res judicata* не может выступать в качестве безусловного возражения против допустимости взыскания убытков из нарушения юрисдикционного соглашения и имеет в действительности весьма ограниченное значение для целей рассматриваемой проблематики[509]. Связано это с ограниченным применением арбитражами принципа *res judicata*[510] и с разными наборами вопросов, которые будут рассматриваться перед разными форумами[511]. В любом случае применение

---

[507] Gaillard E. Seven dirty tricks to disrupt an arbitration and the responses of international arbitration law // Arbitration International. 2023. Vol. 39. No. 3. P. 361–378; Tan D. Op. cit. P. 641.
[508] Чупрунов И.С. Указ. соч. С. 71.
[509] Там же. С. 91.
[510] Report on Res Judicata in International Arbitration / IBA Arbitration Committee Task Force on Res Judicata in International Arbitration [Электронный ресурс]. URL: https://www.ibanet.org/Res-judicata-in-international-arbitration (дата обращения: 22.04.2026).
[511] Yaffe N. Transnational Arbitral Res Judicata // Journal of International Arbitration. 2017. Vol. 34. No. 5. P.

такого принципа в определенной степени «награждало» бы сторону, нарушившую арбитражное соглашение, что не должно поощряться.

Аналогично и с позиции международной вежливости сложно согласиться с тем, что взыскание убытков, вызванных несоблюдением арбитражного соглашения, может представлять случаи вмешательства в вопросы компетенции иного органа[512]. Опять же, в данном случае вопрос встает не в оценке действий государственного суда и его «критики» составом арбитража или компетентным судом. Напротив, вопрос состоит в оценке действий сугубо стороны, нарушившей обязательства из арбитражного соглашения и причин для этого нарушения. Как отмечается, при разрешении такого вопроса различия могут быть связаны с содержанием процессуального или коллизионного права, подлежащего применению в «согласованном» арбитраже и «несогласованных» судах[513].

Как итог, взыскание убытков за нарушение арбитражного соглашения представляет собой допустимое и концептуально обоснованное средство защиты, вытекающее в том числе из негативного обязательства сторон воздерживаться от обращения в «несогласованный» суд. В правопорядках общего права данный подход сформировался как устойчивый институт договорной ответственности, тогда как в странах континентальной правовой семьи он развивается фрагментарно, нередко через конструкции злоупотребления правом и компенсации процессуальных расходов.

---

[512] См., например: Dinelli A. The limits on the remedy of damages for breach of jurisdiction agreements: The law of contract meets private international law // Melbourne University Law Review. 2015. Vol. 38. No. 3. P. 1030.
[513] Чупрунов И.С. Указ. соч. С. 93.

Заключение

Обязательства, возникающие из арбитражного соглашения, и их исполнение занимают центральное место в системе международного коммерческого арбитража, поскольку именно от способности такого соглашения связывать стороны намерением рассмотреть спор в рамках третейского разбирательства зависит эффективность этого механизма разрешения споров.

Результаты проведенного исследования позволяют сформулировать ряд взаимосвязанных выводов, раскрывающих сущность обязательств из арбитражного соглашения и их исполнения.

Во-первых, арбитражное соглашение имеет смешанную материально-процессуальную природу и порождает не одну, а две самостоятельные, но функционально связанные обязанности сторон — позитивное обязательство передать возникающие между ними споры в согласованный арбитраж и негативное обязательство воздерживаться от обращения в государственные суды по вопросам, охватываемым арбитражным соглашением. Каждая из них обладает собственным содержанием и собственной системой средств защиты. Их разграничение имеет не только теоретическое, но и практическое значение, так как позволяет объяснить, почему уклонение от участия в арбитраже и обращение в несогласованный сторонами форум влекут различные правовые последствия и требуют различных механизмов реагирования.

Во-вторых, смешанный характер этих обязательств предопределяет допустимость применения к ним институтов обязательственного права в той мере, в какой это не вступает в противоречие с процессуальной природой соответствующего отношения.

В-третьих, исполнение позитивного обязательства не сводится к принуждению уклоняющейся стороны к участию в разбирательстве и обеспечивается системой косвенных механизмов, ядром которых выступает возможность рассмотрения спора и вынесения решения без участия такой

стороны. При этом на состав арбитража возлагается повышенный стандарт добросовестного исследования обстоятельств дела.

В-четвертых, обязательства из арбитражного соглашения сохраняют исполнимость при обстоятельствах, находящихся вне контроля сторон. Изменение обстоятельств не прекращает эти обязательства, а обосновывает адаптацию отдельных условий соглашения, прежде всего условия о месте арбитража, при повышенном бремени доказывания, возлагаемом на сторону, ссылающуюся на такое изменение. Реформа, реорганизация или прекращение деятельности администрирующего учреждения также не влечет автоматического прекращения обязательств. Их дальнейшая судьба определяется нормами законодательства о правопреемстве арбитражных учреждений, а при отсутствии таких норм — толкованием воли сторон, направленной на разрешение спора в арбитраже.

В-пятых, международно-правовой режим и национальные законы формируют лишь минимальный стандарт признания арбитражного соглашения, оставляя вопросы содержания обязанностей сторон и механизмов их реализации правоприменительной практике. Обязанность государственного суда направить стороны в арбитраж, закрепленная пунктом 3 статьи II Нью-Йоркской конвенции и статьей 8 Типового закона ЮНСИТРАЛ, образует основной процессуальный механизм реализации негативного обязательства, при этом форма процессуальной реакции суда сознательно оставлена на усмотрение *lex fori*.

В-шестых, антиисковые меры, принимаемые государственными судами, действуют *in personam* и не посягают на юрисдикцию иностранного суда или арбитража. Их эффективность определяется не содержанием самого запрета, а наличием юрисдикционной связи между органом, выносящим меру, и стороной, которой она адресована, а также реальностью мер ответственности за ее неисполнение. Этим объясняется ограниченный практический потенциал антиисковых мер в отсутствие у выносящего их органа возможности

принудительного воздействия на нарушителя. Соответствующим механизмом воздействия обладают антиисковые меры, выносимые составами арбитража.

В-седьмых, возмещение убытков, причиненных неисполнением обязательств из арбитражного соглашения, представляет собой допустимое и концептуально обоснованное средство защиты, вытекающее из материально-правовой стороны обязательств из арбитражного соглашения.

Сформулированные выводы позволяют предложить ряд рекомендаций.

Государственным судам при разрешении вопроса о наличии и исполнимости арбитражного соглашения целесообразно исходить из презумпции сохранения обязательств сторон и разграничивать пороки соглашения, препятствующие его исполнению, и обстоятельства, затрудняющие исполнение и устранимые посредством толкования либо адаптации отдельных условий соглашения.

Составам арбитража при рассмотрении спора в отсутствие одной из сторон рекомендуется отражать в решении результаты самостоятельной проверки компетенции и обоснованности требований, что снижает риск последующего оспаривания решения и отказа в его признании и приведении в исполнение.

Требует уточнения соотношение пункта 1 статьи 8 Закона о МКА и норм АПК РФ о процессуальных последствиях наличия арбитражного соглашения. Приведение формулировки Закона о МКА в соответствие с процессуальным законодательством устранило бы расхождение, порождающее затруднения в судебной практике.

Теоретическая значимость исследования состоит в формировании целостного научного представления об обязательствах, возникающих из арбитражного соглашения, и об их исполнении. Практическая значимость определяется возможностью использования сформулированных выводов при разрешении государственными судами вопросов о направлении сторон в арбитраж, при рассмотрении составами арбитража споров в отсутствие одной

из сторон, а также при разработке арбитражных оговорок, устойчивых к изменению обстоятельств и к реформированию арбитражных учреждений.

Вместе с тем проведенное исследование не исчерпывает проблематику обязательств, возникающих из арбитражного соглашения. Дальнейшей разработки требуют вопросы исполнения обязательств из многоуровневых и асимметричных арбитражных соглашений, влияния на исполнимость правопреемства сторон и распространения арбитражного соглашения на лиц, его не подписавших, а также соотношения обязательств из арбитражного соглашения с обязанностями арбитров и администрирующих учреждений, оставшимися за рамками предмета настоящей работы.

Список литературы

1. Нормативные правовые акты

1.1. Российские акты

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 1993. 25 дек. № 237; 2020. 4 июля. № 144.
2. Закон РФ от 07.07.1993 № 5338-1 «О международном коммерческом арбитраже» (ред. от 30.12.2021) // Российская газета. 1993. 14 авг. № 156.
3. Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» (ред. от 10.06.2026) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
4. Федеральный закон от 05.05.1995 № 70-ФЗ «Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» (ред. от 24.07.2002) (утратил силу) // Собрание законодательства РФ. 1995. № 19. Ст. 1709.
5. Федеральный закон от 24.07.2002 № 95-ФЗ «Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» (ред. от 15.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.
6. Федеральный закон от 14.11.2002 № 138-ФЗ «Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
7. Федеральный закон от 29.12.2015 № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. 2016. № 1 (часть I). Ст. 2.
8. Федеральный закон от 29.12.2015 № 409-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившим силу пункта 3 части 1 статьи 6 Федерального закона “О саморегулируемых организациях” в связи с принятием Федерального закона “Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской

Федерации”» (ред. от 03.07.2016) // Собрание законодательства РФ. 2016. № 1 (часть I). Ст. 29.

9. Постановление Правительства Российской Федерации от 25.06.2016 № 577 «Об утверждении Правил предоставления права на осуществление функций постоянно действующего арбитражного учреждения и Положения о депонировании правил постоянно действующего арбитражного учреждения» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 27 (часть III). Ст. 4478.

1.2. Международные акты

10. Европейская конвенция о внешнеторговом арбитраже (Женева, 21.04.1961) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1964. № 44. Ст. 485.

11. Конвенция о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (Нью-Йорк, 10.06.1958) // Вестник ВАС РФ. 1993. № 8.

12. Межамериканская конвенция о международном коммерческом арбитраже (Панама, 30.01.1975) // United Nations Treaty Series. Vol. 1438. No. I-24384.

13. Типовой закон ЮНСИТРАЛ о международном торговом арбитраже 1985 года с изменениями, принятыми в 2006 году [Электронный ресурс]. Вена : Организация Объединенных Наций, 2008. URL: https://uncitral.un.org/ru/texts/arbitration/modellaw/commercial_arbitration (дата обращения: 01.04.2026).

1.3. Зарубежные акты

14. Acte uniforme relatif au droit de l’arbitrage (OHADA), принят 11.03.1999, в редакции 23.11.2017 [Электронный ресурс]. URL: https://justice.sec.gouv.sn/wp-content/uploads/textes-reglements/OHADA/Acte-uniforme-relatif-droit-arbitrage-jo-special-15-dec-2017.pdf (дата обращения: 01.04.2026).

15. Arbitration (Scotland) Act 2010 (asp 1) [Электронный ресурс]. URL: https://www.legislation.gov.uk/asp/2010/1/contents (дата обращения: 28.08.2026).
16. Arbitration Act 1995 (Kenya), No. 4 of 1995 (Cap. 49, Laws of Kenya, revised edition 2022) [Электронный ресурс]. URL: https://new.kenyalaw.org/akn/ke/act/1995/4/eng@2022-12-31 (дата обращения: 28.08.2026).
17. Arbitration Act 1996 (England and Wales) [Электронный ресурс]. URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1996/23/contents (дата обращения: 12.04.2026).
18. Arbitration Act 2025 (England and Wales) [Электронный ресурс]. URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2025/4 (дата обращения: 12.04.2026).
19. Arbitration Law of the People's Republic of China (принят 31.08.1994, в редакции 2017 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://www.chinajusticeobserver.com/law/x/arbitration-law-20170901 (дата обращения: 25.07.2026).
20. Arbitration Law of the People's Republic of China (принят 31.08.1994, в редакции от 12.09.2025) [Электронный ресурс]. URL: https://www.npc.gov.cn/npc/c2/c30834/202509/t20250912_447762.html (дата обращения: 25.07.2026).
21. Bundesgesetz über das Internationale Privatrecht (IPRG) vom 18. Dezember 1987 (Switzerland), SR 291 [Электронный ресурс]. URL: https://www.fedlex.admin.ch/eli/cc/1988/1776_1776_1776/de (дата обращения: 28.08.2026).
22. Code de procédure civile (France) [Электронный ресурс]. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006070716/ (дата обращения: 12.04.2026).
23. Code judiciaire (Belgium), sixième partie (articles 1676–1722).

24. Código Civil y Comercial de la Nación (Argentina), aprobado por Ley 26.994 // Boletín Oficial. 2014. 8 de octubre [Электронный ресурс]. URL: https://servicios.infoleg.gob.ar/infolegInternet/anexos/235000-239999/235975/texact.htm (дата обращения: 28.08.2026).
25. Commercial Arbitration Act 2011 (Victoria, Australia), No. 50/2011 [Электронный ресурс]. URL: https://www.legislation.vic.gov.au/in-force/acts/commercial-arbitration-act-2011 (дата обращения: 28.08.2026).
26. Contempt of Court Act 1981 (England and Wales) [Электронный ресурс]. URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1981/49/contents (дата обращения: 12.04.2026).
27. Council Regulation (EC) No 44/2001 of 22 December 2000 on jurisdiction and the recognition and enforcement of judgments in civil and commercial matters [Электронный ресурс]. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32001R0044 (дата обращения: 12.04.2026).
28. Council Regulation (EU) 2024/3192 of 16 December 2024 amending Regulation (EU) No 833/2014 concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine // OJ. L, 2024/3192, 16.12.2024.
29. Decree No. (34) of 2021 Concerning the Dubai International Arbitration Centre (издан 14.09.2021, вступил в силу 20.09.2021).
30. Decreto Legislativo N.º 1071 que norma el arbitraje (Peru), de 27 de junio de 2008 (вступил в силу 01.09.2008).
31. Federal Arbitration Act (USA) // 9 U.S.C. §§ 1–16, 201–208.
32. International Arbitration Act 1994 (Singapore), 2020 Revised Edition [Электронный ресурс]. URL: https://sso.agc.gov.sg/Act/IAA1994 (дата обращения: 28.08.2026).
33. Lag (1915:218) om avtal och andra rättshandlingar på förmögenhetsrättens område (Sweden) [Электронный ресурс]. URL: https://www.riksdagen.se/sv/dokument-och-lagar/dokument/svensk-

forfattningssamling/lag-1915218-om-avtal-och-andra-rattshandlingar_sfs-1915-218/ (дата обращения: 28.08.2026).

34. Lei da Arbitragem Voluntária, Lei n.º 63/2011, de 14 de dezembro (Portugal).
35. Ley 27.449 de Arbitraje Comercial Internacional (Argentina), sancionada el 4 de julio de 2018 // Boletín Oficial. 2018. 26 de julio.
36. Ley 60/2003, de 23 de diciembre, de Arbitraje (Spain) // Boletín Oficial del Estado. 2003. N.º 309. 26 de diciembre [Электронный ресурс]. URL: https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-2003-23646 (дата обращения: 28.08.2026).
37. Regulation (EU) No 1215/2012 of the European Parliament and of the Council of 12 December 2012 on jurisdiction and the recognition and enforcement of judgments in civil and commercial matters (recast) [Электронный ресурс]. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32012R1215 (дата обращения: 12.04.2026).
38. Senior Courts Act 1981 (England and Wales) [Электронный ресурс]. URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1981/54/section/37 (дата обращения: 07.12.2025).
39. Wetboek van Burgerlijke Rechtsvordering (Netherlands) [Электронный ресурс]. URL: https://wetten.overheid.nl/BWBR0001827 (дата обращения: 28.08.2026).
40. Zákon č. 223/1994 Sb., o sloučení Československé obchodní a průmyslové komory s Hospodářskou komorou České republiky.
41. Zivilprozessordnung (Austria), RGBl. Nr. 113/1895 [Электронный ресурс]. URL: https://www.ris.bka.gv.at/GeltendeFassung.wxe?Abfrage=Bundesnormen&Gesetzesnummer=10001699 (дата обращения: 28.08.2026).
42. Zivilprozessordnung (Germany) [Электронный ресурс]. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/zpo/index.html (дата обращения: 28.08.2026).

2. Судебная и правоприменительная практика

2.1. Разъяснения высших судебных инстанций Российской Федерации

43. Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел с участием иностранных лиц» от 09.07.2013 № 158 // Вестник ВАС РФ. 2013. № 9.

44. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.12.2019 № 53 «О выполнении судами Российской Федерации функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства, международного коммерческого арбитража» // Российская газета. 2019. № 291.

2.2. Судебная и правоприменительная практика Российской Федерации

45. Определение Арбитражного суда Астраханской области от 30.07.2020 по делу № А06-2352/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

46. Определение Арбитражного суда г. Москвы от 14.02.2022 по делу № А40-228640/21 // СПС «КонсультантПлюс».

47. Определение Арбитражного суда г. Москвы от 15.08.2012 по делу № А40-26424/2011 // СПС «КонсультантПлюс».

48. Определение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 15.04.2024 по делу № А56-13299/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

49. Определение Арбитражного суда Иркутской области от 17.01.2023 по делу № А19-10204/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

50. Определение Арбитражного суда Московской области от 17.07.2019 по делу № А41-44769/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

51. Определение Арбитражного суда Республики Башкортостан от 21.03.2022 по делу № А07-22062/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

52. Определение Арбитражного суда Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 02.10.2002 по делу № А56-30789/02 // СПС «КонсультантПлюс».

53. Определение Конституционного Суда РФ от 09.04.2024 № 826-О // СПС «КонсультантПлюс».
54. Определение Конституционного Суда РФ от 14.10.2025 № 2615-О // СПС «КонсультантПлюс».
55. Определение Конституционного Суда РФ от 21.06.2000 № 123-О // СПС «КонсультантПлюс».
56. Определение Конституционного Суда РФ от 29.04.2025 № 999-О // СПС «КонсультантПлюс».
57. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 09.12.2021 № 309-ЭС21-6955(1-3) по делу № А60-36897/2020 // СПС «КонсультантПлюс».
58. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 22.01.2018 № 305-ЭС17-14401 по делу № А40-251666/2016 // СПС «КонсультантПлюс».
59. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 12.03.2020 № 304-ЭС19-20506 по делу № А27-5147/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
60. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 12.10.2017 № 309-ЭС17-7211 по делу № А76-9414/2016 // СПС «КонсультантПлюс».
61. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 19.07.2023 № Ф02-3458/2023 по делу № А19-10204/2022 // СПС «КонсультантПлюс».
62. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 26.12.2022 № Ф03-6497/2022 по делу № А73-15265/2022 // СПС «КонсультантПлюс».
63. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 16.10.2020 № Ф06-65614/2020 по делу № А06-2352/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

64. Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 29.07.2019 по делу № А76-14685/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
65. Постановление Конституционного Суда РФ от 11.07.2017 № 20-П // СПС «КонсультантПлюс».
66. Постановление Президиума ВАС РФ от 19.09.2000 № 4144/00 по делу № А40-20272/99-12-303 // СПС «КонсультантПлюс».
67. Постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда от 26.04.2023 № 04АП-1026/2023 по делу № А19-10204/2022 // СПС «КонсультантПлюс».
68. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 14.11.2019 по делу № А40-149566/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

2.3. Судебная и правоприменительная практика иностранных государств и межгосударственных органов

69. A v B (Costs) [2007] EWHC 54 (Comm).
70. A v B (No 2) [2007] 1 Lloyd’s Rep 358.
71. Aggeliki Charis Compania Maritima SA v Pagnan SpA (The Angelic Grace) [1995] 1 Lloyd’s Rep 87.
72. Allianz SpA, formerly Riunione Adriatica di Sicurtà SpA, Generali Assicurazioni Generali SpA v. West Tankers Inc., Case C-185/07, Judgment of the Court (Grand Chamber) (10 February 2009).
73. Anupam Mittal v Westbridge Ventures II Investment Holdings [2023] SGCA 1.
74. Baker Hughes Saudi Arabia Co. v. Dynamic Industries, Inc., Civ. A. No. 2:23-cv-1396 (E.D. La. Nov. 6, 2023).
75. Baker Hughes Saudi Arabia Co. v. Dynamic Industries, Inc., 126 F.4th 1073 (5th Cir. Jan. 27, 2025).
76. Baker Hughes Saudi Arabia Co. v. Dynamic Industries, Inc., No. CV 23-1396, 2026 WL 251711 (E.D. La. Jan. 30, 2026).
77. BC Andaman and Ors. v Xie Ning Yung and Anor. [2017] SGHC 64.

78. BDMS Ltd v. Rafael Advanced Defence Systems Ltd [2014] EWHC 451 (Comm).
79. Bremer Vulkan Schiffbau und Maschinenfabrik v. South India Shipping Corp. Ltd [1981] AC 909 (HL).
80. Bundesgerichtshof (BGH), III ZR 143/92, 20.01.1994.
81. Cass. 1re civ., 14 oct. 2009, n° 08-16.369, Bull. civ. I, n° 201.
82. China Machine New Energy Corp. v. Jaguar Energy Guatemala LLC [2018] SGHC 101.
83. China Machine New Energy Corp v Jaguar Energy Guatemala LLC [2020] SGCA 12.
84. Commerzbank AG v RusChemAlliance LLC [2023] EWHC 2510 (Comm).
85. COSCO Shipping Specialized Carriers Company Ltd v PT OKI Pulp & Paper Mills and others [2024] SGHC 92.
86. Cour de cassation, 1re chambre civile, 9 février 2022, no. 21-11.253.
87. Decision of the General Assembly of the Dubai Court of Cassation No. 10 of 2023 (DCC 10/2023), 24 October 2023.
88. Decision of the Swiss Supreme Court 4A_124/2010 of 4 October 2010.
89. Decision of the Swiss Supreme Court 4A_19/2023 of 13 July 2023.
90. Decision of the Swiss Supreme Court 4A_232/2013 of 30 September 2013.
91. Decision of the Swiss Supreme Court 4A_444/2009 of 11 February 2010.
92. Deutsche Bank AG v RusChemAlliance LLC [2023] EWCA Civ 1144.
93. DFL v. DFM [2024] SGHC 71.
94. DFM v DFL [2024] SGCA 41.
95. Dubai Islamic Bank PJSC v PSI Energy Holding Co BSC [2011] EWHC 1019 (Comm).
96. Duerlein v. N.J. Automobile Full Insurance Underwriting Ass'n, 619 A.2d 664 (N.J. Super. Ct. App. Div. 1993).
97. Educational Management Services, LLC v. Tracey, 2015 WL 4041664 (W.D. Tex. 2015).
98. Filanto S.p.A. v. Chilewich Int'l Corp., 789 F. Supp. 1229 (S.D.N.Y. 1992).

99. Fisheries Jurisdiction (Federal Republic of Germany v. Iceland), Jurisdiction of the Court, Judgment of 2 February 1973 // I.C.J. Reports. 1973. P. 49–91.

100. Fisheries Jurisdiction (United Kingdom v. Iceland), Jurisdiction of the Court, Judgment of 2 February 1973 // I.C.J. Reports. 1973. P. 3–48.

101. Freaner v. Valle, 966 F. Supp. 2d 1068 (S.D. Cal. 2013).

102. Gate Gourmet Korea Co., Ltd. v Asiana Airlines, Inc. [2023] SGHC(I) 23.

103. Gazprom OAO v. Lietuvos Respublika, Case C-536/13, Judgment of the Court (Fourth Chamber) (13 May 2015).

104. Hightower v. JPMorgan Chase Bank, N.A., 2014 WL 12558114 (C.D. Cal. 2014).

105. In Re: Interplay between Arbitration Agreements under the Arbitration and Conciliation Act 1996 and the Indian Stamp Act 1899 : Judgment of the Supreme Court of India of 13 December 2023 (7-judge Bench), 2023 INSC 1066.

106. Insigma Technology Co Ltd v Alstom Technology Ltd [2009] SGCA 24.

107. InterGen N.V. v. Grina, 344 F.3d 134 (1st Cir. 2003).

108. IPCom GmbH v. Lenovo, Paris Court of First Instance, 8 November 2019, Case No. RG 19/59311.

109. Joseph Muller Corp. Zurich v. Commonwealth Petrochemicals, Inc., 334 F. Supp. 1013 (S.D.N.Y. 1971).

110. Judgment of 10 May 1982, DFT 108 Ia 197 (Swiss Federal Tribunal).

111. Kidde India Ltd v NTPC, 2023/DHC/000875 (High Court of Delhi).

112. KNM Process Systems SDN BHD v Mission Newenergy Ltd [2014] WASC 437.

113. Linde GmbH v. RusChemAlliance LLC [2023] HKCFI 2409.

114. Mantovani v. Carapelli S.p.A. [1980] 1 Lloyd’s Rep 375 (CA).

115. McDonnell Douglas Corp. v. Islamic Republic of Iran, 758 F.2d 341 (8th Cir. 1985).

116. Mitsubishi Motors Corp. v. Soler Chrysler-Plymouth, Inc., 473 U.S. 614 (1985).

117. Narciso v. Nash, DIFC Courts, Case No. ARB-009-2024, Judgment (20 June 2024).

118. Nokia v. Continental AG, Higher Regional Court of Munich, 12 December 2019, Case No. 6 U 5042/19.

119. Northrop Grumman Ship Systems, Inc. v. Ministry of Defence of the Republic of Venezuela (S.D. Miss. Dec. 4, 2010).

120. Oberlandesgericht Düsseldorf, Beschluss vom 17.06.2024 – I-26 W 7/24.

121. Oberster Gerichtshof (OGH), Beschluss vom 23. Juli 2020, 18 ONc 3/20s.

122. Oran and Oaken v. Oved, Court of Appeal of the DIFC, Case No. CA 004/2025.

123. Patel v Patel [2017] EWHC 3229 (Ch).

124. Philip Alexander Securities and Futures Ltd v Bamberger [1996] CLC 1757.

125. Pipeline Services WA Pty Ltd v ATCO Gas Australia Pty Ltd [2014] WASC 10.

126. Rederi Kommanditselskaabet Merc-Scandia IV v Couniniotis S.A. (The Mercanaut) [1980] 2 Lloyd's Rep 183.

127. Reply of the Supreme People's Court to Request for Instructions of the Shanghai High People's Court and Other Courts on Issues in Cases Involving the Judicial Review of Arbitral Awards Rendered by the China International Economic and Trade Arbitration Commission, Former Sub-Commissions Thereof and Other Arbitral Institutions // ICCA Reports No. 5: Compendium of Chinese Commercial Arbitration Laws / ICCA-Tsinghua University Working Group. The Hague: International Council for Commercial Arbitration, 2019. P. 324–327.

128. SAS ADB v. REO Inductive Components AG, Cour d'appel de Paris, 20 mars 2012, no. 10/23578.

129. Smith v. Spizzirri, 601 U.S. 472 (2024).

130. Strategic Asset Group, LLC v. Shabanets, 2018 WL 8131760 (C.D. Cal. 2018).

131. The Bremen v. Zapata Off-Shore Co., 407 U.S. 1 (1972).

132. Tribunale di Verona, Sez. IV Civile, sentenza del 22 novembre 2012.
133. Turner v Grovit, Case C-159/02, Judgment of the Court (27 April 2004).
134. UniCredit Bank GmbH v RusChemAlliance LLC [2024] EWCA Civ 64.
135. UniCredit Bank GmbH v RusChemAlliance LLC [2024] UKSC 30.
136. Ust-Kamenogorsk Hydropower Plant JSC v AES Ust-Kamenogorsk Hydropower Plant LLP [2013] UKSC 35.
137. Vaned Engineering GmbH v Reem Hospital, Abu Dhabi Appeal Court, 449/2024.
138. Vaned Engineering GmbH v. Reem Hospital, Abu Dhabi Court of First Instance, Case No. 1046/2023.
139. VEB.RF v Barclays Bank [2024] EWHC 1074.
140. White Crystals Ltd v. IGCF General Partner Limited, LCIA Case No. 235925, Judgment of the Grand Court of the Cayman Islands [2025] CIGC (FSD) 123, 17 December 2025.
141. World Pride Shipping Ltd v Daiichi Chuo Kisen Kaisha, The Golden Anne [1984] 2 Lloyd's Rep 489.

2.4. Практика третейских судов

142. Решение МКАС при ТПП РФ от 27.02.2002 по делу № 118/2001 // СПС «КонсультантПлюс».
143. Epicenter Loss Recovery LLC v. Burford Capital Ltd. and Ganymede Investments Ltd., LCIA Case No. 204619, Final Partial Award (24 April 2023).
144. Final Award in Case 9593 (Extracts) // ICC International Court of Arbitration Bulletin. 2000. Vol. 11. No. 1. P. 105.
145. ICC Case No. 8887, Extracts, April 1997 // ICC International Court of Arbitration Bulletin. 2000. Vol. 11. No. 2. P. 91.
146. Jindal Steel Bolivia S.A. v. Empresa Siderúrgica del Mutún, ICC Case No. 18398/CA/ASM, Procedural Order No. 5 (28 November 2013).

147. OAO Gazprom v. The Republic of Lithuania (I), SCC Case No. V125/2011, Final Award (31 July 2012).

148. SCC Final Award dated 13 July 1993 // Yearbook Commercial Arbitration. 1997. Vol. XXII. P. 197–210.

3. Научная и учебная литература

3.1. Литература на русском языке

3.1.1. Монографии, сборники статей, учебные издания

149. Ануфриева Л.П. Международное частное право : в 3 т. М., 2001. Т. 3. Трансграничные банкротства. Международный коммерческий арбитраж. Международный гражданский процесс. 758 с.

150. Асосков А.В. Коллизионное регулирование договорных обязательств. М. : Инфотропик Медиа, 2012. 640 с.

151. Волков А.Ф. Торговые третейские суды. СПб. : Тип. ред. период. изд. М-ва фин., 1913. 292 с.

152. Вунукайнен В.С. Исключительная компетенция российских судов по санкционным спорам: падающего толкни? // Новые горизонты международного арбитража : сб. ст. Вып. 7 / отв. ред. Ю.Н. Муллина. М., 2022. С. 77–115.

153. Гальперин М.Л. Ответственность в гражданском судопроизводстве: актуальные вопросы теории и процессуальной политики. М. : Волтерс Клувер, 2011. 240 с.

154. Зверева Н.С. Взаимодействие альтернативных методов урегулирования споров и гражданского судопроизводства в праве России и Франции / под ред. В.В. Яркова. М. : Статут, 2017. 384 с.

155. Иванов С.Д., Шагалов А.В. Практические последствия ликвидации арбитражного учреждения // Новые горизонты международного арбитража : сб. ст. Вып. 7 / отв. ред. Ю.Н. Муллина. М., 2022. С. 116–141.

156. Кейлин А.Д. Судоустройство и гражданский процесс капиталистических государств. М. : Внешторгиздат, 1961. Ч. 3. 311 с.
157. Коломиец А.И. Правовая природа арбитражного соглашения: вопросы доктрины и практики // СПС «КонсультантПлюс». 2017.
158. Курочкин С.А. Третейское разбирательство и международный коммерческий арбитраж. М. : Статут, 2017. 288 с.
159. Международный коммерческий арбитраж : учебник / науч. ред. О.Ю. Скворцов, М.Ю. Савранский, Г.В. Севастьянов. 3-е изд., перераб. и доп. СПб. ; М. : АНО «Редакция журнала “Третейский суд”», 2025. 1005 с.
160. Муранов А.И. Прекращение производства в государственном суде, его обязанность направить стороны в арбитраж, пререкания о подсудности и патологии третейских соглашений: экстравагантность юридических конструкций в статье 8 «Арбитражное соглашение и предъявление иска по существу спора в суде» Закона РФ 1993 г. «О международном коммерческом арбитраже» // СПС «КонсультантПлюс».
161. Научно-практический постатейный комментарий к законодательству о третейских судах / М.Н. Акуев, М.А. Акчурина, Т.К. Андреева и др. ; под общ. ред. В.В. Хвалея. М. : РАА, 2017. 935 с.
162. Николюкин С.В. Арбитражные соглашения и компетенция международного коммерческого арбитража: проблемы теории и практики. М. : Юриспруденция, 2009. 216 с.
163. Признание и приведение в исполнение иностранных арбитражных решений в России и странах бывшего СССР / Т.Д. Аиткулов, Р.Э. Акрамов, М.А. Акчурина и др. ; под ред. Р.О. Зыкова. М. : Арбитражная Ассоциация, 2019. 999 с.
164. Приходько А.И. Воспрепятствование разрешению дел в арбитражных судах: актуальные вопросы судебного правоприменения. М. : Волтерс Клувер, 2006. 288 с.
165. Рожкова М.А. Мировая сделка: использование в коммерческом обороте. М. : Статут, 2005. 572 с.

166. Руководство МСКА по толкованию Нью-Йоркской конвенции 1958 года : пособие для судей / пер. Р.О. Зыков. 2-е изд. Гаага : Международный совет по коммерческому арбитражу, 2025. 193 с.

167. Ситкарева Е.В. Антиисковые обеспечительные меры в защиту арбитражной оговорки: подходы европейского права // Сравнительное право и проблемы частноправового регулирования в России и зарубежных странах: сборник статей Международной научно-практической конференции памяти доктора юридических наук, профессора В.К. Пучинского. Москва, 17 октября 2015 г. 2015. С. 99–104.

168. Скворцов О.Ю. Compromissum и receptum в системе частного права // Сборник научных статей к 65-летию А.П. Сергеева. М. : Статут, 2018. С. 96–109.

169. Ходыкин Р.М. Антиисковые обеспечительные меры в цивилистическом процессе и международном арбитраже // Вопросы международного частного, сравнительного и гражданского права, международного коммерческого арбитража: LIBER AMICORUM в честь А.А. Костина, О.Н. Зименковой, Н.Г. Елисеева / отв. ред. С.Н. Лебедев, Е.В. Кабатова, А.И. Муранов, Е.В. Вершинина. М. : Статут, 2013. С. 274–296.

170. Ядыкин А.И. Институт «антиисковых обеспечительных мер» (anti-suit injunctions) и возможность его применения российскими судами в связи с осуществлением третейского разбирательства // Новые горизонты международного арбитража : сб. ст. Вып. 1 / под ред. А.В. Асоскова, Н.Г. Вилковой, Р.М. Ходыкина. М. : Инфотропик Медиа, 2013. С. 220–268.

3.1.2. Статьи в периодических изданиях

171. Авдулова А.Е., Косцов В.Н. Обязанность вынести исполнимое решение в международном арбитраже: критический анализ // Журнал ВШЭ по международному праву (HSE University Journal of International Law). 2023. № 2. С. 4–31.

172. Бакуменко В.В. Односторонние гибридные соглашения о юрисдикции: конец дискуссии для России? // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2021. № 1 (44). С. 58–69.
173. Батяев А.А., Терехова Ю.К. Комментарий к Закону Российской Федерации от 7 июля 1993 г. № 5338-1 «О международном коммерческом арбитраже» // СПС «Гарант».
174. Белов В.А. Юридическая природа третейского (арбитражного) соглашения // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2024. № 6. С. 28–69.
175. Ванеев А.С., Дякин Д.Б. Действительность арбитражной оговорки в российской и зарубежной практике // Вестник международного коммерческого арбитража. 2010. № 1. С. 28–45.
176. Галтер Е.Д. Гражданско-правовые последствия нарушения арбитражного соглашения // Вестник гражданского права. 2023. Т. 23. № 6. С. 46–105.
177. Гальперин М.Л. Из Сингапура в Хельсинки через Кемерово, или Какой арбитраж должен считаться иностранным? Комментарий к определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 12.03.2020 № 304-ЭС19-20506 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 5. С. 4–11.
178. Гребельский А.В. Распределение бремени доказывания в делах о принятии антиисковых обеспечительных мер на основании ст. 248.2 АПК РФ // Вестник арбитражной практики. 2023. № 6. С. 28–37.
179. Засемкова О.Ф. Особенности применения ч. 4 ст. 248.1 АПК РФ в спорах с участием подсанкционных лиц: вопросы, поставленные практикой // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 9. С. 76–85.
180. Кайсин Д., Асланян А., Кизько И. Применимое право к арбитражной оговорке: сравнительно-правовой анализ // Международное правосудие. 2022. № 1. С. 99–112.

181. Карапетов А.Г., Косарев А.С. Стандарты доказывания: аналитическое и эмпирическое исследование // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. Приложение к Ежемесячному журналу. 2019. № 5. Специальный выпуск. С. 3–96.
182. Коломиец А.И. Арбитражная оговорка: актуальные вопросы действительности и исполнимости в практике арбитражных судов при заявлении стороной спора возражений // Вестник арбитражной практики. 2020. № 5. С. 63–74.
183. Коломиец А.И. Исполнимость арбитражного соглашения: к чему ведут превентивные меры // Вестник арбитражной практики. 2023. № 2. С. 28–34.
184. Коломиец А.И. О действительности и исполнимости альтернативных оговорок и перспективах каскадных арбитражных оговорок // Вестник арбитражной практики. 2024. № 5. С. 95–106.
185. Комаров А.С. Принципы УНИДРУА как применимое право в международных коммерческих договорах // Арбитражный и гражданский процесс. 2022. № 2. С. 57–60.
186. Кудрявцева Е.В., Курочкин С.А. Актуальные проблемы российского арбитража // Вестник гражданского процесса. 2025. Т. 15. № 2. С. 11–38.
187. Мамедалиева А.В. Антиисковые запреты арбитров: colore officii или разумная мера в борьбе с конкуренцией юрисдикций? // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2024. № 9. С. 111–125.
188. Маренков Д.В. Проведение онлайн-слушаний в международном арбитраже вопреки возражениям одной из сторон. Решение Верховного суда Австрии // Третейский суд. 2020. № 3/4. С. 120–134.
189. Нальгиев А.М., Блат М.П. Место арбитража стало местом санкций: допустимость «адаптации» условия о месте арбитража в свете антироссийских ограничительных мер // Вестник гражданского процесса. 2024. Т. 14. № 6. С. 295–319.

190. Носырева Е.И. Последствия заключения альтернативных арбитражных (третейских) оговорок // Юрист. 2013. № 20. С. 10–14.
191. Русакова Е.П., Фролова Е.Е. Об эффективности разрешения цифровых споров посредством арбитража в Англии и Уэльсе // Государство и право. 2024. № 1. С. 179–187.
192. Савранский М.Ю., Севастьянов Г.В. Действительность и исполнимость дореформенного международного арбитражного соглашения: некоторые актуальные вопросы, вызванные практикой переходного периода // СПС «КонсультантПлюс».
193. Севастьянов Г.В. Арбитраж и судопроизводство в условиях пандемии: к теории «процессуального форс-мажора» // Закон. 2020. № 5. С. 118–129.
194. Селькова А.А. Будущее антиисковых обеспечительных мер после Brexit // Арбитражный и гражданский процесс. 2022. № 4. С. 13–15.
195. Ситкарева Е.В. Антиисковые меры: роль и место // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 6. С. 62–65.
196. Скворцов О.Ю. Поиск модели арбитража ad hoc: отголоски консервативной реформы // Третейский суд. 2024. № 1/2. С. 50–53.
197. Смирнов Д.Д. Асимметричные соглашения: проблемы практического применения и вывод Верховного Суда РФ // Юридическая наука. 2021. № 4. С. 144–150.
198. Смирнов Д.Д. Исполнимость арбитражного соглашения в условиях институциональной реформы арбитража // Евразийский юридический журнал. 2025. № 10 (209). С. 237–240.
199. Смирнов Д.Д. К вопросу о «процессуальном форс-мажоре» и адаптации условий арбитражных соглашений // Российский юридический журнал. 2025. № 5 (164). С. 134–143.
200. Смирнов Д.Д. Противоположные решения судов об исполнимости арбитражного соглашения // Третейский суд. 2024. № 1/2 (137/138). С. 130–143.

201. Старженецкий В.В., Очирова С.Б. Влияние санкций на разрешение внешнеэкономических споров: сохранение *status quo* или поиск альтернативных юрисдикций? // Международное правосудие. 2020. № 4. С. 144–167.

202. Хвалей В.В. Дерогационный эффект арбитражного соглашения // Арбитражная практика. 2009. № 10. С. 34–42.

203. Хвалей В.В. Как убить арбитражное соглашение // Третейский суд. 2003. № 5. С. 45–75.

204. Чупрунов И.С. Допустимость взыскания убытков из нарушения арбитражного или пророгационного соглашений // Вестник гражданского права. 2011. Т. 11. № 6. С. 62–101.

205. Ярков В.В. Применение антиисковых обеспечительных мер российскими судами: почему бы и нет? // Закон. 2014. № 8. С. 84–92.

3.2. Иностранная научная литература

3.2.1. Монографии, сборники статей, учебные издания

206. Andrews N. Arbitration and Contract Law. Cham : Springer International Publishing, 2016. 342 p.

207. Bantekas I. Arbitration Agreement and Substantive Claim before Court // UNCITRAL Model Law on International Commercial Arbitration: A Commentary / ed. by I. Bantekas, M. A. Gomez, M. Polkinghorne, P. Ortolani, S. Ali. Cambridge : Cambridge University Press, 2020. P. 141–159.

208. Berg A.J. van den. The New York Arbitration Convention of 1958: Towards a Uniform Judicial Interpretation. Deventer ; Boston : Kluwer Law and Taxation, 1981. xv, 466 p.

209. Blackaby N., Partasides C., Redfern A., Hunter M. Redfern and Hunter on International Arbitration. 7th ed. Oxford : Oxford University Press, 2022. lxxxv, 732 p.

210. Born G. International Commercial Arbitration. 3rd ed. Alphen aan den Rijn : Wolters Kluwer Law International, 2021. 3 vols. 4250 p.

211. Briggs A. Private International Law in English Courts. Oxford : Oxford University Press, 2014. 1064 p.

212. Briggs A. The Conflict of Laws. 3rd ed. Oxford : Oxford University Press, 2013. 448 p.

213. Caron D.D., Caplan L.M. The UNCITRAL Arbitration Rules: A Commentary (with an integrated and comparative discussion of the 2010 and 1976 UNCITRAL Arbitration Rules). 2nd ed. Oxford : Oxford University Press, 2013. 1048 p.

214. David R. Arbitration in International Trade. Deventer : Kluwer Law and Taxation Publishers, 1985. xii, 482 p.

215. Derains Y., Schwartz E.A. A Guide to the ICC Rules of Arbitration. 2nd ed. The Hague : Kluwer Law International, 2005. xvi, 606 p.

216. Does a Right to a Physical Hearing Exist in International Arbitration? : Investigating the Legal, Conceptual and Practical Implications of Remote Hearings in International Arbitration / ed. by J. Hosking, Y. Lahlou, G. Rojas Elgueta. The Hague : International Council for Commercial Arbitration, 2022. 272 p.

217. Fouchard P., Gaillard E., Goldman B. Fouchard, Gaillard, Goldman on International Commercial Arbitration / ed. by E. Gaillard, J. Savage. The Hague : Kluwer Law International, 1999. xxxiii, 1280 p.

218. Friedland P.D., Brown K.A. A Claim for Monetary Relief for Breach of Agreement to Arbitrate as a Supplement or Substitute to an Anti-Suit Injunction // International Arbitration 2006: Back to Basics? : ICCA Congress Series No. 13 / ed. by A.J. van den Berg. The Hague : Kluwer Law International, 2007. Vol. 13. P. 267–281.

219. Fry J., Greenberg S., Mazza F., Moss B. The Secretariat's Guide to ICC Arbitration: A Practical Commentary on the 2012 ICC Rules of Arbitration

from the Secretariat of the ICC International Court of Arbitration. Paris : International Chamber of Commerce (ICC), 2012. xii, 506 p.

220. Gaillard E. Anti-Suit Injunctions Issued by Arbitrators // International Arbitration 2006: Back to Basics? : ICCA Congress Series No. 13 / ed. by A.J. van den Berg. The Hague : Kluwer Law International, 2007. P. 229–256.
221. Hanotiau B. Complex Arbitrations: Multiparty, Multicontract, Multi-Issue and Class Actions. The Hague : Kluwer Law International, 2006. xv, 392 p.
222. Joseph D. Jurisdiction and Arbitration Agreements and their Enforcement. 3rd ed. London : Sweet & Maxwell, 2015. cxiv, 904 p.
223. Kerameus K.D. Anti-Suit Injunctions in ICSID Arbitration // Anti-Suit Injunctions in International Arbitration / ed. by E. Gaillard. Huntington : Juris Publishing ; Bern : Staempfli, 2005. P. 131–144.
224. Kotelnikov A., Kurochkin S., Skvorcov O. Arbitration in Russia. Alphen aan den Rijn : Kluwer Law International B.V., 2019. xv, 201 p.
225. Lalive P. On the Transfer of Seat in International Arbitration // Law and Justice in a Multistate World: Essays in Honor of Arthur T. von Mehren / ed. by J.A.R. Nafziger, S.C. Symeonides. Ardsley, N.Y. : Transnational Publishers, 2002. P. 515–526.
226. Lévy L. Anti-Suit Injunctions Issued by Arbitrators // Anti-Suit Injunctions in International Arbitration / ed. E. Gaillard. Huntington : Juris Publishing ; Bern : Staempfli, 2005. P. 115–130.
227. Lew J.D.M., Mistelis L.A., Kröll S.M. Comparative International Commercial Arbitration. The Hague : Kluwer Law International, 2003. xxxv, 953 p.
228. Madsen F. Commercial arbitration in Sweden : a commentary on the Arbitration Act (1999:116) and the rules of the Arbitration Institute of the Stockholm Chamber of Commerce. 3rd ed. New York : Oxford University Press, 2007. 512 p.
229. Merkin R. Arbitration law. London : LLP, 2004. 1080 p. (Lloyd’s commercial law library).

230. Mustill M.J., Boyd S.C. The Law and Practice of Commercial Arbitration in England. London : Butterworths, 1982. lxxiv, 727 p.

231. Mustill M.J. The history of international commercial arbitration // The leading arbitrators' guide to international arbitration / ed. L.W. Newman, R.D. Hill. 3rd ed. Huntington, New York : Juris Publishing, Inc, 2014. P. 3–33.

232. Oldenstam R. Mannheimer Swartling's concise guide to arbitration in Sweden. 2nd ed. Stockholm : Mannheimer Swartling Advokatbyrå, 2019. 85 p.

233. Paulsson J. The Idea of Arbitration. 1st ed. Oxford : Oxford University Press, 2013. xviii, 309 p.

234. Paulsson M. The 1958 New York Convention in Action. Alphen aan den Rijn : Kluwer Law International B.V., 2016. xxv, 269 p.

235. Pisacane G., Murphy L., Zhang C. Arbitration in China: Rules & Perspectives. Singapore : Springer, 2016. 213 p.

236. Reiser L., Gantenberg U. Ficta Confessio: May arbitral tribunals issue default awards against parties that simply do not show up // Default in International Arbitration: Striking the Balance / ed. D. De Meulemeester. Alphen aan den Rijn : Wolters Kluwer, 2022. P. 29–79.

237. Schroeder C., Mangani C. Default at the Pre-Arbitration Stage // Default in International Arbitration: Striking the Balance / ed. D. De Meulemeester. Alphen aan den Rijn : Wolters Kluwer, 2022. P. 7–29.

238. Seraglini C., Fouret J. The Arbitration Agreement: Legal Nature, the Contractual and the Jurisdictional Aspect // Cambridge Compendium of International Commercial and Investment Arbitration / ed. by S. Kröll, A.K. Bjorklund, F. Ferrari. Cambridge : Cambridge University Press, 2023. P. 669–696.

239. Van Houtte H. Conduct of Arbitral Proceedings // Essays on International Commercial Arbitration / ed. by P. Šarčević. London : Graham & Trotman, 1989. P. 113–128.

240. Veeder V. Laws and Court Decisions in Common Law Countries and the UNCITRAL Model Law // ICCA Congress Series No. 5 (Stockholm 1990): Preventing Delay and Disruption of Arbitration / ed. by A.J. van den Berg. Deventer : Kluwer Law International, 1991. P. 31–60.
241. Waincymer J. Procedure and Evidence in International Arbitration. Alphen aan den Rijn : Kluwer Law International, 2012. xlii, 1363 p.
242. Zykov R. Changing the Seat of Arbitration // Stockholm Arbitration Yearbook 2025 / ed. by P. Schöldström, J. Hope. Alphen aan den Rijn : Kluwer Law International, 2025. P. 327–354.

3.2.2. Статьи в периодических изданиях

243. Ball M. The Essential Judge: the Role of the Courts in a System of National and International Commercial Arbitration // Arbitration International. 2006. Vol. 22. No. 1. P. 73–94.
244. Betancourt J.C. Damages for Breach of an International Arbitration Agreement under English Arbitration Law // Arbitration International. 2018. Vol. 34. No. 4. P. 511–532.
245. Darwazeh N., Greenberg S. No One’s Credit Is As Good As Cash: Awards and Orders for the Payment of the ICC Advance on Costs // Journal of International Arbitration. 2014. Vol. 31. No. 5. P. 577–608.
246. Dimolitsa A. Arbitration Agreements and Foreign Investments: The Greek State // Journal of International Arbitration. 1988. Vol. 5. No. 4. P. 17–39.
247. Dinelli A. The limits on the remedy of damages for breach of jurisdiction agreements: The law of contract meets private international law // Melbourne University Law Review. 2015. Vol. 38. No. 3. P. 1023–1040.
248. Draguiev D. Liability for Non-compliance with a Dispute Resolution Agreement // Arbitration: The International Journal of Arbitration, Mediation and Dispute Management. 2022. Vol. 88. No. 1. P. 135–155.

249. Dutson S. Breach of an Arbitration or Exclusive Jurisdiction Clause: The Legal Remedies if it Continues // Arbitration International. 2000. Vol. 16. No. 1. P. 89–100.

250. Fadlallah I. Payment of the Advance to Cover Costs in ICC Arbitration: The Parties' Reciprocal Obligations // ICC Bulletin. 2003. Vol. 14. No. 1. P. 55–56.

251. Fisher G. Anti-suit Injunctions to Restrain Foreign Proceedings in Breach of an Arbitration Agreement // Bond Law Review. 2010. Vol. 22. No. 1. P. 1–25.

252. Gaillard E. Seven Dirty Tricks to Disrupt an Arbitration and the Responses of International Arbitration Law // Arbitration International. 2023. Vol. 39. No. 3. P. 361–378.

253. Jaroslavsky P. Damages for the Breach of an Arbitration Agreement: Is It a Viable Remedy? // SSRN Electronic Journal. 2015. 55 p.

254. Jarvin S. The Place of Arbitration: A Review of the ICC Court’s Guiding Principles and Practice when Fixing the Place of Arbitration // ICC International Court of Arbitration Bulletin. 1996. Vol. 7. No. 2. P. 54–58.

255. Kwok D. Breach of Arbitration Agreement and its Costs Consequences // Arbitration International. 2018. Vol. 34. No. 1. P. 149–153.

256. Michaelson J., Blanke G. Anti-Suit Injunctions and the Recoverability of Legal Costs as Damages for Breach of an Arbitration Agreement // Arbitration. 2008. Vol. 74. P. 12–27.

257. Peters A. International Dispute Settlement: A Network of Cooperational Duties // European Journal of International Law. 2003. Vol. 14. No. 1. P. 1–34.

258. Salomonsson A.S. Validity and Enforceability In Dubio: When Arbitration Agreements Designate Defunct Arbitration Institutions // Revista Română de Arbitraj. 2025. Vol. 19. No. 3. P. 39–72.

259. Sanyal A., Han M. Are Anti-Suit Injunctions by the English Courts «Suited» to Protect Foreign Seated Arbitrations? Observations on recent judgments

involving sanctioned Russian entities and suggested alternatives // Revista Română de Arbitraj. 2024. No. 3. P. 121–149.

260. Scherer M. The Place or ‘Seat’ of Arbitration (Possibility, and/or Sometimes Necessity of its Transfer?) – Some Remarks on the Award in ICC Arbitration n° 10’623 // ASA Bulletin. 2003. Vol. 21. No. 1. P. 112–119.
261. Schregenberger A., Carè R. Pathological Arbitration Clauses: Role of the Law Applicable to the Substantive Validity of the Arbitration Agreement under Article II(3) NYC // ASA Bulletin. 2024. Vol. 42. No. 1. P. 23–33.
262. Secomb M. Awards and Orders Dealing with the Advance on Costs in ICC Arbitration: Theoretical Questions and Practical Problems // ICC International Court of Arbitration Bulletin. 2003. Vol. 14. No. 1. P. 13–14.
263. Söderlund C. A Comparative Overview of Arbitration Laws: Swedish Arbitration Act 1999, English Arbitration Act 1996 and Russian Federal Law on International Commercial Arbitration 1993 // Arbitration International. 2004. Vol. 20. No. 1. P. 73–84.
264. Steinbrück B. Orders Compelling Performance of Arbitration Agreements – Lessons to be learnt from US Law // German Arbitration Journal. 2010. Vol. 4. P. 177–182.
265. Takahashi K. Damages for Breach of a Choice-of-Court Agreement // Yearbook of Private International Law. Munich : Sellier de Gruyter, 2009. Vol. 10. P. 57–91.
266. Tan D. Damages for Breach of Forum Selection Clauses, Principled Remedies, and Control of International Civil Litigation // Texas International Law Journal. 2005. Vol. 40. P. 623–661.
267. Tan D., Yeo N. Breaking Promises to Litigate in a Particular Forum: Are Damages an Appropriate Remedy? // Lloyd's Maritime and Commercial Law Quarterly. 2003. P. 435–444.
268. Uzelac A. Succession of Arbitral Institutions // Croatian Arbitration Yearbook. 1996. Vol. 3. P. 71–89.

269. Williams T., Durrani A., Singh U. The Advance on Costs in Arbitration: Reimbursement of Substituted Payment // Journal of International Arbitration. 2021. Vol. 38. No. 3. P. 381–404.

270. Yaffe N. Transnational Arbitral *Res Judicata* // Journal of International Arbitration. 2017. Vol. 34. No. 5. P. 795–833.

271. Yeşilırmak A. Interim and Conservatory Measures in ICC Arbitral Awards // ICC International Court of Arbitration Bulletin. 2000. Vol. 11. No. 1. P. 31–36.

272. Zoroska-Kamilovska T., Rakocevic M. Default in Arbitration Proceedings: Meeting the Objectives of Due Process, Efficiency and Truth // Revista Română de Arbitraj. 2017. Vol. 11. No. 1. P. 11–19.

3.3. Диссертации и авторефераты диссертаций

273. Астахова Д.А. Тенденции делокализации международного коммерческого арбитража : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. М., 2019. 198 с.

274. Владимирова С.А. Правовая природа и значение третейского соглашения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Владимирова Светлана Александровна. М., 2007. 26 с.

275. Елисеев Н.Г. Договорное регулирование гражданских и арбитражных процессуальных отношений : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.15. М., 2017. 481 с.

276. Еремин В.В. Арбитрабельность споров с участием публичных субъектов : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2021. 356 с.

277. Казаченок С.Ю. Соглашение об арбитраже в системе частноправового обеспечения внешнеэкономических сделок: методология формирования и практика применения : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03. Волгоград, 2015. 523 с.

278. Карабельников Б.Р. Нью-Йоркская конвенция 1958 года о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений:

проблемы теории и практики применения : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. М., 2001. 204 с.

279. Козырин А.А. Антиисковые юридические запреты: сравнительно-правовое исследование средств правовой защиты : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2025. 188 с.
280. Коломиец А.И. Действительность арбитражного соглашения по праву России и зарубежных стран : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. М., 2018. 227 с.
281. Котельников А.Г. Правовая природа арбитражного соглашения и последствия его заключения : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.15. Екатеринбург, 2008. 212 с.
282. Кудинова М.В. Компетенция государственных судов и международных коммерческих арбитражей по разрешению международных коммерческих споров : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2025. 210 с.
283. Купчина Е.В. Разрешение споров в сфере интеллектуальной собственности международным арбитражем в условиях цифровизации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024. 26 с.
284. Мамедалиева А.В. Конкуренция юрисдикций при рассмотрении и разрешении гражданско-правовых споров, осложненных применением мер ограничительного характера : дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.3. М., 2026. 221 с.
285. Мата О.В. Арбитражное соглашение и разрешение споров в международных коммерческих арбитражных судах : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. М., 2002. 207 с.
286. Петрова К.В. Основания неисполнимости арбитражного соглашения в России и Германии: сравнительный анализ : дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.3. Екатеринбург, 2024. 230 с.
287. Русакова Е.П. Рассмотрение торговых споров международными коммерческими арбитражами Англии : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 199 с.

288. Севастьянов Г.В. Правовая природа третейского разбирательства и компетенция третейского суда в сфере недвижимости : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. М., 2013. 185 с.

4. Иные источники

289. Адвокатское бюро «КИАП». Алерт по Закону Лугового (ст. 248.1–248.2 АПК РФ) с приложением [Электронный ресурс]. 16 сентября 2024 г. URL: https://kiaplaw.ru/press-centr/news/7723.html (дата обращения: 19.03.2026).

290. Арбитражный регламент Арбитражного центра при РСПП [Электронный ресурс] : (в ред. 2018 г.). URL: https://arbitration-rspp.ru/documents/rules/regulation (дата обращения: 28.08.2026).

291. Арбитражный регламент Российского арбитражного центра при Российском институте современного арбитража [Электронный ресурс] : (в ред. 2021 г.). URL: https://centerarbitr.ru/rules/ (дата обращения: 12.04.2026).

292. Арбитражный регламент ЮНСИТРАЛ [Электронный ресурс] : (в ред. 2021 г.). URL: https://uncitral.un.org/ru/texts/arbitration/contractualtexts/arbitration (дата обращения: 12.04.2026).

293. Комментарии ЮНСИТРАЛ по организации арбитражного разбирательства, принятые в 2016 году (с дополнительным комментарием об отклонении на раннем этапе и предварительном определении, принятым в 2023 году) [Электронный ресурс] / Комиссия Организации Объединенных Наций по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ) // Организация Объединенных Наций : сайт. URL: https://uncitral.un.org/ru/texts/arbitration/explanatorytexts/organizing_arbitral_proceedings (дата обращения: 20.04.2026).

294. Судебный Альбион [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. 2025. 11 июня. № 103. С. 7. URL: https://www.kommersant.ru/doc/7796366 (дата обращения: 28.08.2026).

295. Минюст аккредитовал Дубайский арбитражный центр [Электронный ресурс] // Право.ру. 2026. 12 января. URL: https://pravo.ru/news/261953/ (дата обращения: 28.08.2026).

296. Положение об арбитражных расходах [Электронный ресурс] : (приложение 6 к приказу ТПП РФ от 11.01.2017 № 6, в ред. от 09.10.2024). URL: https://mkas.tpprf.ru/ru/materials/ (дата обращения: 28.08.2026).

297. Правила арбитража международных коммерческих споров [Электронный ресурс] : (приложение 2 к приказу ТПП РФ от 11.01.2017 № 6). URL: https://mkas.tpprf.ru/ru/materials/ (дата обращения: 12.04.2026).

298. Статус текстов: Конвенция о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (Нью-Йорк, 1958 год) [Электронный ресурс] // Комиссия Организации Объединенных Наций по праву международной торговли : [сайт]. URL: https://uncitral.un.org/ru/texts/arbitration/conventions/foreign_arbitral_awards/status2 (дата обращения: 27.02.2026).

299. Статус текстов: Типовой закон ЮНСИТРАЛ о международном торговом арбитраже (1985 год) с изменениями, принятыми в 2006 году [Электронный ресурс] // Комиссия Организации Объединенных Наций по праву международной торговли : [сайт]. URL: https://uncitral.un.org/ru/texts/arbitration/modellaw/commercial_arbitration/status (дата обращения: 20.03.2026).

300. Число санкций против России превысило 31,5 тысячи [Электронный ресурс] // РИА Новости. 2026. 25 февраля. URL: https://ria.ru/20260225/sanktsii-2076526925.html (дата обращения: 19.03.2026).

301. CAM-CCBC Regulamento de Arbitragem [Электронный ресурс]. URL: https://www.ccbc.org.br/cam-ccbc-centro-arbitragem-mediacao/wp-content/uploads/sites/10/2025/10/251002_Regulamento-de-Arbitragem_v7.pdf (дата обращения: 28.08.2026).
302. Annuaire de l'Institut de Droit International. 1989. Vol. 63, T. I. P. 31–204.
303. Annuaire de l'Institut de Droit International. 1990. Vol. 63, T. II. P. 121–221.
304. ASAP – Protocol for Effective Arbitration in the context of unilateral sanctions [Электронный ресурс]. URL: https://arbitration.ru/en/press-centr/news/asap-protocol-for-effective-arbitration-in-the-context-of-unilateral-sanctions/ (датаобращения: 10.06.2025).
305. Damages for breach of the obligation to arbitrate: a step forward of national courts in favour of arbitration? [Электронный ресурс] // Kluwer Arbitration Blog. URL: https://legalblogs.wolterskluwer.com/arbitration-blog/damages-for-breach-of-the-obligation-to-arbitrate-a-step-forward-of-national-courts-in-favour-of-arbitration/ (дата обращения: 28.07.2025).
306. DIAC and LCIA Joint Press Release [Электронный ресурс]. URL: https://www.lcia.org/News/update-difc-lcia.aspx (дата обращения: 26.01.2025).
307. DIAC Arbitration Rules [Электронный ресурс] : (2022 edition). URL: https://www.diac.com/en/adr-services/arbitration/rules/diac-arbitration-rules-2022/ (дата обращения: 12.04.2026).
308. DIS Arbitration Rules [Электронный ресурс] : (2018 edition). URL: https://www.disarb.org/en/tools-for-dis-proceedings/dis-rules (дата обращения: 12.04.2026).
309. Draft report of the Working Group on Arbitration and Conciliation on the work of its 43rd session : addendum / United Nations Commission on International Trade Law (UNCITRAL). Vienna : United Nations, 2005.
310. German Arbitration Institute (DIS). Our history [Электронный ресурс]. URL: https://www.disarb.org/en/about-us/history (дата обращения: 20.03.2026).

311. HKIAC Administered Arbitration Rules [Электронный ресурс] : (2024 edition). URL: https://hkiac.org/arbitration/rules-and-practice-notes/ (дата обращения: 12.04.2026).
312. ICC Arbitration Rules [Электронный ресурс] : (2026 edition). URL: https://iccwbo.org/dispute-resolution/dispute-resolution-services/arbitration/rules-procedure/2026-arbitration-rules/ (дата обращения: 12.08.2026).
313. ICC court issues COVID-19 guidance note for arbitral proceedings [Электронный ресурс]. URL: https://iccwbo.org/news-publications/news/icc-court-issues-covid-19-guidance-note-for-arbitral-proceedings (дата обращения: 25.01.2025).
314. ICDR International Dispute Resolution Procedures [Электронный ресурс] : (2026 edition). URL: https://www.adr.org/media/f5pcg32c/2026_international_dispute_resolution_procedures.pdf (дата обращения: 28.08.2026).
315. LCIA Arbitration Rules [Электронный ресурс] : (2020 edition). URL: https://www.lcia.org/Dispute_Resolution_Services/lcia-arbitration-rules-2020.aspx (дата обращения: 12.04.2026).
316. López-Ibor A., Henriquez de Luna P., Jover V. Arbitration Procedures and Practice in Spain: Overview [Электронный ресурс]. URL: https://uk.practicallaw.thomsonreuters.com/w-013-3979 (дата обращения: 23.04.2026).
317. Marchisio G. Rebus Sic Stantibus: A Comparative Analysis for International Arbitration [Электронный ресурс] // SSRN Electronic Journal. 2012. URL: https://ssrn.com/abstract=2103641 (дата обращения: 19.03.2026).
318. NAI Arbitration Rules [Электронный ресурс] : (2024 edition). URL: https://www.nai.nl/2024-nai-arbitration-rules/ (дата обращения: 12.04.2026).
319. Report on Res Judicata in International Arbitration / IBA Arbitration Committee Task Force on Res Judicata in International Arbitration

[Электронный ресурс]. URL: https://www.ibanet.org/Res-judicata-in-international-arbitration (дата обращения: 22.04.2026).

320. Rozhodčí soud při Hospodářské komoře České republiky a Agrární komoře České republiky je veřejnou institucí // Sbírka rozhodnutí Nejvyššího správního soudu [Электронный ресурс]. URL: https://sbirka.nssoud.cz (дата обращения: 25.07.2026).
321. SCC Arbitration Rules [Электронный ресурс] : (2023 edition). URL: https://sccarbitrationinstitute.se/en/resource-library/scc-rules/ (дата обращения: 12.04.2026).
322. Scherer M., Ajitsaria R., Martseniuk V. Anti-Suit Injunction Cases in the U.K.: Fueled By Russian Sanctions? [Электронный ресурс] // Kluwer Arbitration Blog. 2025. 13 May. URL: https://legalblogs.wolterskluwer.com/arbitration-blog/anti-suit-injunction-cases-in-the-uk-fueled-by-russian-sanctions/ (дата обращения: 28.08.2026).
323. SIAC Arbitration Rules [Электронный ресурс] : (7th ed., 1 January 2025). URL: https://siac.org.sg/siac-rules-2025 (дата обращения: 12.04.2026).
324. Swiss Rules of International Arbitration [Электронный ресурс] : (2021 edition). URL: https://www.swissarbitration.org/centre/arbitration/arbitration-rules (дата обращения: 12.04.2026).
325. Townsend M. New Judicial Guidance on the CIETAC Split: Closure After Three Years of Uncertainty? [Электронный ресурс] // Kluwer Arbitration Blog. 2015. 5 Aug. URL: https://legalblogs.wolterskluwer.com/arbitration-blog/new-judicial-guidance-on-the-cietac-split-closure-after-three-years-of-uncertainty/ (дата обращения: 25.03.2026).
326. VIAC Rules of Arbitration [Электронный ресурс] : (2021 edition). URL: https://www.viac.eu/en/arbitration-basics/arbitration-rules/ (дата обращения: 12.04.2026).